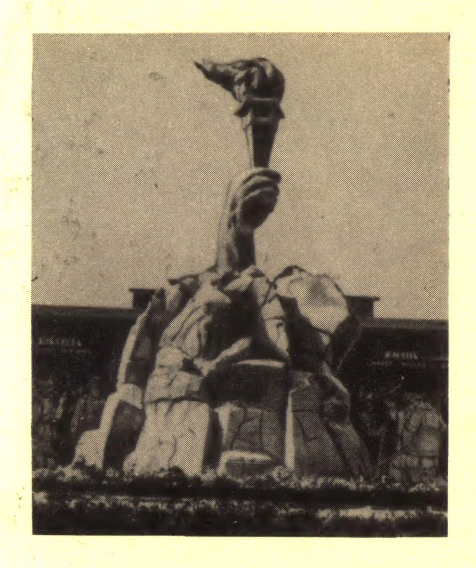
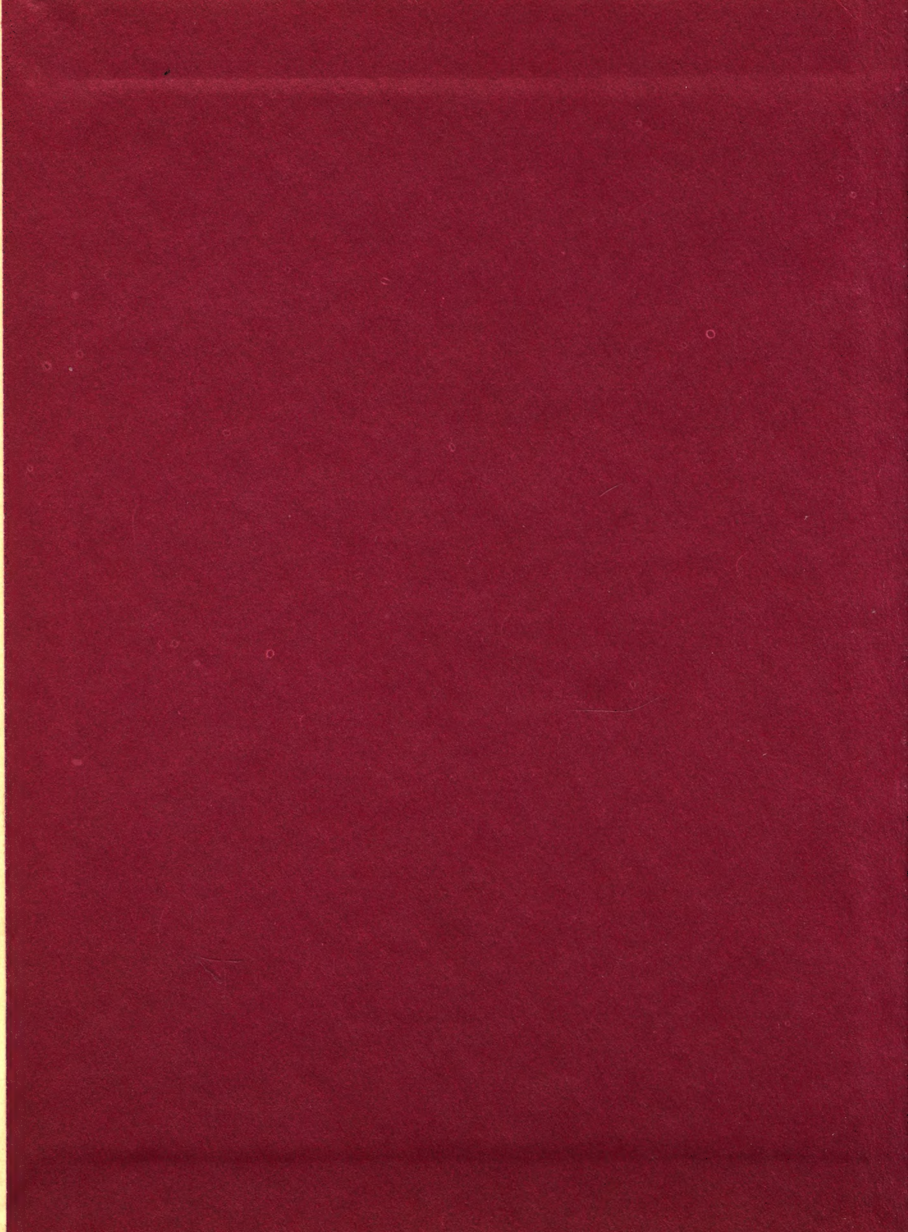

ПИСЬМА СЛАВЫ И БЕССМЕРТИЯ

Письма революционеров, павших в борьбе за пролетарскую революцию и победу Советской власти в России

1905–1922 годы

Победа будет на стороне
эксплуатируемых,
ибо за них жизнь,
за них сила числа,
сила массы,
сила неисчерпаемых источников
всего самоотверженного,
идейного, честного,
рвущегося вперед,
просыпающегося
к строительству нового,
всего гигантского
запаса энергии
и талантов так называемого
,,простонародья",
рабочих и крестьян.

В. Ульянов (Ленин)

ПИСЬМА СЛАВЫ И БЕССМЕРТИЯ

Письма революционеров, павших в борьбе за пролетарскую революцию и победу Советской власти в России

1905—1922 годы

Издание четвертое, дополненное

Москва
Издательство
политической
литературы
1987

ББК 66.61(2)2
П35

Составитель
В. А. Кондратьев

Письма славы и бессмертия: Письма революционе-
П35 ров, павших в борьбе за пролетарскую революцию и победу Советской власти в России, 1905—1922 / Сост. В. А. Кондратьев.— 4-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1987.— 335 с., ил.

В книге собраны письма пролетарских революционеров, павших в борьбе с классовыми врагами в 1905—1922 гг.
Публикуемые документы сопровождаются комментариями, в которых приводятся сведения о жизненном пути героев, их месте в революции.
Четвертое издание дополнено новыми именами и документами.
Адресуется массовому читателю.

П $\frac{0505030101-026}{079(02)-87}$ 135—87 ББК 66.61(2)2

...за нашей спиной стоит целый ряд революционеров, которые приносили свою жизнь в жертву освобождения России. На долю большинства этих революционных деятелей выпала тяжелая судьба. На их долю выпали преследования царизма, им не дано было счастье присутствовать при победоносной революции.

В. И. ЛЕНИН

Письма непобежденных

Революция бесстрашно соединила само слово «смерть» с высоким нравственным понятием сознательного, жертвенного подвига во имя жизни поколений.

Это началось давно, на заре первых, стихийных еще, революционных восстаний и бунтов и кристаллизовалось, набирало набатную силу с ростом сознательности масс, с началом эпохи пролетарских революций. Корни этих подвигов — народные, они незримыми нитями связывают революционеров разных эпох, обозначая их духовное братство. Об этом говорил В. И. Ленин 1 мая 1919 г. в Москве на Лобном месте при открытии памятника герою далекого XVII в.— Степану Разину: «Много жертв принесли в борьбе с капиталом русские революционеры. Гибли лучшие люди пролетариата и крестьянства, борцы за свободу...»

В другом своем выступлении, 7 ноября 1918 г., в речи при открытии мемориальной доски борцам Октябрьской революции, Ленин сказал: «История России за целый ряд десятилетий нового времени показывает нам длинный мартиролог революционеров. Тысячи и тысячи гибли в борьбе с царизмом. Их гибель будила новых борцов, поднимала на борьбу все более и более широкие массы».

Велик и тяжел этот мартиролог — скорбный и гордый список жертв реакции, террора, казней и преследований. Нескончаем перечень испытаний, перенесенных революционерами, их близкими и товарищами. Узнав о расстреле Ивана Васильевича Бабушкина на Байкале царскими карателями, Ленин в некрологе писал о проклятых условиях, когда может без вести сгинуть революционер и никто, даже «самые близкие люди, как жена и мать, самые близкие товарищи годами не знают, что сталось с ним: мается ли он где на каторге, погиб ли в какой тюрьме или умер геройской смертью в схватке с врагом». И то, что в первых строчках некролога, в начальных аккордах ленинского реквиема по Бабушкину звучат слова «жена и мать»,— полно высокого смысла и человечности. Слова эти первородны, они говорят о жизни и ее священных правах.

Враги революции всегда пытались — и делают это сегодня — обратить ими же преступно пролитую кровь против самой революции. Пытались и пытаются переменить местами причины и следствия. Делают все, чтобы вину за растущий с каждым десятилетием мартиролог революционеров возложить не на палачей народа, а на сам народ, на лучших его сыновей.

Сколько было явлено миру лицемерных слез по поводу якобы ввергнутой в беззаконие Сибири 1905 г., по поводу мнимых жестокостей железнодорожных рабочих и телеграфистов Сибири, а ведь пролетарские революционеры не отняли ни одной даже черной жандармской жизни на огромном пространстве от Красноярска до Читы и Харбина! Реки безвинной народной крови потекли тогда, когда поезда карателей баронов Ренненкампфа и Меллера-Закомельского двинулись друг другу навстречу из Москвы и Харбина, сея смерть без суда и следствия, сотнями расстреливая людей, согнанных в паровозное депо и вокзальные залы, когда царизм спустил с цепи псов черной сотни.

Но можно и не углубляться особенно в историю. Наша память навсегда обожжена трагедией недавнего прошлого. Попытка народа Чили конституционно, без насилия изменить собственную жизнь, отбросить диктатуру военщины и перейти к бескровным революционным преобразованиям общества была остановлена террором, страшной, неизгладимой из летописи человечества кровью.

Расхожее утверждение гласит, что и целый век — только миг в истории нашей планеты, не говоря уже о вечном бытии Вселенной. Но почтительно склоняя голову перед загадками Вселенной, стараясь познать ее, мы, люди, живым сердцем, всем током крови, всей силой памяти откликаемся социальной истории человечества. Для нас минувшее время наполнено живыми, страдающими, призывными голосами, борьбой за лучшее будущее — справедливое, исключающее эксплуатацию человека человеком и неравенство крови.

И в этой социальной истории двадцатому веку навсегда принадлежит особое место, его определила победившая в России революция. Октябрьский меридиан истории, великая пролетарская революция 1917 года — рубеж не временный, не условный, как принятые всем человечеством меридианы географические, это решительный и коренной поворот в самом существовании населяющих Землю народов.

Через нужду, тяжкие испытания, кровь миллионов солдат Советской республики, осаждаемой могущественными врагами, мы не только двигались и двигаемся вперед вот уже семь десятилетий, но и увлекаем своим примером народы мира на путь борьбы за освобождение от социального и национального рабства.

Не дворцовые перевороты, не смена кабинетов или правительств, не перезахват награбленных у народов богатств, но разрушение всех несправедливых, неправедных устоев собственнической жизни, поиски путей построения социалистического общества — такой стала торная дорога человечества, со всем многообразием народных судеб, уклада жизни, исторических условий развития.

С каждым десятилетием голоса тех, кто отдал жизнь за победу революции, не отдаляются от нас, не затериваются среди новых голосов героев, отважно вступающих в сражения за идеалы коммунизма. Каждое десятилетие прибавляет нам и горести по погибшим братьям и сестрам, и гордости, и благодарности им за бессмертный подвиг. В канун праздника эти чувства звучат в нас набатно, призывно, дают нам новые силы для жизни непраздной, честной, деятельной, отданной великому нашему делу.

Собственнический мир не сдается без сопротивления. Нет такой жестокости, таких бесчеловечных орудий и средств борьбы, перед которыми он остановился бы, поступившись своими привилегиями, своим обыкновением жить за счет эксплуатируемых масс. И сегодняшняя смертельно опасная игра водородными и нейтронными боеголовками есть не что иное, как попытка устрашить, подавить необратимо меняющийся мир людей, удержать их в повиновении, в социальной и расовой кабале шантажом, угрозами, а при нужде и злодейством атомных атак. Ведь атомные бомбы уже были сброшены на города Японии, и сделали это летчики той страны, которая является цитаделью и военным арсеналом капиталистического мира, главным держателем пакета его акций.

Чего только не придумывали борзописцы реакции, чтобы оболгать революционеров, изобразить их существами без сердца, демонами тупого разрушения, лишенными веры, а вместе с ней и нравственности,— для них, мол, не было и нет ничего святого. Помещенные в книге предсмертные письма погибших героев — неоспоримые свидетельства прошлого, передающие живые черты реальных героев — несомненные, ясные, естественные, как восход солнца или вечное устремление рек к океану.

Предсмертные письма... Тут уж не до рисовки, не до притворства, не до случайных обмолвок или хитроумной игры с судьбой. Остались часы, иногда — минуты («еще бы писал, но уже сказано готовиться к казни...»), написать можно только очень немногое, а потому — самое главное, то, что было и теперь уже навсегда останется исповеданием веры. Нравственная высота революционера, его презрение к смерти и неизбывная любовь к жизни с могучей силой и определенностью выражаются в этих ни с чем не сравнимых письменных свидетельствах духа.

Я читал эту книгу, сознавая, что в нее вошла только часть того, что рвалось из сердца и из уст десятков тысяч революционеров, погибавших от рук жандармов, палачей, интервентов и белобандитов на протяжении последних двенадцати лет кровавого царствования дома Романовых и в годы гражданской войны. Быть может, только одному из ста или тысячи героев была дарована судьбой случайная возможность написать несколько прощальных строк близким, родным. Быть может, только один из сотен клочков бумаги, уже заполненных торопливыми строками, дошел до близких, а затем и до нас, был отыскан и сбережен для истории.

Тем выше цена каждого слова, написанного кровью сердца.

Вчитайтесь в эти завещательные строки, еще не зная подробностей жизни этих людей, их возраста, еще не видя их портретов, и вам откроется мир мужества и высокого самопожертвования.

Это прежде всего мир осмысленного подвига. Это — подтверждение (но какое — ценою жизни!) революционного идеала, объединившего в порыве миллионы людей. Это полное трагизма осуществление великого лозунга народа, поднявшегося на борьбу за свое будущее: победа или смерть! Редкие проводы рабочих полков и отрядов на фронт, редкий военный митинг в труднейшие месяцы и годы гражданской войны не заканчивались именно этой, полной высокого исторического смысла формулой: победа или смерть.

Но как не прост, как долог путь от этих святых слов, от гражданского порыва, даже от атакующей цепи бойцов до той последней черты, когда ты предоставлен сам себе, тишине застенка, последнему раздумью у вырытой уже могилы! Тут, на грани бытия и небытия,— труднейшее из всех возможных испытание мужества и воли. Выдержать его с честью может только тот, кто на деле борется за правое дело. Тут не спасет хлесткая «революционная

фраза» — перед реальностью уничтожения фраза задохнется, умрет, задушенная страхом. Не спасет и личная храбрость, если в основании ее нет глубокой веры в справедливость и непобедимость революционного дела.

Среди пословиц и поговорок народа о смерти есть и такие, смысл которых в бессилии перед ней отдельного человека. Одну из них я не раз прочитывал, без размышления, словно автоматически принимая ее правоту: «На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь».

Похоже на истину. Никто не рискует смотреть во все глаза на слепящее солнце. Но вот я прочитываю эту небольшую книгу писем и убеждаюсь в том, что все эти простые и славные люди, далекие от романтических поз и театральных жестов, сумели взглянуть в лицо смерти отважно, гордо, что называется, не мигая. В лицо не вообще смерти, не на вечную проблему смерти как физической неизбежности,— на эти темы горазды толковать и теоретизировать и иные слабые духом люди,— а в лицо собственной скорой и неизбежной гибели. Такой близкой гибели, что уже ее черное дыхание шевелит волосы на твоем затылке.

«Я совершенно спокойно ухожу из этого мира тьмы и насилия».

«Грядущей смерти не страшусь: умереть за правду легко».

«Смертный приговор я выслушал спокойно и иду на казнь с открытой душой».

«Другой я не могла быть, я умираю за правду и потому нисколько не унываю».

«Очень бодра, удивительно спокойна, и не только я, а все остальные».

А вот исполненный гордости взгляд из-за тюремной решетки на подругу, на любимую: «Смело, без ропота и без страха, она шла к эшафоту».

Я привел только немногое. Буквально каждое письмо и все те из них, что открыто пронизаны жаждой жизни, страстным жизнелюбием («Как тяжело расставаться с жизнью...» — ведь это рвется из груди, взывает к человечеству!), едва речь заходит о главном,— выражают все то же спокойствие и презрение к смерти. Даже если дрожит рука и не унять естественной тоски по близким, по небу над головой, конечный результат тот же: гордое презрение к палачам: «...беру дрожащими руками карандаш и пишу вам, дорогие родители, дорогой супруге Мане... Жду смерти без страха, так как совесть моя чиста...»

Подчеркнутое мною слово «спокойно» часто встречается в письмах, переданных на волю мужчинами и женщинами, опытными революционерами-подпольщиками и юношами, только вступившими в борьбу, отцами семейств и невестами, людьми разных национальностей, на разных этапах революционной борьбы и в разных концах страны. Откуда же это поразительное сходство строя мыслей, я бы даже сказал, близость интонации в письмах столь несхожих людей?

Перед лицом этого духовного единства революционеров наши идейные враги, теряясь, изобретают свои версии, вроде некой «бесчувственности», бессердечия или холодного, выжигающего в человеке все живое, фанатизма.

Письма героев, опубликованные в этой книге, как и в изданном многократно сборнике «Говорят погибшие герои» [1], не оставляют камня на камне от таких измышлений, от скудоумных лживых наветов. Читая эти письма, все лучше понимаешь, как эти простые строки страшны для апологетов и философов реакции,— страшны своим нравственным здоровьем, своей простотой, цельностью открывающихся в письмах личностей, непоколебимой верой в лучшее будущее своего народа и всего трудового человечества. За письмами возникают и встают в рост добрые и совестливые люди: нежный отец и муж, трепетная мать, любящие сыновья и дочери — люди настолько неэгоистичные, что судьбу общего дела они ставят бесконечно выше своего единственного земного существования.

Не реже, чем слова о бесстрашной, спокойной встрече смерти, находим мы в письмах и обращение к совести, к высшим нравственным мотивам поведения личности, к справедливости как понятию, относящемуся не к собственной судьбе, а к самому существованию попранного царизмом народа. Казалось бы, зачем в предсмертном письме к родным или товарищам, которые знают тебя до донышка, писать о своей чистой совести и верности идеалам социальной справедливости?! Ведь жизнь уже прожита, она открыта друзьям, осталось только проститься.

Оказывается, в этом есть острая духовная необходимость. Потребность выразить простую и в то же время философскую формулу собственного существования, определить цель жизни, вдвойне важную для тех, кто останется жить.

[1] Говорят погибшие герои. Восьмое, дополненное издание. М., 1986.

«Я умру с чистой совестью... Я всегда ценил человеческую жизнь и делал все возможное, чтобы спасти людей от смерти».

«Пусть мысль о том, что я жил и умер человеком, что я никогда не вступал в сделку со своей совестью, укрепит тебя в трудную минуту».

«Мы шли с открытыми глазами, и если бы я остался жить, то снова поступил бы так же».

«Свое личное «я», свою личную жизнь и семейную я поставил на второй план... Просто потому, что я человек честный, люблю честных и ненавижу подлецов».

Безупречная совесть в этих письмах — не запоздалый крик души, не украшение собственной жизни, не просто святое слово, долженствующее окрасить последние часы земного бытия, а естественный итог всего существования и пожизненной борьбы революционера. Она необходима и как бесстрашный взгляд, устремленный на целящихся палачей, она и нравственный завет тем, кто остается жить и бороться. Совесть — не для красного словца, совесть, подтвержденная жизнью и смертью,— поистине огромная, устрашающая врага сила. Она, как ничто другое, питает презрение героев к своим палачам; неудивительно, что у одного из приговоренных к казни революционеров в предсмертном письме товарищам, переданном из застенка омской тюрьмы, вырвались полные брезгливого презрения слова о палачах: «Подлые они трусы! Даже расстреливать всех вместе трусят. Выводят небольшими партиями».

Вчитываясь в мужественные строки этих писем, ощущаешь и наполняющую их нежность. Прекрасную, спасительную для личности и такую человечную волну нежности к близким, к любимым, к товарищам по борьбе, к земле и небу.

«Смотрю в последний раз на заходящее солнце и благословляю жизнь».

«Страстно не хочется умирать, не пожив! — пишет девушка, та, что шла к эшафоту без страха на глазах у любимого.— Ну, долой мрачные мысли, а то еще подумают, что я боюсь смерти».

«Как жаль, что я не последняя жертва. Моя просьба к вам: мужественно перенесите преждевременную мою смерть».

«...Ласкайте Ирочку, как это делала я, и утром и вечером, когда она будет ложиться спать,— просит за дочку мать, обреченная на казнь.— Думаю, что в вашем сердце найдется любовь нежная и для нее».

Есть письма-исповеди, письма — объяснения в любви, трепетной, сильной, любви, которая поистине сильнее смерти; любви, родившейся не для того, чтобы заслонить весь белый свет,— она возвышает личность, делает человека крепче в жизненной борьбе.

В этом издании впервые публикуется письмо Николая Баумана отцу из одиночной камеры Таганской тюрьмы.

Как спокоен его голос, сколь грозен он для старого мира, если бы этот мир умел мыслить исторически, слышать особые, гордые и презрительные, интонации, понимать свою обреченность:

«Милый папа! Мне очень прискорбно слышать, что Вы до сих пор не можете или не желаете понять меня. Неужели Ваш долгий жизненный опыт не подсказывает Вам, что каждый человек должен идти собственным путем, что в жизни нет широкой проторенной дороги для тех, кто способен мыслить и чувствовать?.. Несчастными становятся не те, которые голодают, холодают или сидят за решеткой, и, наоборот, счастливы не те, которые живут в богатстве и безнаказанно пользуются свободой. В действительности же тот несчастен, кто сбился со своей настоящей дороги или не мог найти ее вовсе, а счастлив тот, кто идет неуклонно, без страха и сомнения туда и прямо, куда указывают ему совесть и убеждения...»

Какое исключительное богатство мысли и содержания, полная, на все времена, не только политическая, но и нравственная, этическая программа! Как хотелось бы, чтобы сегодняшний молодой человек, обдумывающий собственную жизнь, задержался на этой странице, перечитал ее не раз, понял, что в этих словах дана и вечная, простая формула счастья, что действительна она не только для ушедших в прошлое бойцов, но и для тех, кто молодыми подходит к 70-летию Великого Октября, кто принадлежит нашему сегодняшнему, переломному, решающему времени.

Особый свет разума бросает на эти письма неусыпная забота их авторов о завтрашнем дне без них, о судьбе общего дела, о товарищах и даже о тех заблудших людях, кто слепотой своей сыграл на руку палачам.

«Пусть наша смерть утроит ваши силы» — вот главная мысль, выраженная так точно, что ни одно слово из этой фразы не может быть опущено. Этой мыслью живут и пророческие строки предсмертного стихотворения революционера-венгра, строки, обращенные к «красным мадьярам»: «Благословен, кто в битве пал

победной. А трусов смоет времени река. Вас ждут объятия в красном Будапеште».

Революционеров порой мучит мысль о слепцах, о «несознательных массах», о людях, натравленных реакцией на своих братьев-революционеров, сознание того, что некоторые из них «сделались убийцами своих же товарищей». И в какие минуты пишутся эти слова наставления и скорби! Мы не удивляемся уже, читая письма-программы, политические платформы, письма с трезвым и хладнокровным разбором революционной ситуации и ошибок противоборствующих сил,— а ведь и это все писано не в кабинете, не за письменным столом, это — последние, поистине завещательные строки...

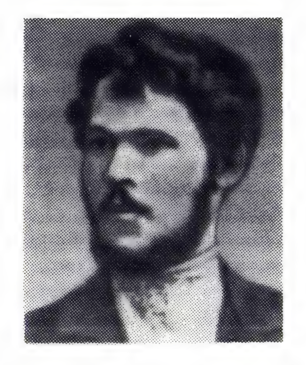
Такова великая полнота жизни борца-революционера. Она объемлет все: прошлое, настоящее и будущую жизнь народа, неотвратимость его борьбы за свободу, любовь к близким, долг и совесть, чувство справедливости и чувство товарищества — все краски жизни. И нет такого высокого и чистого душевного устремления, какое не было бы близко в самых живых и человечных проявлениях именно пролетарским революционерам.

И небольшая эта книга писем, драгоценные осколки уцелевшего,— лучшее тому доказательство.

Александр Борщаговский

Александр Михайлович Петров

13 марта 1882 — 24 августа 1905

Письмо товарищам по восстанию на Черном море

24 августа 1905 г.

У меня и Черного — настроение бодрое. В возможность замены расстрела каторгой не верим...

Обязанности агитатора я принял на себя еще на «Екатерине», где удавалось собирать значительные сходки (предпоследняя — 48 человек, последняя — до 70 человек). После перехода с «Екатерины» на «Прут» организация была нарушена...

За десять дней на «Пруте» удалось понемногу собрать людей, объединил машинную команду, стал устраивать небольшие сходки.

...Мы видели, как трудно сделать восстание всеобщим. Вспыхнув в одном месте, оно не скоро передастся в другое, а когда передастся, то бывает подавлено в первом. Войска же только тогда будут открыто переходить на сторону народа, когда в них явится уверенность во всеобщем восстании. А для этого надо, чтобы восстание сразу охватило широкий район.

А где же такой широкий район, как не у нас на Черном море? Кто, как не мы, матросы, начав революцию в Севастополе, можем перебросить ее сразу на Кавказ, с Новороссийска в Одессу, в Николаев. Кто, как не мы, может сразу заставить войска принять участие в революции. Что они

п р и м у т участие, мы в этом не сомневаемся, так как только боязнь сдерживает их до сих пор. Чувствуя же у себя за спиной поддержку всего флота, отбросят боязнь в сторону.

И мы готовили начать наше дело осенью. В передовых судах числились: «Потемкин», «Прут», «Екатерина», «Георгий». Вопрос заключается в том, кому начинать. «Потемкин» и «Екатерина» выразили готовность начать. «Екатерина» втайне укрепляла организацию, а «Потемкин» на деле несколько раз доказал, что он начать не побоится. От него и ждали почина.

Вначале ждали осени, а потом все крепла и крепла мысль, что можно попытаться и теперь...

Шел бурный 1905 год. Россия клокотала, протестуя против векового гнета, насилия и эксплуатации. После расстрела рабочих в Петербурге 9 января 1905 г. мощная волна демонстраций и забастовок прокатилась по всей стране. Началась народная революция против царского самодержавия и помещиков.

Партия большевиков, вооруженная решениями III съезда РСДРП о подготовке всенародного восстания, вела широкую работу в массах. Особое внимание обращалось на армию и флот.

В июне 1905 г. вспыхнуло вооруженное восстание на Черноморском флоте.

Броненосец «Потемкин»!..

Эти два слова молниеносно облетели Россию, затем весь мир и навсегда остались в памяти народной как символ мужества и героизма угнетенного народа, поднявшегося на битву за свободу родины.

Наступило утро 19 июня — утро четвертого дня, как над «Потемкиным» взвилось красное знамя восстания. В тот же день на рассвете от Тендеровского маяка, возвышавшегося недалеко от Николаевского порта, в открытое море вышло учебное судно «Прут». Морские волны гулко бились о борт и с шипением расступались перед кораблем, взявшим курс на Севастополь.

На юте все уже было приготовлено к воскресной молитве, и священник ожидал матросов, чтобы еще раз предать анафеме потемкинцев и всех тех, кто шел за ними.

В 9 часов 30 минут на палубе у второго кубрика появились матросы. Собрались они явно не для богослужения. Возбужденные, о чем-то спорили, а затем с криками «к оружию!» бросились к винтовкам и разобрали ящики с патронами.

Вооруженные матросы заполнили верхнюю палубу. Все громче раздавались возгласы: В Одессу! К «Потемкину»!

Гулко прогремели винтовочные залпы: это стреляли по офицерам, пытавшимся разоружить восставших. Двое офицеров были убиты, остальные арестованы и посажены под замок. Туда же попал и священник, который с поднятым крестом призывал матросов «образумиться» и «слушаться господ офицеров».

Группа матросов поднялась на мостик и повернула корабль курсом на Одессу. На баке шумно проходил митинг. Первым взял слово машинист 2-й статьи Александр Петров. Прошло только полмесяца, как он появился на «Пруте», но вокруг него уже успели сплотиться наиболее сознательные матросы.

— Товарищи,— необычным для многих обращением начал Петров.— Я член Российской социал-демократической рабочей партии. Об этом знали немногие, но теперь знайте все. Наша партия большевиков, наш вождь Ленин зовут к восстанию, к решительной борьбе с царизмом. И вот мы поднялись, мы идем на помощь «Потемкину»... У нас есть оружие, но сильнее всякого оружия — это сплоченность, стойкость и вера в победу.

Вокруг стояли матросы, крепко державшие в руках винтовки. Вот в матросской робе стоит Дмитрий Титов. Это он сделал первый выстрел на корабле, это он был связным корабля с Севастопольским комитетом РСДРП. Среди матросов виднелась кудрявая голова Ивана Черного и его друга Ивана Адаменко. Оба большевики, активные участники подготовки восстания на флоте.

Мелькают знакомые лица матросов — тех, кто приходил на тайные сходки корабельной социал-демократической организации. Лица строгие и решительные.

— От имени матросов социал-демократов предлагаю избрать выборных представителей по классам и вахтам и вручить им нашу судьбу и судьбу корабля.

Слова Александра Петрова взволновали людей. Предложение о выборах встретили с воодушевлением. Избранные представители собрались в кают-компании. Председателем комитета матросов корабля единогласно избрали Александра Петрова.

— Благодарю за доверие,— ответил Александр.— Я оправдаю его.

...Он пришел на флот год назад. Мобилизовали в Казани не без содействия полиции, считавшей, что палочная дисциплина армии усмирит молодого рабочего. Негласное наблюдение за Александром дало в руки охранки неопровержимые доказательства: участвовал в забастовках рабочих Казанских железнодорожных мастерских, ездил в Москву, где наладил связь с комитетом РСДРП, затем, будучи помощником машиниста на железной дороге, перевозил запрещенную литературу и помогал находившимся на нелегальном положении.

Рослого парня направили в 37-й флотский экипаж, на Черное море.

Александр вошел в социал-демократическую группу броненосца «Екатерина II» и возглавил матросский пропагандистский кружок. Бывая на берегу — в Одессе, Севастополе, Николаеве и других городах Черноморья, он связался с передовыми рабочими-большевиками и с новыми силами принялся за работу.

Поддерживая связи с крымскими социал-демократами, Александр Петров твердо проводил линию большевиков, пропагандировал решения III съезда РСДРП о вооруженном восстании. Вместе с другими флотскими большевиками — Г. Н. Вакулинчуком, С. П. Частником, Д. М. Титовым, А. И. Гладковым, Н. П. Антоненко — в апреле 1905 г. вошел в объединенную военную социал-демократическую организацию, так называемый Центральный комитет матросов, или «Матросскую централку».

В союзе с портовыми рабочими, под руководством Севастопольского комитета РСДРП «Матросская централка» провела огромную работу во флотских экипажах, сумев поднять на вооруженную борьбу широкие массы матросов.

Царское командование, обеспокоенное ростом революционного движения на флоте, стремилось изолировать корабли от внешнего влияния и не допустить агитации среди матросов.

В начале июня 1905 г. Александра Петрова и еще ряд товарищей перевели на невооруженное учебное судно «Прут». Но обстановка на кораблях накалялась с каждым днем. Вскоре Александр получил записку с «Потемкина». В ней сообщалось, что восстание начнут потемкинцы и что после подъема на броненосце красного флага матросы «Прута» должны высадиться и захватить артиллерию.

Ранним утром 15 июня «Прут» был отправлен к Тендеровскому полуострову для осмотра приготовленных к маневрам мишеней. Здесь на следующий день и узнали матросы о выступлении «Потемкина». Вечером состоялась сходка. «Что делать?» — этот вопрос мучил всех. Решили идти в Одессу, использовав для этого первый же выход корабля в море.

И вот наступило раннее утро 19 июня — утро восстания еще на одном корабле, на «Пруте».

Захватив корабль, восставшие устремились в Одессу. К вечеру показался город. Матросы жадно высматривали на рейде мятежный броненосец. Но его не было. Запросили по семафору берег. Выяснилось, что «Потемкин» вышел в море.

Опять сходка, опять тот же вопрос: «Что делать?» Мнения разошлись: одни звали на поиски восставшего броненосца, другие убеждали идти в Румынию, третьи — спешить в Севастополь, войти туда с красным знаменем и поднять на революцию всю эскадру.

— Мы только что получили свежую листовку Севастопольского комитета РСДРП,— обратился к товарищам Александр Петров.— Послушайте, что в ней говорится: «От края до края нашей огромной страны раздался могучий призыв к борьбе за свободу и счастье народа... Могучая волна нашего движения, широко разлившись по всей России, заставила очнуться и наших братьев матросов...

Близится час решительной расплаты с наглыми хищниками самодержавной клики! Победоносное восстание народа освободит Россию от мрака и насилия друглавого орла! Поддержите восставших матросов и рабочих! Выходите вместе с ними на улицы! Присоединяйтесь к кличу:

Долой самодержавие царя!

Да здравствуют борющиеся матросы Черноморского флота!»

...Гордо и решительно шел «Прут» к Севастопольскому рейду. Но у порта его окружили миноносцы, а на берегу уже выстроились карательные войска.

...Их было 44 — тех, кто под конвоем был отправлен с «Прута» в местную каторжную тюрьму. Более месяца готовилась судебная расправа над матросами. Суд был военным, закрытым, с заранее составленным приговором.

На первом же допросе Александр Петров прямо заявил о своей принадлежности к большевистской партии.

— Это был не бунт, а революция,— бросил он в лицо офицерам-судьям. И пояснил: — Мы, социал-демократы корабля, должны были придать организованность выступлению. По нашему предложению матросы избрали комитет. С тех пор я стал председателем комитета, около которого сгруппировались матросы.

Закончил он словами:

— Я того мнения, что существующий порядок нетерпим и что скоро придет время, когда армия соединится с народом и положит конец царизму. Более показать ничего не имею [1].

Столь же мужественно и стойко держали себя и другие моряки. «Свидетелями суда,— писала об этом событии ленинская газета «Пролетарий»,— были горы, море да цепи солдатских штыков, расставленных на окружности пяти верст в четыре ряда. Все на суде держали себя непоколебимо, никаких тайн ни суд, ни следствие не могли выведать» [2].

30 июля в 12 часов ночи объявили приговор: четверых — Александра Петрова, 23 лет, Дмитрия Титова, 25 лет, Ивана Черного, 28 лет, и Ивана Адаменко, 24 лет,— к расстрелу; остальных — к бессрочным каторжным работам и тюремному заключению на разные сроки.

Приговор суда утвердил царь Николай II.

Их расстреливали на рассвете 24 августа 1905 г. Двое из них — Александр Петров и Иван Черный — оставили предсмертные письма. Газета «Пролетарий» писала: «Были перехвачены два письма Ивана Черного, в которых он писал, что топчет дисциплину и присягу и служит не царю, а социал-демократической партии, и увещевал отца не беспокоиться о нем, потому что ему придется, может быть, умереть за это правое дело».

К сожалению, сами письма пока не обнаружены. Известны слова, сказанные Иваном Арефьевичем судьям:

— Вы говорите, что я принадлежу и почему принадлежу социал-демократической рабочей партии Крымского союза? Да, действительно, я принадлежу к этой партии, потому, что я сын России, такой, как те, которые давно борются за свободу своего бедного угнетенного народа, я должен действовать с народом заодно; я

[1] Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР (далее: ЦГА ВМФ СССР), ф. Военно-морского суда Севастопольского порта, оп. 2, д. 23, л. 143—144.

[2] Пролетарий, 1905, 18 октября.

понимаю хорошо, что я должен стоять грудью за народ и Родину, там, где его обижают и беспощадно грабят внутренние враги, и я должен умереть за свободу как честный гражданин [1].

Два письма Александра Петрова, написанные в плавучей тюрьме — на судне «Бонборы» и переданные сестре М. М. Петровой-Стопани, были опубликованы в 1925 г. в журнале «Пролетарская революция» (№ 12, с. 89—92). А в апреле 1963 г. в Севастополе при разборе старой каменной стены бывшей севастопольской тюрьмы рабочие-строители между дымоходом и дверной коробкой одной из камер обнаружили сверток бумаги.

В нем оказалось написанное печатными буквами и размноженное на стеклографе в нескольких экземплярах «Письмо казненного матроса Петрова».

Через два дня о предсмертном письме героя-большевика было сообщено в городской газете «Слава Севастополя», а 9 и 19 апреля 1963 г. письмо напечатали «Красная звезда» и «Правда». В книге воспроизводится текст письма, ныне хранящегося в Музее Черноморского флота в Севастополе.

Тем же животворным духом проникнуты были и письма других товарищей, осужденных в 1905 г. Об этом свидетельствует и листовка, выпущенная севастопольскими большевиками:

«Товарищи, еще один напор — и враг будет побежден. Не давайте, товарищи, врагу опомниться. Вы должны отомстить врагу за кровь наших братьев, которые казнены 24 августа.

Да здравствует социал-демократическая рабочая партия!

Да здравствует революция!» [2]

«Да здравствует революция!» — с этими словами погиб замечательный большевик моряк Александр Петров. С таким же призывом продолжали борьбу и его товарищи.

[1] См.: Пролетарская революция, 1925, № 12 (47), с. 99—100.

[2] Социал-демократ, 1905, 14 октября.

Николай Эрнестович Бауман

17 мая 1873 — 18 октября 1905

Письмо отцу из одиночки Таганской тюрьмы

28 октября 1904 г.

Милый папа!

Ваше письмо и карточку я получил вскоре после того, как послал со своей стороны запрос Вам, почему Вы не отвечаете и о том, как Вы поживаете...

Милый папа! Мне очень прискорбно слышать, что Вы до сих пор не можете или не желаете понять меня. Неужели Ваш долгий жизненный опыт не подсказывает Вам, что каждый человек должен идти собственным путем, что в жизни нет широкой проторенной дороги для тех, кто способен мыслить и чувствовать?.. Несчастными становятся не те, которые голодают, холодают или сидят за решеткой, и, наоборот, счастливы не те, которые живут в богатстве и безнаказанно пользуются свободой. В действительности же тот несчастен, кто сбился со своей настоящей дороги или не мог найти ее вовсе, а счастлив тот, кто идет неуклонно, без страха и сомнения туда и прямо, куда указывают ему совесть и убеждения...

Нет, милый и дорогой папа! Постарайтесь вникнуть в мое сердце и Вы поймете, что иначе я не могу жить: мой путь давным-давно намечен, свернуть с него — значит убить свою совесть...

Целую.

Ваш сын Николай.

Записка, оставленная на квартире В. И. Качалова [1]

В ночь на 18 октября 1905 г.

Увидимся теперь, если не завтра или послезавтра, то во всяком случае при совсем других обстоятельствах, совсем других — гораздо лучших обстоятельствах.

Ваш Николай.

Николай Эрнестович Бауман, выдающийся революционер, верный ученик и последователь В. И. Ленина, родился в Казани в семье владельца небольшой обойно-слесарной мастерской. С юных лет и навсегда связал он свою жизнь с революционной борьбой.

С 1896 г. он член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», ведет активную пропаганду среди рабочих столицы. Весной 1897 г. Бауман арестован, заключен в Петропавловскую крепость.

В первом дошедшем до нас письме от 3 апреля 1897 г. Николай писал родителям, братьям и сестрам: «Не знаю, как и начать. Невеселую новость узнаете с этим письмом. С 21 марта я арестован и сижу в одиночном заключении в Петропавловской крепости... Завтра будет две недели моего заключения; несмотря на полнейшую неопределенность положения, чувствую себя сносно: нервы не шалят и физически совершенно здоров. Не тревожьтесь и вы, мои дорогие, не проливайте слез над моей судьбой. Я молод, силы не надорваны — жизнь моя впереди. Прямо, без препятствий, без разочарований и страданий едва ли кому-нибудь удавалось пройти свой жизненный путь. С подобными неожиданностями приходится мириться. Никакими слезами, никакими сожалениями нельзя помочь в моем настоящем... Жду и надеюсь и пользуюсь тем, что достижимо при такой исключительной обстановке, т. е. читаю и философствую...»

[1] Артист Художественного театра Василий Иванович Качалов в 1904—1905 гг. жил в Камергерском переулке (ныне проезд Художественного театра), помогал московским большевикам, на его квартире перед арестом скрывался Н. Э. Бауман.

На следующий день, 4 апреля, на своем первом допросе подсудимый заявил:

— Я не признаю себя виновным в принадлежности к какому бы то ни было преступному сообществу, и о том, что в Петербурге существует преступное сообщество, носящее название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», я впервые услышал сегодня на допросе...

Держался он стойко, отрицал все улики и обвинения в свой адрес, казалось бы, просто неопровержимые, точно зафиксированные сыщиками: «...в этой квартире вместе с Владимиром Сущинским и упомянутым выше рабочим, между 8-ю и 10-ю часами минувшего 8-го марта, не был; 14-го минувшего марта около 9 час. вечера я не был на свидании с Пилипцем в трактире «Кострома» по Большой Болотной ул. и там не передавал Пилипцу завернутые в газетную бумагу 10 экземпляров «Объяснения закона о штрафах» [1] и 80 экземпляров прокламаций...» [2]

Сознавая, что самое худшее для него впереди, Николай через несколько дней после допроса посылает в Казань очередную весточку, исполненную оптимизма: «Вероятно, мне не удастся в ближайшем будущем погреться у Вашего семейного очага, ибо нельзя надеяться, что меня выпустят на все четыре стороны, скорее придется путешествовать в Сибирь на несколько лет... Прямо и храбро гляжу на своего несложного, бесстрастного, но зато действительного неприятеля — на своды тюремной камеры. План кампании выработан, тактика изобретена и проверена, и я выступил на поле сражения, твердо надеясь на победоносную борьбу...» [3]

Почти два года провел он в заточении в Петропавловской крепости. В начале 1899 г. был сослан на четыре года в Вятскую губернию, оттуда уже осенью бежал, сумел перебраться за границу. В Женеве он вошел в группу «Освобождение труда».

После приезда В. И. Ленина в Швейцарию он активнейший его помощник в организации и издании общерусской политической

[1] Речь идет об известной брошюре В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», которая нелегально распространялась в России и пользовалась популярностью в массах.

[2] Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (далее: ЦГАОР СССР), ф. ДП, 7-е дел-во, 1897 г., д. 96, т. 1, л. 39.

[3] *Бауман Н. Э.* Сб. статей, воспоминаний и документов. М., 1937, с. 120—121.

Москва, 28 октября 1904 г.

Милый Папа!

Первая страница письма Н. Э. Баумана отцу.
28 октября 1904 г.

газеты «Искра». Как писал Владимир Ильич, Бауман «участвовал в 1900 году с самого начала в организации «Искры», будучи одним из главных практических руководителей дела. Неоднократно ездил нелегально в Россию» [1].

В декабре 1901 г. по заданию В. И. Ленина Бауман едет в Москву в качестве первого нелегального агента «Искры»; ему принадлежит исключительная роль в укреплении искровских позиций не только здесь, в Москве, но и во всей центрально-промышленной России и в Поволжье.

Февраль 1902 года — новый арест Н. Э. Баумана. Тюрьма в Киеве. Дерзкий побег из нее с группой искровцев. Опять эмиграция. Выступление на II съезде партии, делегатом которого он был от Московской партийной организации.

В декабре 1903 г. Н. Э. Бауман приезжает в Москву. С этого времени он руководит Московской партийной организацией и одновременно — Северным бюро ЦК РСДРП. Организует у себя на квартире типографию. В июне 1904 г. вновь схвачен жандармами. На этот раз место его заключения — Таганская пересыльная тюрьма в Москве.

Но и в заточении непреклонный большевик-ленинец не прекращает своей борьбы. Вместе с группой заключенных он переправляет письмо В. И. Ленину, выступает инициатором «Обращения к членам РСДРП», в котором одобрялось требование 22 большевиков о созыве III съезда партии. Отсюда, из тюрьмы, 28 октября 1904 г. он пишет отцу письмо, ставшее завещанием революционера.

Под новый, 1905 год большевики — узники Таганки отправляют за границу на парижский адрес В. И. Ленина весточку за подписью Н. Э. Баумана: «Товарищи, сидящие в московской тюрьме (Таганка), просят передать товарищу Ленину: 1) сердечный привет, 2) что у них только один небольшевик, 3) просят его поднять вопрос о том, как держаться в суде. Просят, чтобы т. Ленин немедленно сообщил им свое личное мнение по этому вопросу».

Владимир Ильич не замедлил с обстоятельным ответом, где высказал четкие рекомендации с учетом собственного опыта и политической обстановки, сложившейся в стране после 9 января.

Вместе с рекомендациями Владимир Ильич передал личный привет Николаю Эрнестовичу и его товарищам-большевикам.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 36.

Ленинское послание заканчивалось бодро, мобилизующе: «Не унывайте!.. Теперь мы наступаем... Желаю здоровья и бодрости!! Мы еще увидимся, наверное, и повоюем при лучших условиях...» [1]

После освобождения из тюрьмы в октябре 1905 г. Н. Э. Бауман активно включается в работу Московского комитета РСДРП. Он полон энергии, веры в революцию. Бурной радостью и жаждой действий «при совсем других обстоятельствах, совсем других — гораздо лучших обстоятельствах», проникнут последний дошедший до нас документ — записка артисту Московского художественного театра В. И. Качалову.

А через несколько дней жизнь Баумана оборвалась — безвременно и трагически. Он был зверски убит черносотенцем, агентом охранки, во время демонстрации, организованной Московским комитетом партии. Похороны Николая Эрнестовича Баумана 20 октября 1905 г. вылились в грандиозную 300-тысячную политическую демонстрацию: она сыграла большую роль в подготовке московского пролетариата к Декабрьскому вооруженному восстанию.

Именем Н. Э. Баумана названы в Москве район, площадь, улица, станция метро, Высшее техническое училище, ему установлен памятник. Жизнь и деятельность замечательного большевика-ленинца освещена в документально-публицистической книге В. И. Новикова «Жизнь, отданная борьбе». М., 1985; письма и документы Н. Э. Баумана хранятся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ЦГАОР СССР и Центральном музее Революции СССР.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 172—173.

Федор Михайлович Мантулин

Декабрь 1880—19 декабря 1905

Записка товарищам по борьбе

19 декабря 1905 г.

Дорогие ребята-товарищи!

Ночью слышал выстрелы. Уверен, что шли на выручку. Но час мой пробил. Жаль, что мало пришлось поработать на революцию. Н. и гр. спрятал, где условились.

Напишите домой в деревню. Успокойте. Поклянитесь, что отомстите, добьетесь нашей победы, дадите счастье народу.

Писать больше не могу. Прощайте. Живите и боритесь.

Федор.

Последний поцелуй Анюте, маме, всем вам.

Дорогие ребята-товарищи!
Ночью слышал выстрелы. Уверен, что шли
на выручку. Но час мой пробил. Жаль, что мало
пришлось поработать на революцию. Н. и гр.
спрятал где условились. Напишите домой в деревню.
Успокойте. Поклянитесь, что отомстите, добьетесь
нашей победы. Дадите счастье народу. Писать больше
не могу. Прощайте. Живите и боритесь. Федор.
Последний поцелуй Анюте, маме, всем вам.

В ноябре 1918 г., в первую годовщину Великого Октября, московские рабочие на ряде предприятий установили памятники в честь пролетарских революционеров, павших в борьбе с классовыми врагами. Такой памятник поставили и во дворе Сахарорафинадного завода имени Ф. М. Мантулина, что на Красной Пресне. На нем золотом выбито:

Борцу
за рабочее дело
МАНТУЛИНУ
Федору Михайловичу,
расстрелянному в 1905 г.
19 декабря

Установленный там, где царские каратели расстреляли рабочего-машиниста завода, одного из командиров дружинников Декабрьского вооруженного восстания, памятник этот недавно, в связи со строительством новых заводских корпусов, перенесен в зелень сада, поблизости от заводской проходной.

Декабрьское вооруженное восстание, подготовленное всем ходом предшествующего революционного движения в России, явилось высшим этапом в классовой борьбе в период первой народной революции эпохи империализма.

По призыву большевиков красное знамя всенародного восстания первыми подняли рабочие Москвы, и Пресня стала его главной цитаделью.

...На Трехгорный Даниловский сахарный завод (в то время он так назывался) Федор Мантулин устроился в 1903 г. За плечами у него уже был опыт работы в механической мастерской на станции Коренево, куда его, 14-летнего мальчишку из деревни Гапоново, что под Курском, привела нужда после подработок на местном сахарном заводе.

Природная смекалка, живой ум, общительность помогли ему стать лучшим машинистом на Пресне.

Познав жизнь рабочих, видя, что она так же беспросветна, как и жизнь крестьян в родной деревне, Федор тянулся к тем, кто мог ответить на мучившие его вопросы. С конца 1904 г. Федор Мантулин навсегда связал свою жизнь с партией. Пользуясь авторитетом на Пресне, он успешно вел революционную агитацию среди рабочих, возглавил подпольный кружок у себя на заводе, часто выступал на нелегальных сходках.

В начале октября 1905 г., выполняя задание Московского комитета РСДРП, Федор занялся организацией боевой рабочей дружины на заводе. Когда революционная Москва прощалась с Николаем Бауманом, убитым черносотенцами, отряд заводских дружинников, в том числе и Федор Мантулин, охранял процессию рабочих.

Даниловский завод превратился в опорный пункт пресненских большевиков. Здесь все чаще собирались митинги с участием представителей от других городских предприятий. «16 ноября,— сообщается в одном из жандармских донесений,— в спальном корпусе Даниловского сахарного завода за Трехгорной заставой собрались рабочие заводов сахарного, Оссовецкого, Смит и человек до 200 из Москвы на митинг, который продолжался до двух часов ночи. Обсуждались вопросы противоправительственного характера и по поводу отобрания земли от казны и помещиков и разделения между крестьянами, об отмене смертной казни кронштадтским матросам».

Вскоре Федора Мантулина избрали в только что созданный Московский Совет рабочих депутатов. Машинист Мантулин, читаем в другом жандармском документе, «выбран в качестве депутата от рабочих, подстрекал рабочих к демонстрациям, организовывал группы рабочих, которые срывали обязательные постановления московского обер-полицмейстера, грозил «боевой дружиной» [1].

Федор и его товарищи, выполняя призыв ЦК и МК РСДРП, с головой ушли в подготовку вооруженного восстания. На заводе уже было не менее 50 боевиков, вооруженных революьверами, гранатами, холодным оружием, которое изготовлялось на заводе, на фабрике Кузнецова, на Трехгорке, на заводе Мамонтова. Выступление планировалось начать совместно с дружинниками Трехгорной мануфактуры, фабрики Н. П. Шмита и других предприятий.

Московский комитет большевиков в одной из тогдашних листовок призывал: «Вооружайтесь, товарищи, составляйте боевые дружины, встречайте пулями полицию, казаков и полицейские черные сотни. Пусть всякое их покушение на свободу наших собраний, пусть всякое нападение на нас не проходит им даром... В борьбе с нами правительство схватилось за оружие,— с оружием в

[1] ЦГАОР СССР, ф. 63 — Московского охранного отделения, 1908 г., д. 59, л. 145.

руках мы дадим ответ ему. Правительство хочет кровопролитной гражданской войны,— пусть будет война!.. Долой царское правительство! Да здравствует вооруженное восстание!»[1]

В начале декабря новое обращение большевиков: «Каждый день производятся обыски и аресты, каждый день из всей России приходят вести о новых арестах и обысках. Наши товарищи — социал-демократы — снова заполняют тюрьмы от Варшавы до Пирятина, от Петербурга до Кавказа. А сколько убитых и изувеченных, сколько расстрелянных и повешенных!..» И далее: «К оружию, товарищи! Готовьтесь к бою за демократическую республику, за народное самодержавие, против самодержавия царского. Это — единственный путь к полной победе. Это — единственный путь к социализму...»[2]

7 декабря 1905 г., в среду, в 12 часов дня, по призыву Московского Совета рабочих депутатов, под раскатистые звуки заводских, фабричных и паровозных гудков вся трудовая Москва прекратила работы. Все 800 рабочих Даниловского завода дружно с красными знаменами вышли на улицы.

Через день на Пресне, как и в остальных районах Москвы, появились первые баррикады. Рабочие разоружали полицейских и жандармов. К восставшим присоединились солдаты из Спасских казарм. Активно включились в борьбу железнодорожники, передовое студенчество.

К 10 декабря Большая и Малая Пресня, Звенигородское шоссе и все прилегающие к ним переулки, Пресненский и Горбатый мосты были перекрыты баррикадами. Всюду патрулировали дружинники. Боевой отряд под командованием Федора Мантулина захватил 3-й и 1-й Пресненские полицейские участки, завладел имевшимся там оружием и жандармскими документами.

Утром 12 декабря мелкие стычки с полицией и казаками переросли в настоящее сражение. Боевыми действиями восставших на Пресне руководил штаб рабочих дружин. Начальником штаба был известный большевик З. Я. Литвин-Седой. От дружинников Даниловского завода и близлежащих к нему предприятий в штаб был выделен Федор Мантулин. Упорный бой разгорелся у Зоологического сада, на который со стороны Кудринской площади

[1] Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 года. М., 1955, ч. 1, с. 563.

[2] Там же, с. 643.

(ныне Площадь восстания) наступал отряд спешившихся казаков. Казаки были отброшены.

Боевые действия развернулись во многих районах Москвы: на Бронных улицах, по Садовому кольцу, на Арбате, на Казанской железной дороге и в других местах.

Царское правительство, напуганное размахом народного восстания в Москве, поспешило вызвать на его подавление верные себе силы: гвардейский Семеновский полк, артиллерию, казаков. Атаки объединенных сил карателей встречали упорное сопротивление. Дружинники Даниловского сахарного завода мужественно сражались у Зоологического сада, у Горбатого моста, на подступах к заводу и Трехгорной мануфактуре, где укрылся штаб восставших. И в самых опасных местах неизменно появлялся командир заводских дружинников Федор Мантулин.

Но силы восставших таяли с каждым часом. 16 декабря, когда стало ясно, что Пресня окружена, штаб пресненских боевых дружин решил обратиться к восставшим с воззванием. В нем говорилось:

«Пресня окопалась. Ей одной выпало на долю еще стоять лицом к врагу. Вся она покрыта вами баррикадами и минирована фугасами. Это — единственный уголок на всем земном шаре, где царствует рабочий класс, где свободно и звонко рождаются под красными знаменами песни труда и свободы. Пресня — крепость!

Но удержим ли мы ее до тех пор, чтобы вновь восстал рабочий Москвы?»

И далее: «Мы одни на весь мир. Весь мир смотрит на нас. Одни — с проклятием, другие — с глубоким сочувствием...

Враг боится Пресни. Но он нас ненавидит, окружает, поджигает и хочет раздавить...

Мы начали. Мы кончаем.

В субботу ночью разобрать баррикады и всем разойтись далеко. Враг нам не простит его позора. Кровь, насилие и смерть будут следовать по пятам нашим. Но это — ничего. Будущее — за рабочим классом» [1].

Каратели захватили завод ранним утром 18 декабря. Окружив его со всех сторон, расстреливали каждого, кто хотел выйти оттуда.

[1] Московское декабрьское вооруженное восстание 1905 г. М., 1940, с. 87—88.

Были убиты рабочие-дружинники Иван Афанасьев, Сергей Попов и др.

Федора схватили казаки, пробравшиеся на заводской двор, избили нагайками и, сняв тулуп и валенки, бросили в подвал.

Ночью группа дружинников, возглавляемая другом Федора — Иваном Волковым, пыталась прорваться на завод и вызволить арестованного. Но им это не удалось.

Записку товарищам Федор написал на рассвете 19 декабря на клочке бумаги. «Н. и гр.» — это, скорее всего, «наган и гранаты». Анюта — невеста из родной деревни Гапоново.

Записку, завернутую в окровавленный носовой платок, нашел спустя неделю после гибели Федора Михайловича Ф. Н. Садовников — помощник Мантулина по боевой дружине. Так она попала к А. Ф. Мантулиной и публикуется в книге впервые.

Именем Ф. М. Мантулина назван Краснопресненский сахаро-рафинадный завод (бывш. Даниловский), а в 1922 г. Студеницкий переулок в Москве переименован в Мантулинскую улицу.

В те декабрьские дни 1905 г. в Москве было много жертв. С 19 декабря велись массовые расправы над рабочими, студентами, всеми теми, кто вызывал подозрения. Шли повальные обыски.

По не полным сведениям, царскими карателями было убито более тысячи мужчин и около 200 женщин, много подростков.

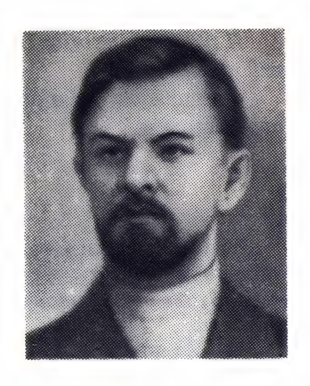
Но запугать народ, заставить его молчать царизму не удалось. Московский комитет писал тогда в своем воззвании: «Умолкла на время Москва, не умолкла Россия... Народ дружно восстанет, грозно восстанет... Правительство нас не разбило. Оно лишь научило нас бороться. И мы воспользуемся наукой!»

«После декабря,— писал В. И. Ленин, оценивая итоги вооруженного восстания,— это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 году...» [1]

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 386—387.

Александр Иннокентьевич Попов

1877—17 января 1906

Письмо матери

17 января 1906 г.

Мама!

Я хотел Вам часто писать, но все не было почты. Теперь почта ходит, и я пишу Вам первое и, к несчастью, последнее письмо.

Я был арестован на ст. Маньчжурия и предан военному суду. Суд признал меня виновным в руководительстве рабочим движением и в призыве к вооруженному восстанию против правительства и приговорил меня к смертной казни через повешение.

Вероятно, сегодня или завтра приговор будет приведен в исполнение. Я совершенно спокойно ухожу из этого мира тьмы и насилия, уступая дорогу более молодым силам. Если нам удалось мало сделать, они кончат начатое нами. Я умираю с уверенностью, что наши трупы послужат прочным фундаментом, на котором созиждется лучшее будущее моей многострадальной Родины.

Будьте же спокойны и Вы!

Ваш сын Александр.

17 января 1906 г.
ст. Борзя.

2 Заказ 2210

Я просил, чтобы Вам переслали мои вещи и около 30 рублей денег.

Смертную казнь через повешение мне заменили расстрелянием.

Александр.

Его привязали к телеграфному столбу и продолжали истязать, оттягивая минуту расстрела. Особенно зверствовал молодой подпоручик, командовавший конвойной ротой. Наконец он выкрикнул:

— На прицел!.. Приготовиться...

В морозном воздухе звонко щелкнули затворы винтовок. Солдаты прицелились в окровавленного, повисшего у столба полураздетого человека. Тот поднял голову и, глядя в упор на подпоручика, медленно произнес:

— Стреляйте, но знайте: дни царского произвола сочтены. Победа будет на нашей стороне, на стороне рабочего класса.

И снова команда:

— Отставить...

Подпоручик, теряя самообладание, подскочил к жертве и закричал:

— Попробуй-ка вот теперь запеть свою «Марсельезу»!..

Он пропел только первый куплет... Залпы, эхом отозвавшиеся в тайге, оборвали песню.

Так погиб Александр Иннокентьевич Попов — профессиональный революционер, член большевистской партии с 1902 г.

В Иркутске прошло его детство, здесь он начал учительствовать в народных школах. С 1902 г. Александр — один из активных членов местной партийной организации. Вот как в то время характеризовали его агенты охранки: «...принимал деятельное участие в осуществлении предпринятой преступной пропаганды приобретением и изготовлением средств для размножения сочинений, издаваемых с преступной целью, и хранением изданных уже такого рода сочинений с целью их распространения...»

Молодой революционер по заданию Сибирского союза РСДРП занимался хранением и пропагандой нелегальных революционных изданий. Он стал размножать их в самодельной типографии, а затем распространять в городе. Александр Иннокентьевич Попов

устроился работать приказчиком в магазин Макушина и использовал его для явок и пересылки нелегальной литературы. Так продолжалось до 3 января 1903 г., когда глухой ночью полиция арестовала восемь членов иркутской организации РСДРП, и среди них Александра Попова.

Обыски велись несколько дней. На квартире Попова и в магазине было обнаружено много книг с печатью партийного комитета, кассовые отчеты о ведении подпольной библиотеки, записи о выдаче книг для чтения, инструкция заведующим районными библиотеками и другие документы. Особое внимание привлекли чертежи, по которым, как выяснилось, изготовлялись отдельные детали для типографского станка.

Всего же полицейским удалось выявить 313 наименований книг, газет и прокламаций из нелегальной библиотеки Иркутского комитета РСДРП.

По приговору Иркутской судебной палаты Александр Иннокентьевич был заключен в крепость на год и 8 месяцев. В конце октября 1905 г., по амнистии в связи с царским манифестом, изданным 17 октября, Александр вышел на свободу. По предложению партийной организации он выехал в Читу, где стал выполнять обязанности разъездного агитатора. Участвовал в вооружении рабочих, отправил несколько ящиков с оружием в Иркутск, вел революционную пропаганду среди железнодорожных рабочих и солдат, эвакуируемых из Маньчжурии.

Здесь он познакомился с ссыльными большевиками И. В. Бабушкиным, В. К. Курнатовским, А. А. Костюшко-Валюжаничем [1] и много доброго, полезного и хорошего позаимствовал у этих замечательных людей, имевших за спиной богатую жизненную школу — школу настоящих пролетарских революционеров.

В декабре 1905 г. в Чите, как и в ряде других сибирских городов, победили восставшие рабочие и солдаты. На подавление восстания царизм направил сильные карательные экспедиции: с запада — войска под командованием генерала Меллера-Закомельского, с востока — войска под командованием генерала Ренненкампфа.

Александр Иннокентьевич, с паспортом на имя Коновалова, выехал из Читы во главе группы товарищей навстречу карательной экспедиции Ренненкампфа с целью организовать ей отпор и не

[1] О Костюшко-Валюжаниче А. А. см. с. 37—40.

дать потопить в крови Читинскую республику. Прибыв на станцию Маньчжурия, он возглавил подготовку восстания против карателей. 4 января 1906 г. под его председательством состоялся грандиозный митинг. «По отношению к надвигающимся тучам контрреволюции,— читаем мы в резолюции,— собрание решило принять следующие меры: готовиться к последнему акту революции — вооруженному восстанию, усилить агитацию среди проходящих и местных войск, взять оружие в депо...»

6 января 1906 г. состоялось заседание партийной организации. Было решено 9 января — в годовщину Кровавого воскресенья — устроить вооруженную демонстрацию и склонить гарнизон на сторону народа.

Наступило 9 января. В полдень на станции Маньчжурия началась мощная демонстрация. Рабочие и служащие дороги высоко поднимали флаги с надписями «Долой царя!», «Свобода!». Впереди шагали Александр Иннокентьевич, Костюшко-Валюжанич и другие большевики.

Демонстранты подошли к эшелонам. Александр Попов вышел вперед и обратился с призывами к солдатам. Неожиданно из вагонов высыпали офицеры. Началась свалка, раздались выстрелы: это офицеры стреляли по демонстрантам.

Александр Иннокентьевич был арестован и, как руководитель выступления, предан военно-полевому суду. Вместе с другими арестованными его увезли на станцию Борзя.

Приговор был вынесен быстро. Последнее слово сказал главный палач — генерал Ренненкампф. Он начертал на приговоре: «Относительно Коновалова приговор утверждаю, с заменой смертной казни через повешение расстрелом... 16 января 1906 г. Ст. Борзя».

А внизу приписка: «Приговор вошел в законную силу 17-го числа января месяца 1906 года».

Предсмертное письмо А. И. Попова публиковалось в феврале — мае 1906 г. в нелегальных изданиях, которые распространялись среди трудящихся Сибири, в том числе в «Летучем листке» (май 1906, № 9). Некролог о павшем революционере сибирские большевики поместили в своей газете «Забайкальский рабочий» от 12 февраля 1906 г.

Антон Антонович Костюшко-Валюжанич

16 июня 1876—2 марта 1906

Письмо матери и родным перед отправкой на каторгу в Восточную Сибирь

14 августа 1904 г.

Милые и дорогие родичи!

Опять пользуюсь этим словом, которое означает для меня, что мама теперь не одна, и семья наша чуть-чуть сконцентрировалась.

Вы, конечно, получили телеграмму и знаете о приговоре. Не унывай, дорогая мама! В сущности, страшно только самое слово. Положение же наше, весьма вероятно, изменится даже к лучшему. Уж чего стоит одно удовольствие ехать из здешнего неприветливого края, как-никак, а все-таки на юг. Забайкальская область представляется мне сейчас чем-то вроде Южного берега Крыма. Конечно, если бы думал, что все 12 лет придется пробыть на каторге, тогда, конечно, положение было бы не из приятных. Но, к счастью, теперь такое время, события так неудачны для старого порядка, что скорее удивишься, если все пройдет без всяких перемен, чем тому, что случится что-нибудь новое...

Мы уезжаем отсюда 19-го, т. е. еще до вступления приговора в законную силу, и будем считаться не осужденными, а еще подсудимыми; значит, едем в своей одежде, без кандалов и берем багаж...

Простите, что я ничего не писал в июле. Я знал, что телеграмма моя о приговоре обгонит письмо, и писать поэтому не хотелось.

Это — последнее письмо, которое будет идти к вам больше месяца. Дальнейшие будут приходить скорее, пожалуй, дней в 12—14.

Пишите по такому адресу: Иркутск, канцелярия иркутского губернатора, поднадзорному по Якутскому делу такому-то.

Тане пишите отдельно, по такому же точно адресу, даже фамилию пишите мою. Завтра мы обвенчаемся.

Пока кончу.

Перед ссылкой, пожалуй, напишу немногое.

Целую Лену и Нату, и вас.

14 августа *Антон*

Напутственные слова перед уходом в подполье товарищам-рабочим по Читинским железнодорожным мастерским

22 января 1906 г.

Только с оружием в руках, через труп самодержавия и капитала, мы придем к социалистическому строю...

Мы еще повоюем. Комитет уходит в подполье и будет продолжать борьбу. Мы еще встретимся, товарищи!

Последние слова, сказанные перед расстрелом

Около 15 час. 2 марта 1906 г.

Братья солдаты!

Мы умираем в борьбе за свободу и за лучшее будущее всего русского народа.

Да здравствует революция!

А. А. Костюшко-Валюжанич родился в Казани, в семье офицера. Окончил военное училище. В 1897 г. решил уйти из армии: сначала учился в Новоалександровском сельскохозяйственном институте, из которого его вскоре исключили за участие в революционных выступлениях, а затем в Екатеринославском высшем горном училище. Проучился недолго: в декабре 1901 г. охранка установила, что Костюшко вошел в состав Екатеринославского комитета РСДРП и начал вести активную нелегальную работу. Его арестовали, а после суда сослали в Якутск на 5 лет.

В ссылку Антон уезжал с Таней Жмуркиной, с ней он познакомился в Екатеринославе. Она стала его верной спутницей в жизни.

В Якутии Антон близко сошелся с Виктором Константиновичем Курнатовским, который уже побывал в минусинской ссылке, встречался с В. И. Лениным. Ссыльные — их было около 60 человек, в основном большевики,— решили выступить против местной охраны. Организацию выступления взял на себя Антон Антонович как знаток военного дела.

Против поселенцев иркутский генерал-губернатор граф Кутайсов направил воинские части, которые окружили город. Руководителям выступления предложили сдаться.

Центром обороны восставших стал самый крупный в поселке дом, принадлежавший якуту Романову.

Первый бой между карателями и «романовцами» разгорелся 19 февраля 1904 г. Таня была рядом с Антоном, вместе с другими женщинами-ссыльными помогала осажденным отражать атаки, готовила пищу, перевязывала раненых. Но вот тяжело ранило Антона, она бросилась к нему, сделала перевязку, хотела перенести в безопасное место, но он лишь ближе придвинулся к амбразуре...

7 марта «романовцы» прекратили сопротивление...

Якутский окружной суд определил всем 55 осужденным, в том числе 7 женщинам, 12 лет каторги. Антон и Таня оказались в Александровской каторжной тюрьме, а потом — в Иркутской. В Иркутске у них родился сын Игорь. Попав в тюремную больницу, Антон, тайно предупредив жену, совершил дерзкий побег.

Его путь лежал через Байкал и таежные сопки на восток, в Читу. К читинским большевикам он явился в октябре 1905 г. и сразу вошел в состав местного комитета РСДРП. С паспортом на имя слесаря Григоровича устраивается в железнодорожные мастерские.

В дни наивысшего подъема первой народной революции в России Костюшко-Валюжанич становится видным деятелем революционного движения в Забайкалье...

В конце января 1906 г. царские каратели схватили Антона. Его и еще четверых приговорили к расстрелу.

Расстреливали их на высоком холме, у подножия Титовской сопки, откуда видна была вся Чита.

Через несколько дней на их могиле стал развеваться красный флаг. Тут проходили нелегальные собрания и сходки, раздавались клятвы о борьбе до победного конца...

...Письмо, посланное Костюшко матери и родным, было перехвачено агентами департамента полиции и по адресу не дошло. Оригинал остался в делах особого отдела; текст письма впервые опубликовали в журнале «Каторга и ссылка» (№ 3/16 за 1925 г., с. 109—112). Последние слова его, сказанные перед расстрелом, воспроизведены по воспоминаниям П. И. Кларка, проходившего по тому же читинскому делу и получившего 15 лет каторги, а также в книгах: *Лурье Г. И.* Антон Антонович Костюшко-Валюжанич. М., 1926, с. 32; *Гуро И.* Подвиг Антона Костюшко. М., 1961, с. 58.

ПИСЬМА ГЕРОЕВ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ В СЕВАСТОПОЛЕ

Сергей Петрович Частник

6 июля 1874 — 6 марта 1906

Письмо черноморским матросам перед казнью

Крепость Очаков
Утро 5 марта 1906 г.

Я и другие товарищи с «Очакова» приговорены к смертной казни. Сегодня или завтра нас расстреляют.

Накануне смерти я хочу сказать вам несколько слов.

Грядущей смерти не страшусь: умереть за правду легко.

Но меня мучит одна мысль, что некоторые из вас сделались убийцами своих же товарищей, боровшихся за лучшую долю нижних чинов армии и флота и за благо Родины. Люди эти пролили невинную кровь мучеников — борцов за свободу измученного русского народа.

Я был свидетелем страданий и гибели этих людей. Там была страшная картина, не поддающаяся описанию; там были стоны, крики, плач нечеловеческий; и всю эту кровавую расправу делали свои же товарищи в угоду...

Они приняли на себя роль палачей, убили четыреста жизней чистых и бескорыстных борцов за освобождение от крепостничества русского народа. Им этого не простит бог, русский народ и весь мир.

Горький плач матерей, жен и детей-сирот, оставшихся у убитых на «Очакове» товарищей, не даст им покоя во всю жизнь.

Я не удивляюсь, если подобные поступки делают люди, власть имущие. Они искалечены душой, эгоисты; у них нет правды, они сами только хотят жить. Но вам, людям того же народа, во имя которого идет великая борьба, так поступать нельзя. Народ просит свободы и хлеба, а вы будете давать ему пули в сердце! Это непростительное братоубийство...

Товарищи, передо мной стоит смерть, и завтра меня не станет, но говорю вам, что всякий начальник, приказывающий стрелять в людей, которые требуют лучшей доли русскому народу, сам является изменником Родины.

Подумайте, все русские люди, кроме сильных мира сего, чиновников, офицеров, помещиков, капиталистов, требуют лучшей доли! Значит, выходит, что все русские люди — изменники, кроме этой бесчестной кучки эгоистов? Нет, это наглая ложь начальников, чтобы защитить свое личное благополучие. Кто же Родина тогда? Неужели эта кучка людей? Опять нет.

110 миллионов людей, вся русская земля и ее сокровища — вот что называется нашей Родиной.

Ни один честный офицер или вообще начальник не станет теперь поддерживать правительство, так как оно из-за своей личной выгоды залило кровью русскую землю и приводит нашу страну к явной гибели...

Еще бы писал, но уже сказано готовиться к казни.

Мой предсмертный совет вам, дорогие сослуживцы: помогите несчастному русскому народу добыть лучшую долю. Не будьте на будущее время братоубийцами — и вы утрете слезы миллионам русских матерей и сирот.

Шлем вам всем свой искренний последний привет.

Прощайте навеки!

Кондуктор Частник и товарищи
Гладков и Антоненко.

Кр. Очаков, утро 5 марта.

Петр Петрович Шмидт

5 февраля 1867 — 6 марта 1906

Из письма З. И. Р. [1]

Конец октября 1905 г.

...Знаете, кто я теперь такой? Я — пожизненный депутат севастопольских рабочих. Понимаете ли, сколько счастливой гордости у меня от этого звания. «Пожизненный» — этим они хотели, значит, меня выделить из своих депутатов, подчеркнуть мне свое доверие на всю мою жизнь. Показать мне, что они знают, что я всю жизнь положу за интересы рабочих и никогда им не изменю... Вот какую великую честь они сделали мне!

Я должен это ценить вдвойне, потому что́ может быть более чуждым, как офицер для рабочих. А они сумели своими чуткими душами снять с меня ненавистную мне офицерскую оболочку и признать во мне их товарища и друга. Не знаю, есть ли еще кто-нибудь с таким званием, но мне кажется, что выше этого звания нет на свете.

Меня преступное правительство может лишить всего, всех их глупых ярлыков: дворянства, чинов, прав состояния, но не во власти правительства лишить меня моего единственного звания отныне: пожизненного депутата рабочих.

О, я сумею умереть за них! Сумею душу свою положить за них! И ни один из них никогда, ни они, ни их дети, не пожалеют, что дали мне это звание.

Ваш Шмидт.

[1] З. И. Р.— Зинаида Ивановна Ризберг (1879—1965). Познакомилась со Шмидтом в июле 1905 г., была его доверенным адресатом.

Из письма З. И. Р. в ожидании суда и приговора

24 декабря 1905 г.

...Свою смерть считаю очень плодотворной в смысле революционизирования России. Знаю, что умереть сумею, не смалодушничаю. Буду думать в минуты казни о Жене[1] *и о тебе...*

Веры в победу революции во мне всегда было много, но теперь эта вера особенно тверда во мне и спокойна.

Пусть идут умирать и другие. Преступная власть уничтожит пол нашего поколения. Это удержит то счастье России, которое будет завоевано. Чем тяжелее народу достанутся его священные права, тем лучше он сумеет сохранить их навсегда и не позволит преступной власти посягать на них.

Да здравствует же грядущая, молодая, свободная, счастливая, социалистическая Россия.

Твой Петр.

Из последней записки П. П. Шмидта

20 февраля 1906 г.
«Прут»

Прощай, Зинаида!

Сегодня принял приговор в окончательной форме.

Вероятно, до казни осталось дней 7—8. Спасибо тебе, что приехала облегчить мне последние дни. Живи, Зинаида! Забудь тяжелые дни и люби жизнь по-прежнему.

Я совершенно счастлив и спокоен.

В моем деле было много ошибок и беспорядочности, но моя смерть все довершит, и тогда, увенчанное казнью, мое дело станет безупречным и совершенным.

Я проникнут важностью и значительностью своей смерти, а потому иду на нее бодро, радостно и торжественно...

[1] Сын П. П. Шмидта — Евгений Петрович Шмидт-Очаковский (1889—1951).

Прощай, Зинаида!

Еще раз благодарю тебя за те полгода жизни — переписки и за твой приезд.

Обнимаю тебя. Живи, будь счастлива!

Твой Петя.

«Он был душой и истинным героем восстания» — так говорили товарищи о Сергее Петровиче Частнике, одном из руководителей легендарного севастопольского вооруженного восстания в ноябре 1905 г.

Это восстание, повторившее подвиг «Потемкина», всколыхнуло всю страну. В нем участвовали матросы почти всех судов Черноморского флота. Но особенно активную роль играл экипаж крейсера «Очаков», где кондуктором, т. е. младшим офицером, служил Частник.

На флот Сергей Петрович пришел в 1895 г. и с тех пор стал вести революционную работу среди матросов. Молодого моряка, сына крестьянина с Таврии, остроумного и отзывчивого, полюбили сослуживцы. Самоучкой познавший грамоту, он умел доходчиво рассказать о самых сложных событиях жизни.

Вскоре Сергей, установив связи с крымскими социал-демократами, вступил в члены РСДРП. Твердо придерживаясь ленинских взглядов, он вместе с другими флотскими большевиками провел огромную работу во флотских экипажах. Он и его товарищи сумели поднять на вооруженную борьбу широкие массы матросов.

Восстание началось 11 ноября 1905 г., охватывая один корабль за другим. На многих из них взвились красные флаги.

Команда крейсера «Очаков» во главе с Частником, Гладковым и Антоненко захватила оружие, арестовала офицеров и избрала командира из своей среды. Обязанности старшего офицера были доверены Частнику.

Крепкая и решительная в своих действиях группа большевиков крейсера превратилась в своеобразный штаб восстания, а «Очаков» стал центром развернувшихся на море и на суше революционных событий.

Днем 14 ноября на «Очаков» прибыл лейтенант П. П. Шмидт, избранный «Централкой» и Советом матросских, солдатских и

рабочих депутатов новым командующим восставшим флотом. Ближайшим помощником П. П. Шмидта стал Сергей Петрович Частник.

Во всех происходивших событиях: захват кораблей, аресты офицеров, народные митинги, освобождение арестованных потемкинцев, боевые действия против царских войск — первым был Сергей Частник, организатор и руководитель матросов.

Восстание продолжалось несколько дней, но было подавлено с помощью регулярных войск и артиллерии.

Ураганному обстрелу подвергся «Очаков». Крейсер отстреливался, но начавшийся на корабле пожар не дал возможности продолжать сопротивление. От пожара и обстрела погибло много матросов. Те же, кто остался жив, попали в руки карателей. С той же жестокостью было подавлено восстание и на других кораблях.

Схваченные участники восстания, в том числе и П. П. Шмидт, С. П. Частник, А. И. Гладков и Н. Г. Антоненко, были заключены в крепость. Затем начался суд. Готовилась кровавая расправа.

Сергей Петрович, как и его товарищи, мужественно держался перед палачами. Очевидцы свидетельствовали: высокого роста, худой, с необыкновенно энергичным лицом, он поражал своей уверенностью и спокойствием; по тому, как он шел, как держал высоко поднятую голову, чувствовалось, что это человек большой воли.

Приговор временного военно-морского суда о смертной казни Частник выслушал спокойно. Вместе со Шмидтом, Гладковым и Антоненко его перевезли на транспорт «Прут» и поместили в камеру смертников.

За несколько часов до казни Сергей Петрович написал письмо, в котором прощался с матросами, говорил им свое последнее слово правды и призывал стать на сторону народа.

Ранний рассвет 6 марта Сергей Частник и его товарищи встретили на ногах. В камеру вошел священник для совершения обряда перед казнью, как тогда было принято в царских тюрьмах. Большевики отказались от исповеди, заявив, что каяться им не в чем. Вслед за священником появились охранники. Связав руки осужденным, они повезли их на пустынный остров Березань.

Катер медленно плыл по морю. Но вот и западная окраина острова. Здесь уже были вырыты четыре могилы, а невдалеке от них стояли четыре черных столба — по одному на каждого осужденного — Шмидта, Частника, Гладкова и Антоненко.

Прощай Зинаида!
Еще разъ благодарю тебя
за то, что дала жизнь —
переписки и за твои
приѣзды.
Обнимаю тебя. Живи,
будь счастлива!
Твой Петя

Я далеко отошелъ
отъ жизни и уже
порвалъ всѣ связи
съ землей. На душѣ
тихо и хорошо!
Прощай!

Защиту передали Женѣ и
прошу его телеграфировать
мнѣ въ Прутъ, что онъ получилъ

Фрагмент предсмертного письма П. П. Шмидта.

Резкие, отрывистые слова команды... и подлое, кровавое преступление совершилось. Тут же была послана телеграмма в департамент полиции: «6 сего марта в 8 часов утра на острове Березань, близ города Очакова... приведен в исполнение приговор военно-морского суда над бывшим лейтенантом Шмидтом, кондуктором Частником и матросами Антоненко и Гладковым...»

История сохранила слова П. П. Шмидта: «Я знаю, что столб, у которого стану я принять смерть, будет водружен на грани двух разных исторических эпох нашей Родины... Позади за спиной у меня останутся народные страдания и потрясения пережитых тяжелых лет, а впереди я буду видеть молодую, обновленную, счастливую Россию».

Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 г. и его герои оставили глубокий след в истории революционного движения. В. И. Ленин 18 ноября 1905 г. писал: «Едва ли есть основание ликовать победителям под Севастополем. Восстание Крыма побеждено. Восстание России непобедимо» [1].

Пророческие слова!

После Февральской революции останки героев с воинскими почестями были перезахоронены в Севастополе. Тысячи людей участвовали в этой процессии, и над городом долго не смолкала революционная песня:

Вы жертвою пали в борьбе роковой...

Публикуемое письмо С. П. Частника хранится в Центральном государственном архиве Советской Армии (ф. 32620, оп. 3, д. 430, л. 11) и последний раз воспроизводилось в сборнике «Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года» (М., 1957, с. 301—302). Две заверенные копии с письма С. П. Частника и фотографии сохранились в личном фонде А. С. Зарудного — одного из защитников по процессу над П. П. Шмидтом (Центральный государственный исторический архив СССР, ф. 857).

Письма П. П. Шмидта публиковались в книге Г. В. Самойлиса «Лейтенант Шмидт». М., 1983.

В годы Советской власти именами П. П. Шмидта, С. П. Частника и их товарищей названы улицы, заводы, корабли.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 116.

Николай Кузьмич Баженов

1881 — 5 августа 1906

Письмо матери

г. Ревель
5 августа 1906 г. 3 часа 10 минут

Здравствуй, моя дорогая мама!

Пишу тебе последнее письмо... Но об одном прошу: не считать меня безумным, не оплакивать. Я прекрасно понимал, на что шел. Мы выбрали путь наших друзей, шли с открытыми глазами, и если б я остался жить, то снова поступил бы так же.

Родная!

Я знаю, тебе будет тяжело. Твое сердце — сердце матери — обольется кровью. Но верю тебе: ты поймешь, что твой сын поступить иначе не мог.

Я тебе скажу: так же тяжело будет переживать мою казнь Таня, она мне дорога, как и ты.

Время летит быстро, нет возможности описать тебе все подробности. Но уверен, что скоро узнаешь ты, что погибли мы как борцы за дело народа...

Дорогая мама, целую тебя в последний раз.

Прощай.

Твой сын — Николай.

Анализируя политическую обстановку в стране летом 1906 г., В. И. Ленин 8 июня в статье «Накануне» писал: «...разгорается новая великая борьба, все понимают ее неизбежность, все чувствуют величайшую необходимость выдержки, стойкости, подготов-

ки, единовременности и согласованности действий...»[1] Вождь большевистской партии призывает к созданию боевых организаций, требует как можно шире, «самым усиленным образом» проповедовать, что «близится бой, когда *всякий* честный гражданин обязан жертвовать собой и сражаться против угнетателей народа»[2].

Большая работа, которую в это время ведут большевики-ленинцы среди солдат и матросов Балтики, дает свои результаты.

Одним из первых восстал крейсер «Память Азова». Среди организаторов смелого выступления был телеграфист 2-й статьи большевик Николай Кузьмич Баженов...

Николай — уроженец деревни Подлесье Городецкого уезда Архангельской губернии. Ему еще не исполнилось и тринадцати, когда пришел черед идти «в люди».

Петербург, куда он приехал на заработки, ошеломил парня своими домами, конками, магазинами. Он устроился помощником слесаря на Путиловский завод, подружился с рабочими-электротехниками и увлекся наукой об электричестве — чуде из чудес, как казалось тогда деревенскому парнишке.

Тяга к электротехнике и определила его место в армии. Сначала был учебный экипаж телеграфистов, где осваивались премудрости телеграфного дела. А потом — крейсер «Память Азова», учебный корабль, на котором числилось около 600 человек.

Революционные события 1905 г. звали матросов крейсера «Память Азова» к действию. На корабле крепла большевистская ячейка, во главе которой стоял артиллерийский квартирмейстер 1-й статьи Нефед Лобадин.

В начале 1906 г. учебно-артиллерийская эскадра перебазировалась из Кронштадта в Ревель (ныне Таллин). Военное командование, боясь восстания на эскадре, удалило корабли подальше от Петербурга, от контактов с революционным берегом.

«Память Азова» встал в бухте Папонвик, выделяясь среди других кораблей георгиевским флагом, которого он был удостоен в память победы в знаменитом Наваринском сражении в октябре 1827 г. И не случайно на крейсере находился штаб командира учебно-артиллерийского отряда, флигель-адъютанта капитана первого ранга Дибича.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 207.
[2] Там же, с. 322.

Командование чувствовало нарастание недовольства на крейсере. Уже не раз на поверке матросы отказывались приветствовать командира корабля капитана первого ранга Лозинского. На верхней палубе устраивались митинги, а старший офицер Мазуров, попытавшийся разогнать одно из таких собраний, был избит матросами. Из Ревеля поступали жандармские донесения: на крейсере действует тайный революционный комитет, в который входит не менее 12 человек, в том числе кадровые чины и из числа обучающихся, некоторые матросы, сходя на берег, собираются на конспиративной квартире по Малой Юрьевской улице, в доме 19. Среди других было названо и имя Николая Баженова. Морское начальство приняло чрезвычайные меры. Но общение команды крейсера с ревельскими революционерами, а также с членами Петербургского комитета РСДРП продолжалось.

19 июля 1906 г. экипаж «Память Азова» узнал о выступлениях на других кораблях Гельсингфорсской базы. В тот же день на крейсер прибыл член Ревельского большевистского комитета А. И. Коптюх, переодетый в матросскую форму, известный под кличкой Оскар. Собрались члены революционного комитета. Николай Баженов сразу спросил:

— Когда выступать?

Коптюх ответил:

— Пока у нас нет единого плана выступления, а без него мы обречены на провал.

Во время заседания судового революционного комитета офицеры корабля под видом обыска арестовали Коптюха и увели его в командирский отсек.

И тогда матросы, не ожидая решения судового революционного комитета, прежде всего освободили Коптюха. Сопротивление офицеров было быстро сломлено.

Ранним утром 20 июля над крейсером взвился красный флаг. Однако поднять восстание на других кораблях отряда не удалось: офицеры подавили попытки отдельных групп матросов соединиться с крейсером «Память Азова».

Вечером крейсер подошел к Ревелю. Чтобы не допустить высадки матросов на берег, были приведены в боевую готовность войска, полиция.

Рабочие Ревеля, руководимые большевиками, были готовы поддержать революционный корабль, они намеревались объявить забастовку. Однако из-за отсутствия связи с восставшими забастовка не состоялась.

В это время на крейсере подошли к концу запасы угля и продовольствия, по-прежнему у восставших не было четкого плана действий. Этим воспользовалась контрреволюционная часть команды — унтер-офицеры. Перетянув на свою сторону новобранцев, на которых удручающе подействовали неудачи, они подняли мятеж, испортили орудия, освободили арестованных офицеров. Несмотря на героические усилия революционных матросов, восстание потерпело поражение. Лобадин застрелился. Коптюх пытался добраться вплавь до берега, но был схвачен.

225 участников восстания было арестовано. Через несколько дней их судили. 17 матросов приговорили к смертной казни через повешение («милостиво» замененной расстрелом), многие попали на каторгу и в дисциплинарные батальоны.

Арсения Коптюха и его товарищей казнили 5 августа в губернаторском саду Ревеля.

Письмо Н. К. Баженова было опубликовано в революционной печати конца 1906 г. Дополнительные факты о биографии матроса-большевика приведены в газете «Правда Севера» (Архангельск) 23 августа 1969 г.; в статье В. Зорина, опубликованной в газете «Рабочий край» (Иваново) 22 октября 1968 г.

ПИСЬМА УЧАСТНИКОВ СВЕАБОРГСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

Евгений Львович Коханский

1886 — 10 августа 1906

Прощальное письмо матери

9 августа 1906 г.

Милая мама,
прости меня, что причинил тебе столько горя и страдания. Будь милостива ко мне: я исполнил свой долг, поступил, как велела мне совесть, и я спокойно встречу мне уготованное. Будь мужественна, и пусть сознание, что твой сын не пошел против своей совести и долга, что он сделал все, что только считал нужным и необходимым, поддержит тебя.

За меня не беспокойся. Я уверен, что ты все перенесешь, и я, не колеблясь и не смущаясь, перенесу все без страха, и силы не оставят меня.

Прощай, милая мама.
Прости меня. Будь счастлива.
Любящий, крепко любящий

Женя.

Милая мама,
Прости меня, что при-
чиняю тебе столько горя и
страданий. Будь же не сурова
ко мне. Я исполняю свой долг,
поступаю, как велит мне
совесть, и я спокойно встречу
[illegible]. Будь мужествен-
на [illegible], что [illegible]
[illegible] свои
[illegible], что он [illegible]
[illegible]
[illegible], поддержи [illegible]
[illegible] не беспокойся.
Я верую, что [illegible]
[illegible] и я [illegible] и
не [illegible]
без страха и [illegible]
мама. Прощай, милая мама,
прости меня, будь спокойна.
Любящий, крепко любящий Женя

Прощальное письмо Е. Л. Коханского матери.
9 августа 1906 г.

Письмо группы солдат и матросов, приговоренных к смертной казни, в большевистскую газету «Казарма»

Середина августа 1906 г.

Товарищи!

Мы ожидаем суда. Суд над нами будет строгий, по словам коменданта, но мы не боимся этого суда. Мы знаем, что пострадали за свободу и землю.

У нас семь лучших товарищей перешли в мир иной: они не хотели более смотреть на ложь, они хотели правды для России и были за это расстреляны. Мы все готовы разделить их судьбу: умереть за такое великое дело.

Товарищи солдаты и матросы! Стойте за правду, следуйте нашему примеру! Соединяйтесь, в единении наша сила.

Мы готовы послужить общему делу опять, если только останемся живы.

Арестованные.

Евгений Львович Коханский родился в Петербурге, окончил Михайловское артиллерийское училище. В чине подпоручика стал служить в Свеаборгской крепостной артиллерии; вошел в Свеаборгский комитет Финляндской военной организации РСДРП.

...В ночь на 18 июля 1906 г. взялись за оружие матросы и солдаты гарнизона крепости Свеаборг. Восстание вспыхнуло стихийно и было недостаточно подготовленным. Большевики Е. Л. Коханский и А. П. Емельянов, взявшие руководство восстанием в свои руки, призывали матросов к организованности. Эсеры и меньшевики дезорганизовывали общее выступление, провоцировали отдельные стычки... В решающий момент заколебались экипажи военных кораблей... Восстание было жестоко подавлено. По приговору военного суда Е. Л. Коханский, А. П. Емельянов и другие руководители и участники восстания были расстреляны.

Письмо группы солдат и матросов, опубликованное 5 сентября 1906 г. в большевистской газете «Казарма», было затем перепечатано в виде листовки. Листовка подписана Центральной группой военной организации РСДРП в Финляндии и широко распространялась на Балтийском флоте, в Петербурге.

ПИСЬМА УЧАСТНИКОВ КРОНШТАДТСКОГО ВОССТАНИЯ

Николай Викентьевич Комарницкий

1882 — 21 сентября 1906

Письмо товарищам по борьбе

17 сентября 1906 г.

Товарищи!

Остается несколько часов до расстрела. Все спокойны, мысль о близком переходе в вечность нас не пугает. У окна стоит часовой и плачет. Служащие со слезами на глазах приходят прощаться и просят на память ленточки, кокарды. Все понимают, что это не погром кронштадтских лавок, все поняли прекрасно, что восстали за счастье народа, желая лучшей доли ему. Поняло и правительство это и задумалось. Да сколько ни думайте, а земли и воли дадите! Офицеры и те многие сочувствуют нам, говоря о нас не с презрением, а с уважением.

Мы мало сделали, но сделали все, что могли, и отдаем последнее — жизнь. Но пусть правительство знает, что скоро, скоро наступит расчет. Убивая, расстреливая нас, они наживают сотни за каждую жизнь мстителей, стонет Россия, стонет бедный народ. Но сильнее этого стона раздается крик мести народной, и поднимается русский народ на своих угнетателей — пойдет добывать себе свободу. Перепуганное, жалкое правительство спешно режет, вешает и расстреливает, думая этим уничтожить ненавистную ему крамолу.

Нет! Мы не боимся, мы смело шли за правое дело, со смехом пойдем на казнь. Мы смеемся над бессилием наших палачей. Из 3232 человек (арестованных) едва-едва набрали

виновных к смерти 19 человек. Допрос пришлось вести с револьвером над головой; более 2000 свидетелей было со стороны защиты и только 198 со стороны прокурора, из которых многие говорили суть дела, не выдавая фамилий; судьи терялись, не находя концов, и кончили тем, что набрали число, но не набрали нужных виновных — вся Россия виновата! Вот где виновные, не виновны только богачи да министры. Кто может спокойно смотреть, как голодный отец делит детям последний кусок хлеба, кто может смотреть, как голодная, полунагая мать иссохшей грудью кормит сына. Корми, корми, болезная, готовь сына вампиру-царю...

Если не расстреляют сегодня, завтра конец пришлю.

Комарницкий.

Продолжение письма Н. В. Комарницкого

Кронштадт
18 сентября 1906 г., 9 часов вечера

Скоро поведут нас на казнь. Доживаем последние дни. Но мы бодро пойдем на смерть. Нас не страшат палачи — мы счастливы тем, что умрем за народ. Пусть они, проклятые, пьют нашу кровь. Всю Россию все равно не расстреляют. Отомстите за нас. Много еще в экипажах мы оставили «крамолы». Им не вернуть потерянной власти, а одними казнями народ не успокоить. Мстите, бейтесь за волю и землю. Скоро настанет радостный день.

Жалкое преступное правительство ночью расстреливает нас; бьют барабаны, трубят горнисты, чтобы не слышно было стонов наших. Мешками головы покрывают, чтобы не видеть мук наших.

Жирные попы с крестами приходят благословить нас. Прочь, жалкие соучастники убийства! Ваши руки в крови. Христос не велел убивать. Вы прикрываетесь его учением, вы — подлые пособники царя-вампира.

Прощайте, прощайте. Отомстите за нас!

Матери, благословляйте детей своих на борьбу с царем.

Даже перед смертью попрощаться с матерями дали нам только 3 минуты.

Братья, мстите за нас! Соединяйтесь дружнее на великое дело, сбросьте оковы правительства.

Довольно рабских цепей! Долой самодержавие! Долой царя!

Матрос Николай Комарницкий.

Андриан Матвеевич Кузнецов

1883 — 21 сентября 1906

Письмо матери

20 сентября 1906 г.

Милая мамочка!

Когда ты получишь это письмо, меня уже не будет в живых — меня расстреляют.

Обо всем, что случилось, расскажут мои товарищи.

Андриан.

Тимофей Лукич Глебко

1880 — 21 сентября 1906

Письмо товарищам, оставшимся на воле

21 сентября 1906 г.

Товарищи! Прошу вас, не забудьте моей просьбы, напишите письма родным. Прошу, опишите все подробнее, каков был и за что погиб.

Товарищи! Желаем вам вскоре победить врага. Мы священника принимать не станем. Прошу не забыть лейтенанта Бурака и фельдф[ебеля] II-го эк[ипажа], через которых погибло 6 борцов за свободу.

Прощайте!.. Прощайте!..

Иван Иванович Аникеев

1880 — 21 сентября 1906

Письмо родителям

20 сентября 1906 г.

Дорогие родители. За меня не беспокойтесь. Я не один, за нас весь Кронштадт и весь Петербургский гарнизон.

Дорогие родители, прошу вас, не проклинайте меня, а поминайте. Сын ваш погиб, зная за что. Я умираю, любя народ. Это письмо вы получите — меня уже в живых не будет.

Остаюсь
ваш сын Аникеев.

Павел Иванович Новожилов

1881 — 21 сентября 1906

Письмо отцу и матери

21 сентября 1906 г.

Дорогие и любимые мои, тятя и мама!

Простите меня за то, что по моей вине в наш дом придет большое горе, великая скорбь, но пусть вам постоянным и вечным утешением будет то, что я погибну не как злодей или трус; я умру за торжество правды и справедливости, за светлое будущее моей родины, за счастье людей на земле.

Кто русский по сердцу, тот гордо и смело и радостно гибнет за правое дело!..

Спасибо вам, дорогие родители, что вы одарили меня таким сердцем, которое так люто умеет ненавидеть тиранов и палачей, презирать все то, что унижает и угнетает человека.

Я пойду на казнь с гордо поднятой головой! Мы знаем и верим, что тот день близок, когда всех извергов рода человеческого позовут к ответу, когда на наши могилы люди будут приносить цветы и свою благодарную любовь.

Низко кланяйтесь всем трудолюбивым землякам моим!

Поклонитесь от моего лица родным полям и лесам, всей сторонке родимой, а верной подруге юности моей и моей кормилице — матушке-Волге отнесите всю чистую любовь мою и в подарок ей бросьте в середину ее мою бескозырку!

Прощай, дорогой мой отец!

Прощай, милая мама моя! Тебя люблю больше всего на свете! Пусть же ради этой любви скорбь обернется не слезами, а пылающим гневом против зла и несправедливости. Пусть враг не увидит твоих слез и не услышит твоих рыданий! Я прошу тебя, мама!.. И еще прошу — не молись обо мне. Божество — это ложь и обман. Попу, который придет к нам в последний час, для исповеди, мы все скажем в один голос: «Уйди прочь, прислужник царя и палачей!»

Прощайте, сестрицы и брат. Прощай, друг!

Прощайте все!

Как и выступление в Свеаборге, восстание в Кронштадте началось преждевременно и было недостаточно подготовленным. В канун выступления в Кронштадт прибыл представитель ЦК РСДРП, опытный партийный работник Д. З. Мануильский...

Позже в своих воспоминаниях он рассказывал:

«Большевики до самого последнего момента были против восстания. Только 19-го июля утром Петербургский комитет при участии представителя ЦК, ввиду... происшедшего перед тем Свеаборгского восстания, дал директиву принять участие в восстании...

Директива Петербургского комитета была немедленно передана воинским частям и была встречена весьма сочувственно...» Рассуждать, спорить, критиковать было некогда,— говорилось о тех днях в одной из прокламаций кронштадтских большевиков.— Что можно было сделать для поддержания товарищей, то было сделано. Но времени было мало: многих матросов мы просто физически не успели известить... [1]

В восстании участвовало около 15 тысяч матросов и солдат, среди них были и рабочие. Возглавляли восстание большевики Н. В. Комарницкий, Ф. К. Голованов, Т. Л. Глебко, И. И. Красненков, М. В. Востриков и другие. Несмотря на мужество и героизм восставших, царскому командованию удалось их разъединить, отрезать от флотских кораблей, а затем, как и в Свеаборге, применив массированный артиллерийский огонь, окружить и захватить. Перед военным судом предстало не менее 1200 человек.

Рабочие Ревеля, Риги, других городов, выражая солидарность с повстанцами, выступая против судебных расправ над ними, провели несколько забастовок [2].

Авторы приведенных выше предсмертных писем пришли в революцию разными путями, но шли они в ней одной дорогой. Смерть встретили вместе на рассвете 21 сентября 1906 года.

Казнь кронштадтских матросов описал молодой Алексей Новиков (А. С. Новиков-Прибой) в своем раннем рассказе «Бойня». Рассказ был написан на основе следственных материалов вскоре после происшедших событий.

О Николае Викентьевиче Комарницком, Тимофее Лукиче Глебко, Иване Ивановиче Аникееве, Павле Ивановиче Новожилове известно пока очень мало. В обвинительном акте о Комарницком говорится, что он «во время восстания был с винтовкой, руководил вооруженной толпой, имел красную ленту через плечо и обнаженную саблю». Так же характеризуется и Т. Л. Глебко. Об Андриане Матвеевиче Кузнецове удалось узнать подробнее.

Он родился в подмосковной деревне Щелковка ныне Рузского района в семье крестьянина-бедняка. Учился в Алексинской церковноприходской школе, интересовался техникой, много читал,

[1] См.: Военные моряки в период первой русской революции 1905—1907 гг. М., 1955, с. 234—235.

[2] См.: Революция 1905—1907 гг. в России. Второй период революции. 1906—1907 гг., ч. 2, май — сентябрь 1906 г. М., 1963, кн. 1, с. 558—559 и др.

особенно увлекался книгами о русских богатырях, боровшихся за народное счастье. В 1901 г. был призван на службу, на флот. Прошел русско-японскую войну, потом был переведен в Кронштадт. Андриан стал бывать на нелегальных сходках матросов и рабочих, с интересом читал революционную литературу, в том числе большевистские прокламации.

«Кровавое воскресенье» окончательно убедило его, как и многих товарищей по службе, что царское самодержавие — самый злейший враг всего трудового народа. Андриан становится активным участником революционных выступлений кронштадтских матросов и солдат летом и в октябрьские дни 1905 г., одним из тех доверенных лиц, кому флотский большевистский комитет поручил работу по подготовке вооруженного восстания.

После объявления смертного приговора Андриан написал прощальное письмо матери. К тому времени отца, сломленного тяжелым, непосильным трудом, уже не было в живых. Андриан просил товарищей, оправданных судом, передать домой его одежду и личные вещи.

Когда наступил момент казни, он первым отказался надеть на голову мешок, крикнув командовавшему расстрелом коменданту Кронштадтской крепости генерал-палачу Адлербергу:

— Долой тиранов! Да здравствует революция!

В большевистских листовках того времени подчеркивалось, что «гул орудийных выстрелов и треск пулеметов военных восстаний в Свеаборге, Кронштадте, Ревеле и других городах возвестили миру об огромном революционном перевороте, происшедшем в... армии...» [1].

И Свеаборг и Кронштадт «показали настроение войска» [2],— писал В. И. Ленин, оценивая значение Кронштадтского восстания.

Предсмертные письма Н. В. Комарницкого, А. М. Кузнецова, Т. Л. Глебко были напечатаны в газетах «Казарма» 5 сентября и 26 октября 1906 г., «Красное знамя» (г. Руза Московской обл.) 29 января 1966 г. и в книге «Военные моряки в период первой русской революции». В этой же книге напечатаны и письма И. И. Аникеева и П. И. Новожилова.

[1] Революция 1905—1907 гг. в России. Второй период революции. 1906—1907 гг., ч. 2, май — сентябрь 1906 г., кн. 1, с. 215 и др.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 13, с. 337.

Николай Павлович Шмит

10 декабря 1883 — 13 февраля 1907

Предсмертное письмо старшей сестре Екатерине Павловне из одиночки Таганской тюрьмы

13 февраля 1907 г.

Дорогая моя сестрица Катя, именно в эти минуты уходящей от меня жизни ты мне дороже, чем когда-либо. За мое длинное сидение в тюрьме мы при частых свиданиях так сблизились и так полюбили друг друга. Своей запиской я хочу оставить тебе память о себе и привязанность к тебе.

Чувствую, что минуты мои сочтены. Еще вчера вечером появились необычные признаки и странное отношение. Надзиратели, что-то утаивавшие от меня и вместе с тем говорившие о разных зловещих для меня слухах. Но ночью вчера ничего не случилось. Я пробовал что-либо узнать сегодня утром, чтобы быть вполне подготовленным к предстоящей неожиданности, но опять все надзиратели молчали, а с коридора [поверяли] о том же; тогда я убедился, что затевается надо мною расправа, и добивался перевода к товарищам, чтобы вместе провести остаток моей жизни и поручить передать вам письма. Но мне во всем отказали. Я сижу один. Спокоен и жду, что будет. Поволновался лишь сначала от неизвестности.

Мне представляется, что хотят поскорее покончить со мной, торопятся и избегают огласки. Торопятся свалить с больной головы на здоровую.

Что-то вы сейчас делаете, знаете ли вы что-либо, думаю, что знаете. Вы, вероятно, узнали сейчас больше, чем я сам.

Шлю мой последний горячий привет тебе и Николаю Адамовичу[1]*. Живите, как и раньше, хорошо и счастливо. Зовите Лешу*[2] *к себе. Передайте мой привет маме, товарищам и моим рабочим, если зайдут справиться.*

Дорогая, милая сестрица Лиза, не тоскуй обо мне, когда меня больше не будет, приходи навестить меня к моей новой тюрьме. Прощаюсь я с вами, с жизнью навсегда. Любите друг друга. Прощай, прощай, мама, поклон последний.

Писать больше не успею. Поцелуй Лешу. Отказывают даже в листе бумаги.

Горячо любящий вас *Коля.*

Вся Москва следила за исходом «дела Шмита». Подумать только: известнейший в Москве фабрикант, внук российского миллионера Викулы Морозова в дни Декабрьского вооруженного восстания выступил на стороне рабочих, оказался революционером, организатором боевой рабочей дружины, почти все доходы отдавал в кассу Центрального Комитета РСДРП.

Когда-то в юности Коля Шмит прочитал тоненькую книжечку, которую получил на ночь от гимназиста-старшеклассника,— «Манифест Коммунистической партии». Она произвела переворот в его душе и сознании.

В 1903 г. молодой Шмит всерьез изучает нелегально изданные материалы II съезда РСДРП, окончательно становится на позиции большевиков, на позиции В. И. Ленина, труды которого он уже давно собирал и конспектировал. Революцию 1905 г. он встретил убежденным борцом-ленинцем. Своим рабочим он говорил: «Вооружайтесь, моя фабрика будет вашим домом, вашей крепостью. И я всегда останусь с вами...»

[1] Николай Адамович Андриканис — адвокат по делу Шмита, жених, а потом муж Екатерины Павловны.

[2] Брат Н. П. Шмита.

Шмитовская мебельная фабрика, удостоенная в свое время высокой чести — фирменного знака поставщика его величества императора российского, вместе с Трехгорной мануфактурой, Трехгорным сахарным заводом превратилась в оплот Московского вооруженного восстания. Боевая дружина шмитовской фабрики последней оставила пресненские баррикады, когда сама фабрика была уже сметена царской артиллерией.

Полковник Мин — кровавый палач Московского восстания, особенно зверствовавший на Пресне, доносил Николаю II: «Арестованный 17 декабря фабрикант Шмит, сформировавший среди своих рабочих боевую дружину, заключен под стражу в здании Пресненского полицейского дома. Уцелевшие при разгроме фабрики остатки от боевой дружины два раза пытались освободить его, нападая на помещение полицейского дома, но были отбиты, потеряв несколько человек убитыми и ранеными...»

Революционера-фабриканта под усиленной охраной перевезли в Таганскую тюрьму. Только через три месяца его старшая сестра Екатерина Павловна, благодаря усилиям адвоката Н. А. Андриканиса, узнала о местопребывании брата и добилась первого с ним свидания. Позже она вспоминала:

«Мы были так счастливы видеть друг друга, что не могли даже говорить о деле... При втором свидании, выбрав удобный момент, когда часовой отошел к двери, Николай Павлович взволнованно, но тихо спросил:

— Успел ли гениальный человек уехать из России?

Так первая характеристика В. И. Ленину, данная братом после возвращения из Петербурга, стала у нас конспиративным псевдонимом Владимира Ильича.

— Где мой друг литератор? — так он засекречивал имя Максима Горького.

...Я дала успокоительные сведения.

— А где мой учитель французского языка? Неужели он все еще там (то есть в тюрьме)?

Конечно, никакого учителя французского языка у него не было. Николай Павлович окрестил так своего друга В. Л. Шанцера» [1].

Николая Павловича интересовала судьба его рабочих, особенно вожака фабричной ячейки М. С. Николаева. Всем им удалось благополучно выбраться из города, что радовало Шмита.

[1] Секретарь Московского комитета РСДРП.

С каждым днем обстановка вокруг Шмита осложнялась: запретили свидания, в газетах появилась новая волна клеветы и травли «бывшего» фабриканта, ставшего «предателем», ухудшилось питание, одиночная камера почти не отапливалась, запретили прогулки, хотя в камере нельзя было даже встать в полный рост, настолько она была мизерной. С 17 апреля 1906 г. в ответ на такое обращение заключенный объявил голодовку. Он победил на десятый день, добившись свиданий. Но здоровье его подорвалось.

В защиту отважного «одиночника» выступили видные общественные деятели в России и за границей. Одним из первых среди них был Максим Горький, его статья «Дело Николая Шмита», опубликованная в зарубежной печати, получила большой политический резонанс.

Полтора года держали царские власти «опасного государственного преступника» в Бутырской тюрьме, в жесткой изоляции. Тюремные надзиратели открыто угрожали заключенному, подбрасывали в камеру записки с проклятиями и обещаниями скорой расправы. Потом был организован судебный фарс с участием тщательно подобранных и вышколенных свидетелей — провокаторов, которые требовали физической расправы над смутьяном.

Мрачные предчувствия, о которых писал Шмит сестре, не обманули его: он был убит наемниками в той же одиночной камере 13 февраля 1907 г. Официально было объявлено о самоубийстве, хотя медицинской экспертизы не проводилось, а родные обнаружили на теле Николая кровоподтеки, следы физического сопротивления убийцам.

На Преображенском кладбище, где захоронен славный революционер, рабочие Москвы на свои средства воздвигли ему памятник. Его имя носит Шмитовский проезд в Москве в центре Красной Пресни. На месте разгромленной шмитовской фабрики разбит детский парк.

Публикуемое в нашей книге предсмертное письмо Николая Шмита 13 февраля 1907 г. было передано его сестре Екатерине Павловне вместе с кипой якобы ненужных, уже прочитанных Шмитом книг. В 1925 г. она передала письмо на хранение в Центральный музей Революции СССР. Позже сын Екатерины Павловны — Евгений Николаевич Андриканис написал интересную документальную книгу «Хозяин «чертова гнезда» — о жизни и революционной деятельности Н. П. Шмита. В 1980 г. она вышла в издательстве «Московский рабочий» четвертым изданием.

Иван Степанович Якутов

20 июня 1868 — 8 ноября 1907

Из письма товарищам по борьбе

6 ноября 1907 г.

Не подумайте, что я в чем-то раскаиваюсь. Это моя жизнь — выступать за страдающий, угнетенный народ...

Свое личное «я», свою личную жизнь и семейную я поставил на второй план... Просто потому, что я человек от природы честный, люблю честных и ненавижу подлецов...

Из письма жене

7 ноября 1907 г.

Не терять головы, оглядеться, что надо делать, быть всегда твердой, растить детей, воспитывать из них настоящих людей.

Будет трудно — не унывать. Товарищи в беде всегда помогут.

Эти строки — небольшая частица того, что в предсмертные дни и часы написал рабочий-большевик на волю...

Иван Степанович Якутов принадлежал к славной когорте пролетарских революционеров, о которых В. И. Ленин в декабре 1910 г. писал в своей статье «Иван Васильевич Бабушкин».

...Под усиленным конвоем, в наручниках Якутова повели к виселице в третьем часу ночи 8 ноября 1907 г. Тюремщики и сейчас его боялись. А он шел, зная, что товарищи не спят, что за ним следят сотни зорких глаз.

Едва вышли на тюремный двор, как со всех сторон раздалось дружное пение. «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

Вдруг раздался громкий голос:

— Всех не перевешаете! Скоро в России веревок на вожжи не останется, все на столыпинские галстуки изведете. Да здравствует революция!

Голос оборвался, а песня зазвенела еще громче...

Мы знаем, как знал ты, товарищ,
Что скоро из наших костей
Подымется мститель суровый
И будет он нас погрозней!..

Надежда Константиновна Крупская, хорошо знавшая Якутова, писала в своих воспоминаниях:

— Он умирал на тюремном дворе, а вся тюрьма пела — во всех камерах пели — и клялась, что никогда не забудут его смерти, не простит ее... [1]

Детство И. С. Якутова прошло в многодетной семье, проживавшей в деревне Королево Бирского уезда Уфимской губернии (ныне Башкирская АССР). С 13 лет — поденная работа за кусок хлеба. В 1890 г. его призвали в армию. Муштра и палочная дисциплина царской казармы не притупили сознание молодого человека. Наоборот, попав в солдатскую массу, Иван стал более осмысленно относиться ко всему окружающему, каждую свободную минуту выкраивал для чтения.

Из армии вернулся с пачкой книг, среди которых были произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, пособия по математике и технике — его влекло к этим наукам. Ивану удалось устроиться слесарем сборочного цеха Уфимских железнодорожных мастерских. Обзавелся семьей, жена Наталья Константиновна стала его верным другом, первым советчиком, появились дети — Иван, Мария, Анна...

[1] См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1968, т. 1, с. 247.

В то время железнодорожные мастерские в Уфе являлись крупным предприятием в городе и окрестностях. Тут трудилось около 2 тыс. человек, т. е. больше половины всех остальных пролетариев города. В конце 1895 г. в мастерских начал действовать один из первых в городе, да и в стране, социал-демократических кружков. В него вошел и Иван, на квартире которого уже давно проходили нелегальные сходки передовых рабочих.

Постепенно слесарь Якутов, выделявшийся своей начитанностью и умением разбираться в политических событиях, становится признанным вожаком революционного движения в мастерских. Его делегируют в Уфимскую социал-демократическую группу, а затем избирают в члены Уфимского комитета РСДРП, где он работает с А. Д. Цюрупой, В. М. Лихачевым. Через верных товарищей — рабочих Николая Ионова, Василия Александрова, Александра Крылова, Ивана Колукова, Николая Асеева и других — Якутов укрепляет связи комитета с железнодорожными мастерскими, с печатниками, с мастеровыми.

Ивану Степановичу посчастливилось лично встречаться с Владимиром Ильичем Лениным, когда тот, по окончании сибирской ссылки, дважды — в феврале и июне 1900 г.— приезжал в Уфу к оставленной здесь по распоряжению департамента полиции Н. К. Крупской.

Надежда Константиновна одной из первых представила Владимиру Ильичу Якутова, который, по ее отзывам, был «самым активным рабочим», часто «захаживал» брать книжки и «поговорить», был «большим конспиратором», вовлек в революционные дела и свою жену, Наташу, и «им никакая ссылка не страшна» [1]. «С Якутовым,— писала Надежда Константиновна много лет спустя, в 30-х годах,— я вела занятия», уточняя при этом место тогдашних встреч: «Мы жили на углу Жандармской и Тюремной. Я не раз смеялась, говоря, что характернее для нашей жизни названия улиц не придумаешь» [2].

Встречи, откровенные беседы с Владимиром Ильичем, общение с Надеждой Константиновной дали очень многое Якутову. На всю жизнь запомнил он первый листок «Искры» с обращением «От редакции». В нем говорилось о росте по всей стране рабочих

[1] См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 247.

[2] См.: Советская Башкирия (Уфа), 1972, 21 мая. Сейчас в названном доме открыт историко-революционный музей.

кружков и социал-демократических организаций интеллигентов, о повсеместном росте революционных сил, о создании революционной пролетарской партии, чтобы «завершить упорную борьбу целого ряда погибших поколений конечным торжеством над ненавистным режимом» [1].

Напечатанные в «Искре» ленинские статьи «Насущные задачи нашего движения», «Рабочая партия и крестьянство» и др. размножались от руки и распространялись по надежным адресам.

Интересно отметить, что сподвижник Якутова Александр Крылов — опытный печатник и переплетчик — умело изготовлял двойные картонные переплеты для книг. В них, как свидетельствовала Н. К. Крупская, вкладывались нелегальные рукописи, в том числе номера «Искры», напечатанные на тонкой папиросной бумаге. Такие «книги» не раз благополучно пересылались за границу для редакции «Искры».

Один из тогдашних помощников Ивана Степановича — рабочий А. Гаритов впоследствии свидетельствовал: от Якутова мы узнали имя Владимира Ильича — автора напечатанных в «Искре» статей [2].

Как агент «Искры» Якутов, перейдя на нелегальное положение, выполняет ответственные поручения редакции, становится членом Омского комитета РСДРП (в Уфе ему грозит арест), а весной 1903 г. переезжает в Иркутск, где входит в состав Иркутского комитета РСДРП, ряды которого поредели в результате недавних арестов.

В Иркутском комитете к тому времени сильные позиции занимали меньшевики, и Якутову пришлось сразу же включиться в борьбу с оппортунистами, пытавшимися пропагандировать антиленинские взгляды, выступать против решений III съезда большевистской партии.

В Иркутске за Иваном Степановичем возобновляется слежка, вскоре последовала высылка в Уфу для «разбора дела»...

В октябре 1905 г., когда в России развивалась народная революция, царское правительство, уже обильно пролившее кровь рабочих и крестьян, вынуждено было принять ряд амнистий. По одной из них Якутов получил свободу.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 359.

[2] См.: *Ведерников Д. Н., Васильев С. М.* Иван Степанович Якутов. Уфа, 1968, с. 21 и др.

Из жандармских документов тех дней узнаем, что известный уфимским властям «подстрекатель рабочих к беспорядкам» Якутов «после 17 октября 1905 г.» вторично поступил в железнодорожные мастерские и опять «своими революционными речами возбуждает рабочих и мастеровых, особенно молодежь и учеников» [1]. Под его руководством в мастерских был избран стачечный комитет из 35 рабочих, который отстранил от дел администрацию, установил 8-часовой рабочий день, образовал и вооружил боевую дружину из 200 рабочих. Дружинники, возглавляемые Якутовым, его товарищами — рабочими Т. С. Кривовым, А. Д. Петровым, К. А. Поймикеевым, С. Г. Жирновским и другими, взяли под охрану мастерские и железнодорожную станцию, захватили телеграф и конторы начальников станции и депо, выставили караулы в городе. На базе стачечного комитета в Уфе был сформирован Совет рабочих депутатов. Председателем Совета избрали Ивана Степановича.

Якутов выступает с пламенными речами на митингах, которые охранялись дружинниками. Он говорил о положении в стране, о скорой открытой вооруженной борьбе с царизмом. Собравшиеся единодушно приняли решение, предложенное большевиками, о проведении с утра 9 декабря всеобщей забастовки в знак солидарности с массовыми выступлениями пролетариев России.

В разгар Декабрьского вооруженного восстания в Уфе в железнодорожных мастерских с утра собрался двухтысячный митинг. Но вот появились казаки. Иван Степанович с криком: «За мной, дружинники!» — бросился им навстречу.

Затрещали выстрелы, грохнули взрывы самодельных гранат, брошенных дружинниками в ряды наступавшего противника. Появились убитые и раненые. Люди разбегались.

Якутову и его товарищам удалось скрыться. Однако царские жандармы выследили его. И вот — суд при закрытых дверях. А через два дня — казнь.

Последние письма И. С. Якутова из тюрьмы публиковались в периодической печати, частично воспроизведены в книге *Д. Н. Ведерникова* и *С. М. Васильева* «Иван Степанович Якутов».

Именем замечательного рабочего-большевика названы улицы. В Уфе ему поставлен памятник.

[1] См.: Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 года. М., 1955, ч. 2, с. 882—884 и др.

Кирилл Семенович Кудрявцев

1883 — 19 февраля 1908

Письмо родным из владивостокской тюрьмы

18 февраля 1908 г.

Новгородская губерния, Старорусский уезд,
Медниковская волость, д. Нагаткино
Семену Федоровичу
Кудрявцеву

Прощайте, мои дорогие — папаша Семен Федорович и брат Александр Семенович, дорогие сестры Лидия и Анна, Анастасия и Устинья Павловны, племянники Коля и Саша,— приказываю вам долго жить. Меня повесили 19 февраля 1908 года в 10 часов [1]*.*

Простите меня, что я перед вами виноват. Примите мое последнее прощальное слово и передайте всем родным и знакомым мои последние слова — простите, простите, простите.

Я оставляю вас, ухожу от вас, дорогие мои.

Я честно погиб за Родину-мать и свободу. Хотя вы этого не знаете, но я знаю.

Кирилл Семенович
Кудрявцев.

[1] Так в тексте.

Еще до призыва на службу, на флот, у себя на родине, в деревне Нагаткино, в лесах Новгородщины, Кириллу довелось многое испытать из тяжкой крестьянской доли. Летом и зимой он трудился наравне со взрослыми. Самостоятельно научился грамоте.

Когда пришла пора идти в армию, его определили в Дальневосточный морской гарнизон, где он довольно быстро освоил мастерство минера. Кирилла зачислили в минный батальон, который нес службу в бухте Диомид, недалеко от Владивостока.

В батальоне было много бывших рабочих. Некоторые из них уже участвовали в пролетарских революционных выступлениях. Кирилл обрел здесь хороших, надежных товарищей. Они помогли ему понять смысл жизни, разъясняли причины поражения России в русско-японской войне, события 9 января 1905 г. Впервые от них узнал он о большевиках...

Во Владивостоке Кирилл не упускал случая, чтобы встретиться с портовыми рабочими, побывать вместе с товарищами на нелегальных сходках, а с мая 1905 г.— на митингах и демонстрациях.

В октябре 1905 г. во Владивостоке началась массовая политическая стачка. Большевики призывали к вооруженному выступлению против царизма, убеждали матросов и солдат переходить на сторону народа, браться за оружие, чтобы защищать трудящихся от гнета и бесправия.

Политическая стачка переросла в восстание. Октябрьское выступление, плохо подготовленное и неорганизованное, было подавлено. Репрессии охватили все Приморье. Начались аресты, много солдат и матросов выслали из Владивостока и заменили верными царизму войсками. Минный же батальон избежал подобной участи: минеров, как специалистов, было трудно заменить. Их только еще больше изолировали, надолго отменив увольнительные и усилив наружную охрану крепости.

В апреле 1906 г. во Владивостоке оформилась социал-демократическая организация, в которой преобладали большевики. К середине 1907 г. ее ряды возросли до 200 человек. Работала подпольная типография, активно велась агитационная деятельность в частях и крепостных гарнизонах. В минном батальоне нелегально работала группа большевиков...

В конце мая 1907 г. команда солдат и матросов из охраны бухты Диомид отказалась выполнять приказания младших офицеров и унтеров. Солдаты овладели оружием, ожидая сигнала для

общего выступления. Но сигнала не последовало. Воспользовавшись этим, командование арестовало 132 человека. Их тут же предали военному суду. Им грозила смертная казнь.

В ночь на 16 октября 1907 г. за оружие взялись солдаты, матросы и минеры крепости. В числе первых был Кирилл Кудрявцев. Они арестовывали офицеров. К выступлению присоединились экипажи нескольких судов, а также рабочие из порта и окраин Владивостока. В бухте завязалась перестрелка. Но сюда уже были стянуты карательные войска и усиленные отряды жандармерии. Через несколько часов выступление было подавлено...

Участников восстания, успевших уплыть на шлюпках из бухты, каратели и шпики ловили по всему побережью. Схватили и Кирилла.

Он отказался писать царю прошение о помиловании. Попросил лист бумаги, чтобы написать родным прощальную весточку.

Офицеру и священнику, которые пришли в камеру смертника, заявил:

— Мне ничего от вас не надо. Прошу лишь переслать мои вещи домой, написать отцу Семену Федоровичу, что меня казнили 19 февраля 1908 года. Только не троньте их, они ни в чем не виноваты. Я сам все сделал, сам и отвечу...

У эшафота он передал священнику письмо для пересылки родным. В последнюю секунду успел крикнуть:

— Да здравствует революция! Да здравствует свобода!

Письмо Кирилла Кудрявцева попало в руки военного коменданта Владивостока. Тот распорядился положить его в архив. Там оно и было обнаружено после победы Великого Октября [1].

[1] См.: Новгородская правда (Новгород), 1967, 29 июля.

Григорий Федорович Ткаченко-Петренко

1882 — 3 сентября 1909

Из письма в редакцию газеты «Пролетарий» [1]

Конец августа — начало сентября 1909 г.

Дорогие товарищи!

Осталось твердыми 28... Но нас это мало страшит, ибо твердо решили подобные вопросы еще в то время, когда не знали партии, а работали только на революционном поприще.

Я скажу лично за себя: перед вступлением в ряды партии с.-д. я открыл карту жизни революционера, а потому все, что пережил в течение 8 лет, только закрепило мое решение и убеждение и не может быть изменено.

Мы предпочитаем лучше быть замученными в тюремном подземелье-каземате или быть расстрелянными, чем стать предателями, изменниками нашему общему делу.

О, нет! Враги наши этого не дождутся...

После вынесения приговора мы запели «Отречемся от старого мира». В ответ раздалось: «Вы жертвою пали...»

[1] Письмо было опубликовано в газете «Пролетарий» 3 (16) октября 1909 г. Редактором газеты был В. И. Ленин. Как печатный орган Петербургского и Московского комитетов РСДРП, она выходила тогда в Выборге и рассылалась по России.

Прощальное письмо родным и товарищам по борьбе

3 сентября 1909 г., 12 час. ночи

Здравствуй и прощай, дорогой брат Алеша и все остальные братья, рабочие и друзья!

Шлю вам свой искренний и последний поцелуй. Я пишу сейчас возле эшафота, и через минуту меня повесят за дорогое для нас дело. Я рад, что не дождался противных для меня слов от врага... и иду на эшафот с гордой поступью, бодро и смело смотрю прямо в глаза своей смерти, и смерть меня спрашивать не может, потому что я, как революционер, знал, что меня за отстаивание наших классовых интересов по головке не погладят, и я умел вести борьбу и, как видите, умею и помирать за наше общее дело, так, как подобает честному человеку.

Поцелуй за меня крепко моих родителей, и прошу вас — любите их так, как я любил своих братьев рабочих и свою идею, за которую все отдал, что мог.

Я по убеждению социал-демократ и ничуть не отступил от своего убеждения, ни на шаг до самой кончины своей жизни. Нас сейчас возле эшафота восемь человек по одному делу, бодро все держатся.

Постарайся от родителей скрыть, что я казнен, ибо это известие после долгой разлуки с ними их совсем убьет.

Дорогой Алеша!

Ты также не беспокойся и не волнуйся, представь себе, что ничего особенного не случилось со мной, ибо это только может расшатать твои последние силы, ведь все равно когда-либо помирать надо.

Сегодня, 3-го сентября, в 8 часов вечера зашла к нам в камеру куча надзирателей, схватили меня за руки, заковали руки, потом повыводили остальных, забрали под руки и повели прямо в ночном белье босых под ворота, где человек 50 стояло стражи с обнаженными шашками, забрали и повели в 4-й участок, где приготовленная была петля.

И так это смешно, как эта стража с каким-то удручающим ужасом смотрит на нас, как на каких-либо зверей. Им, наверное, кажется, что мы какие-то звери. Но мы честнее их.

Ну, не важно. Напиши куму самый горячий привет и поцелуй его и Федора крепко за меня. Живите дружно и не поминайте меня лихом, ибо я никому вреда не сделал. Ну, прощайте. Уже 12 часов ночи, и я подхожу к петле, на которой одарю вас последней своей улыбкой.

Прощайте, Алеша, Митя, Анатолий и все добрые друзья. Всех вас крепко обнимаю, жму и горячо целую последним своим поцелуем.

Писал бы больше, да слишком трудно, так как окованы руки обе вместе, а также времени нет — подгоняют... Конечно, прежде чем ты получишь это письмо, я уже буду в сырой земле. Но ты не тужи...

Прощайте все и все дорогие и знающие меня. Напиши Богуславскому и остальным.

Последний раз крепко целую Вас.

Григорий Федорович Ткаченко-Петренко.

3-го сентября, 12 часов ночи.
г. Екатеринослав, 1909 г.

Когда в редакции «Пролетария» получили письмо Г. Ф. Ткаченко-Петренко, было решено опубликовать его, сопроводив кратким некрологом о казненных, о «нашем товарище, большевике, рабочем Петренко-Ткаченко», которому «вместе с другими товарищами, стоявшими во главе Екатеринославской забастовки в великом 1905 году, пришлось испить чашу до дна».

«Рабочих вождей,— читаем далее в «Пролетарии»,— не сломило и это испытание. Бесстрашно пошли они — восемь рабочих-героев — на смерть. Их повесили 8 сентября [1]. За оградой

[1] Неточность — казнь состоялась 3 сентября 1909 г.

Екатеринославской тюрьмы. Но они живы... живы в памяти пролетариев, в неостанавливающейся пролетарской борьбе...»

Григорий Федорович Ткаченко-Петренко родился в Богуславе Каневского уезда Киевской области. Он был старшим в многодетной семье, и ему первым пришлось пойти на заработки. В 1901 г. Григория призвали в армию. Здесь впервые узнал он о нелегальных революционных изданиях. После армии работал литейщиком на металлургическом заводе, недалеко от шахтерского поселка Горловка у станции Енакиево. Интересовался политической литературой.

ПРОЛЕТАРІЙ

Суббота 3/16 октября 1909 г.

Органъ С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ Р. С.-Д. Р. П.

Публикация большевистской газеты «Пролетарий» о письме Г. Ф. Ткаченко-Петренко.

Однажды его вызвали в полицейский участок. Завели разговор о том, что он читает, кто его знакомые, что может сообщить о них. Затем был обыск...

Григорий постепенно осознавал, что среди рабочих, с кем он встречался, были и те, которых называли «неблагонадежными» и за которыми полиция вела слежку. А когда окончательно понял это, потянулся к товарищам, стал посещать тайные сходки, осмысленнее вчитывался в революционные издания.

Весной 1904 г. на одной из сходок его арестовали. Но за отсутствием улик выпустили.

Вскоре за участие в нелегальном собрании рабочих и шахтеров в Горловке, где Григорий «произнес речь, возбуждающую к ниспровержению существующего в государстве строя» и говорил о восстании матросов на «Потемкине», призывал готовиться к предстоящей забастовке [1], его вновь арестовали.

Через месяц после выхода из участка снова арест. При обыске у него нашли отчет о пожертвованиях потемкинцам, прокламации Юзовской группы РСДРП. Григория посадили в бахмутскую тюрьму [2].

На свободу вышел по амнистии в связи с царским манифестом от 17 октября 1905 г. Вскоре его избрали председателем Совета уполномоченных на заводе.

Полицейские доносили, что Ткаченко развернул «самую деятельную энергию» по вооружению дружины: руководил обезоруживанием полицейских чинов, привез из Горловки 18 револьверов и лично распределил их среди товарищей. Распорядился конфисковать на заводе 150 пудов стали, из которой выделывались пики (последние неоднократно вывозились в Горловку и на другие железнодорожные станции). Далее сообщалось, что на заводе часто проводились открытые собрания, «во время речей царило возбуждение, повсюду водружались красные... флаги... пелись революционные песни» [3].

Начальник Екатеринославского губернского жандармского управления А. Ф. Шредель докладывал в департамент полиции: «Революционные и мятежнические выступления здесь подготовлял

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7-е дел-во, 1905 г., д. 4125, ч. 2, л. 1—4.

[2] Там же, л. 2; 1906 г., д. 890, л. 161 и др.

[3] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7-е дел-во, 1906 г., д. 890, л. 3, 48, 160, 161 и др.

преимущественно литейщик Петровских заводов Ткаченко-Петренко, агитатор...»[1]

Вооруженное восстание на Екатеринославской железной дороге началось после Декабрьского вооруженного восстания в Москве. 9—10 декабря отряды рабочих и железнодорожников установили свою власть в Горловке, Енакиево и в других городах. На подавление восстания царское правительство бросило крупные армейские силы, объявив по всей Екатеринославщине военное положение. В Горловку, ставшую центром революционных сил, к 12—13 декабря съехалось около 4 тыс. дружинников, готовившихся к схватке с карательными войсками. Под руководством Григория из Енакиево в Горловку были отправлены два поезда с дружинниками, оружием, продовольствием.

Решающие бои за Горловку разгорелись 16—17 декабря. В ночь на 17-е восстание было жестоко подавлено.

19 декабря в Енакиево хоронили погибших: Дмитрия Апостолова, Андрея Трубилина, Ивана Бодрова и других.

Григория схватили одним из первых. Тот же Шредель поспешил обрадовать начальство: «При аресте главного агитатора Ткаченко-Петренко захвачены различные деловые партийные заметки, нелегальная литература и записи по сбору денег на вооружение...»

По делу вооруженного восстания на Екатеринославской железной дороге были арестованы сотни человек. Слушание дела началось в ноябре 1908 г. К смертной казни были приговорены 32 революционера, в их числе был и Григорий. 152 человека отправили на бессрочную каторгу, остальных приговорили к разным срокам тюремного заключения. В газетах того времени писалось, что столь большое число приговоренных к смерти только по одному делу — «число беспрецедентное даже у нас...»[2].

Последние письма Ткаченко-Петренко были опубликованы в газетах «Пролетарий» (1909, № 49), «Социал-демократ» (1909, № 2).

[1] Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 г. М., 1956, кн. 1, ч. 3, с. 154.

[2] См.: Киевский вестник, 1908, 21 декабря.

Петр Матвеевич Щепетильников

Апрель 1880 — 21 декабря 1909

Письмо товарищам по борьбе

г. Цюрих
7 (20) декабря 1909 г.

Дорогие товарищи!

Вот вы в настоящую минуту находитесь под влиянием совершившегося факта смерти вашего товарища. Все вы будете крайне удивлены столь «безумному» шагу с моей стороны, но, дорогие товарищи, я позволю себе в моем последнем слове несколько оправдать себя. Я, конечно, мог бы и не оправдываться, но так как я всю жизнь мою, в течение всей моей работы среди пролетариата, был общественным человеком, который сжился со своей рабочей средой, у которого ничего не было личного, кроме этой жизни среди своих товарищей-рабочих, то я хочу и перед смертью с вами побеседовать.

Я, товарищи, слишком верю в рабочее движение и в его конечную цель — социализм, я не только не разочаровался в жизни и не только остался тем, чем был, но в десять раз больше проникся идеями социал-демократии. Для меня социализм и его неизбежное наступление так же ясны и понятны и так же неопровержимы, как все равно, что я хочу есть, пить и спать. Социализм — это не что-то выдуманное социал-демократами, нет! Социал-демократия сама является лишь продуктом рабочего движения.

Следовательно, причины моей смерти нужно искать в другом месте. Как многим из вас, дорогие товарищи,

должно быть известно, мне, как и каждому из нас, кто долго работал в партии (а я в ней работал, к слову сказать, с 1900 года), довелось не один раз бывать в тюрьмах: на мою долю выпало пробыть почти три года в тюрьме и в ссылке, за свою жизнь я был шесть раз арестован. После побега из Сибири, где я не мог жить, потому что я жаждал общественной жизни, почему и сбежал оттуда, конечно, оставался выход: это ехать в Россию и жить вдали от работы. Но я к этому не способен.

Попав за границу, я думал, что я сумею здесь благодаря моему желанию работать как-нибудь устроиться, запастись знаниями и ехать обратно в Россию — мстить нашему кровожадному врагу — самодержавию.

Я чувствовал в себе такую колоссальную духовную силу, которая способна была бы поднять сотни, а может быть, и тысячи рабочих... Ох, боюсь, как бы не посмеялись товарищи над моей верой в свои силы и не сказали бы: а как же, дескать, сам себя не можешь вести на эту борьбу?

Но, товарищи, в том-то и дело, что эта громадная духовная сила находится в плохом теле, в теле, организм которого окончательно почти разбит: нет физических сил дальше бороться за свое личное существование, чтобы вместе с этим продолжать быть способным употребить свои силы на рабочее дело. Я знаю, вы все будете удивлены: такой, дескать, бодрый парень, как будто бы здоровый на вид и т. д. Да, это только так кажется с внешней стороны. Я все это переносил молча, когда в глубине моей души клокотала буря, которая готова была разорвать меня на части — и вот теперь этот момент настал...

Опять повторяю, я не разочаровался, не убежал, не струсил позорно, не изменил,— нет, товарищи, я сломлен, побежден, разбит, чаша весов перетянула в другую сторону, и я, сраженный пулей, пал мертвым. Перед самой моей смертью я старался все время, чтобы такой громадный дух борьбы, которым я владею, как-нибудь передать моим близким друзьям, и я думаю, что эти товарищи — друзья, члены

кружка самообразования и «Правды» постараются, насколько это будет возможно, заменить потерю одного товарища, который так преждевременно сходит с арены все развивающейся борьбы со смертельным врагом...

Итак, товарищи, надеюсь, что вы поймете меня, простите меня и будете продолжать начатое нами дело с неослабевающей энергией...

Ах, дорогие товарищи! Если бы вы только знали, как мне хочется жить, как хочется бороться и как я верю в наше дело! И при всем том я должен уйти, чувствуя себя не в силах остаться с вами.

Но и умирая, в последний момент, я радостно кричу:

Да здравствует жизнь-борьба!

Да здравствует Российская социалистическая рабочая партия!

Да здравствует социализм!

Просьба моя к вам: пропойте над моей могилой «Интернационал».

Итак, прощайте, дорогие друзья-товарищи.

Ваш неизменно преданный
рабочий Петр Щепетильников.

Жизнь Петра Щепетильникова была короткой, но яркой и до предела насыщенной борьбой.

Сын нижегородского рабочего, в 16 лет начал работать на Сормовском заводе.

Став членом дружной, сплоченной семьи сормовичей, Петр Щепетильников жадно впитывал в себя все, что видел и слышал кругом. Он не переставал удивляться тому, как руками сотен рабочих из груды металла сооружались паровозы, машины, речные и морские суда, принося владельцам баснословные барыши.

Вскоре на завод поступил Петр Заломов. В свои 23 года он уже был вполне сложившимся, убежденным пролетарским революционером, имел связи с марксистами-ленинцами А. А. Ванеевым, А. П. Невзоровой, М. Ф. Владимирским и другими.

Два Петра — Заломов и Щепетильников — вскоре стали неразлучными друзьями. Вместе готовили и ту первомайскую демонстрацию 1902 г., что прогремела по всей стране и вдохновила Максима Горького на бессмертное произведение — «Мать». Именно об этом романе В. И. Ленин сказал, что он будет поднимать на битву с врагами многие поколения борцов. Одним из героев этой книги являлся и Петр Щепетильников.

...После демонстрации на заводе и в городе начались повальные обыски и аресты. Чтобы избежать ареста, Щепетильников по совету друзей уехал из Сормова в Петербург.

С этого времени он — участник всех крупных выступлений петербургских рабочих. Поступив слесарем на Путиловский завод, Петр установил связи с большевиками, навсегда соединив свою жизнь с партией Ленина.

Щепетильникова арестовали 4 апреля 1904 г. во время нелегальной сходки на квартире рабочего И. Алексеева. В октябре того же года выпустили, и он снова стал работать на Путиловском заводе, где назревала новая забастовка. По цехам начались выборы депутатов для ведения переговоров с администрацией. В их числе был и Щепетильников. Вместе с другими депутатами он ходил к директору завода и отстаивал требования рабочих.

9 января 1905 г. Петр Щепетильников звал рабочих на баррикады, помогал раненым. В разгар событий его снова схватила полиция и в феврале выслала по этапу в Москву, в «Бутырки».

«Ну уж и «Бутырки»,— записал Петр в своем дневнике.— Это черт знает что за тюрьма. Поместили нас, семь человек, в одну камеру. Клопов миллионы. Спали на голых досках. Тут же стоят и параши».

Из «Бутырок» Щепетильникова выслали под надзор полиции в Нижний Новгород. Прибыв в родной город, он тут же восстановил прежние связи, рассказал товарищам о событиях в Питере и Москве. В начале марта 1905 г. побывал в Сормове: не терпелось увидеть друзей, узнать, как идут у них дела. На заводе Петр пробыл неделю.

В конце марта 1905 г. он снова в Москве. С трудом добивается места токаря на прохоровской «Трехгорной мануфактуре». Но ни его мастерство, ни рекомендательные письма, привезенные с Путиловского завода, не могли повлиять на решение администрации побыстрее избавиться от опасного элемента, которым уже заинтересовалась московская полиция.

— Советуем пойти в Миусский трамвайный парк,— сказали ему пресненские большевики.— В революционных событиях трамвайщики сыграют свою роль.

Парк на Лесной улице представлял собой несколько крытых сараев и конюшен, с двухэтажным каменным зданием в центре. Все это было огорожено высоким забором. Здесь размещалось десятка два трамваев — они являлись в то время новинкой — и почти столько же традиционных конок.

В парке давно уже действовала группа большевиков, которую возглавлял инженер М. П. Виноградов. Имелась в парке и небольшая группа эсеров. С приходом Щепетильникова авторитет большевистской группы заметно возрос.

В ходе всеобщей политической стачки в октябре 1905 г. в парке под руководством Виноградова и Щепетильникова была образована боевая дружина из рабочих, слесарей и кондукторов. Почти все они были вооружены революьверами и холодным оружием. Тогда же рабочими был избран заводской комитет в составе 10 членов во главе с Петром Щепетильниковым, которого единогласно избрали депутатом Московского Совета рабочих депутатов.

Заводской комитет и боевая дружина вели активную подготовку рабочих и служащих парка к вооруженному выступлению. 7 декабря 1905 г. ровно в 12 часов дня парк вместе с другими предприятиями Москвы забастовал по призыву Московского Совета рабочих депутатов. Рабочие завладели подстанцией, стали строить баррикады. Баррикады строили на Лесной улице и за парком со стороны Миусской площади. У ворот парка вырос надежный бастион из вагонов, мешков с землей и железных листов. На баррикадах находилось около 90 дружинников, в том числе рабочие соседней фабрики Габая, городских типографий и водопровода.

Морозным утром 8 декабря дружинники соорудили баррикады по дороге к Бутырской тюрьме. День 9 декабря прошел в коротких вылазках и укреплении баррикад. 10 декабря ночью отряд драгун начал продвигаться к парку. Дружинники находились на втором этаже каменного здания. Они обстреляли врагов, уложив на месте несколько человек. Руководил этим боем Петр Щепетильников.

Боевые схватки продолжались почти беспрерывно еще три дня. 14 декабря парк был окружен регулярными правительственными

войсками. Начался артиллерийский обстрел. Казаки и солдаты при поддержке пулеметов и пушек четыре часа штурмовали баррикады. Но дружинники стойко выдержали этот натиск. Лишь 16 декабря, расстреляв все патроны и понеся большие потери, они покинули баррикады и ушли дворами в разные районы города.

18 декабря Щепетильникова схватили казаки. Почти полтора года просидел он в одиночке Таганской тюрьмы, ожидая решения московской судебной палаты по делу участников Декабрьского вооруженного восстания.

На заседании суда, выступая с последним словом, Петр Щепетильников дал уничтожающую критику самодержавному строю. Он говорил более часа; его неоднократно прерывали судьи. Заканчивая свою страстную речь, Петр произнес:

— Хотите — вешайте меня или расстреливайте. Как я шел своей дорогой и боролся за рабочий класс, так и буду бороться с угнетателями народа до самой смерти!

Его приговорили к ссылке в Иркутскую губернию сроком на 10 лет.

В ссылке Щепетильников пробыл недолго, ровно столько, сколько потребовалось, чтобы подготовиться к побегу. И вот он бежит из Сибири на запад. Голодный, больной туберкулезом, раздетый, без копейки денег, пробирается через всю Россию за границу.

Петр Щепетильников стал работать в эмигрантских организациях русских социал-демократов в Швейцарии, в Цюрихе. Он много читал, писал, изучал языки. Ему хотелось перебраться поближе к Женеве: там Ленин! Но все чаще нездоровье приковывало его к постели. Весной 1909 г. у него открылось сильное кровохарканье. По настоянию товарищей он начал лечиться, но ничто уже не могло помочь. 21 декабря 1909 г. Петра Щепетильникова не стало. Перед смертью он написал товарищам это прощальное письмо.

Письмо было опубликовано спустя 10 дней после его смерти в одной из цюрихских газет.

Образ замечательного рабочего-революционера памятен советским людям. В 1922 г. имя П. М. Щепетильникова было присвоено Миусскому трамвайному депо в Москве; теперь здесь троллейбусный парк имени Петра Щепетильникова. В парке летом 1960 г. был открыт музей. Самое почетное место отведено в нем материалам о жизни и деятельности Петра Щепетильникова.

Александр Николаевич Заулошнов

Март 1883 — 24 февраля 1910

Письмо родителям

5 декабря 1908 г.
Москва,
центральная пересыльная тюрьма

Здравствуйте, дорогие родители!

Месяц назад мною было послано открытое письмо — не знаю, получили ли вы его или нет? По всей вероятности, не получили, так как у нас здесь относительно писем очень плохо.

Поэтому повторяю то, что писал в предыдущем письме.

Посылка ваша мною получена, в ней находились письма и фотографическая карточка...

Как здорова мама? Пишите мне, а то меня сильно беспокоит ваше молчание. Мне представляется все, что у вас случилось несчастье. Я думаю, вас не обременит, если будете хоть раз в месяц уведомлять открыткою о состоянии в семье. О себе я скоро перестану и думать.

Положение мое безнадежно, о перемене к лучшему, кажется, нужно бросить и мечтать. Здоровье ухудшается, а условия все те же и на многие годы останутся без перемен для меня...

Вы обещались в предыдущих письмах прислать мне еще фотографические карточки, кроме той, которая у меня,— присылайте. Буду хоть, созерцая на карточки, жить с вами.

Извините, что мои письма несколько сухи и я не все пишу, недосказываю всего. Вы, вероятно, знаете, что они проходят через цензуру.

А пока до свидания. Теперь дожидайтесь следующего письма — через месяц или через два.

Целую всех вас.

Кланяйтесь от меня всем знающим меня.

Сообщаю на всякий случай свой адрес: Москва, центральная пересыльная тюрьма, камера № 39. А. Заулошнову.

Остаюсь ваш сын

Александр Заулошнов.

Последнее письмо родителям из саратовской тюрьмы

11 декабря 1909 г.

Дорогие родители! Если можете, положите, пожалуйста, мне в конторку сколько-нибудь денег. Я было отказался, но теперь чувствую в них необходимость, так как здоровье начало опять ухудшаться.

Пришлите книг хоть каких-нибудь.

А пока до свиданья. Целую всех вас.

Ваш сын А. Заулошнов.

Когда на восставшем броненосце «Князь Потемкин-Таврический» для руководства развернувшимися событиями избирался судовой революционный комитет, в него одним из первых матросы выдвинули Александра Николаевича Заулошнова, которого хорошо узнали за время совместной службы, по нелегальным сходкам.

Позже в протоколах суда по делу потемкинцев появится запись:

«Матрос Александр Заулошнов изобличается в том, что был одним из зачинщиков и главных руководителей бунта. В самом начале бунта вместе с Матюшенко вооружился винтовкою и все время находился в толпе бунтующих... Вошел в состав выбранной мятежниками комиссии и принимал деятельное участие во всех последующих распоряжениях комиссии, составлял прокламации от имени мятежной команды, которые впоследствии распро-

странялись по Одессе, а на броненосце произносил речи с целью склонить команду к продолжению мятежа; участвовал в демонстративных похоронах Вакулинчука... Ездил с ружьем на катере, когда броненосцу пришлось иметь сообщение с берегом, ездил и на броненосец «Георгий Победоносец» после присоединения его к бунту...» [1]

Царский суд приговорил Александра Заулошнова к смертной казни через повешение, замененной на основании царского манифеста от 21 октября 1905 г. на 15 лет каторги с лишением всех прав состояния. Осужденного увезли в Севастополь, в военную тюрьму.

Из сохранившихся документов о восстании на броненосце «Потемкин» сегодня известно, что Александр Николаевич был до самого конца стойким революционером, верным помощником Г. Н. Вакулинчука, А. И. Матюшенко, А. М. Петрова. Когда в матросской среде начались колебания, он настойчиво призывал: «Не сдавайтесь, братья! Коль начали мы хорошее дело, то доведем его до лучшего конца!»

23 июня 1905 г., когда на броненосце вышел запас угля, Александр с согласия ревкома сформировал команду доверенных товарищей и отправился в Феодосию, чтобы с оружием в руках овладеть угольными баржами и доставить их на «Потемкин». Операция была рискованной, потемкинцев обстреляли солдаты с берега, затем нагрянули баркасы с офицерами; Заулошнов, матрос-большевик Федор Ковалев, еще несколько смельчаков попали в руки карателей...

Тюремные письма А. Н. Заулошнова (а их известно 14) раскрывают нам вдохновенный облик революционера-потемкинца, которого хотя и избавили от виселицы, но обрекли на еще более мучительную смерть — медленное физическое угасание в тюрьме.

В августе 1909 г. безнадежно больного Заулошнова перевозят в Саратов; ходить самостоятельно он уже не может. 24 февраля 1910 г. Александр Заулошнов скончался. Так царизм расправился еще с одним «государственным преступником».

Письма мужественного революционера-потемкинца хранятся ныне в фондах Саратовского краеведческого музея, куда их передали его родные.

[1] ЦГАВМФ СССР, ф. 453, оп. 3, д. 208, л. 44—46.

Никифор Ефремович Вилонов

9 февраля 1883 —
18 апреля (1 мая) 1910

Письмо жене

о. Капри
9 апреля 1909 г.

Дорогая, милая Марусенька!

Сейчас сидели за чаем: Максимыч, Бунины — и вели кое-какие разговоры. Вдруг телеграмма. Распечатываю и вижу в ней свою дочку. Максимыч поздравляет своего куманька, а я, растроганный, удаляюсь к себе и пишу тебе...

Навряд ли смогу что-нибудь написать путное, ибо весь наполнен массой впечатлений необычно хороших...

Как хорошо, что у нас есть дочка. Наша жизнь теперь освещается новым содержанием. В ней больше смысла и прекрасного взаимопонимания. Нашей задачей теперь будет вырастить ее и приготовить к принятию сана пролетарского борца. Надо влить в нее всю мощь наших сил, и пусть она пойдет тем же уверенным и жизнерадостным шагом дальше по пути общей работы.

Как жаль, что ей еще долго придется быть около тебя... и мне долго не придется с ней жить той товарищеской жизнью, о которой я так много и долго мечтал. Надо будет только раскрывать перед нашей дочкой все содержание мира и быть ее старшим товарищем...

Ах, ты представить не можешь, каким славным представляется мне наше будущее...

Целую нашу дочурку.

Никифор.

Из дневника

Не позднее середины апреля 1910 г.

...Все прежние движения, несмотря на то, что были такими же исторически необходимыми, каким является движение пролетариата, основывали осуществление своих целей на вере, и, если были их участники уверены в их осуществлении не менее современного пролетариата, то эта уверенность была результатом чисто психологического предрасположения верить до фанатизма той цели, которая выдвигалась помимо воли людей в данный момент объективным ходом истории.

Но движение пролетариата, кроме наличия не меньшего фанатизма, имеет в своем расположении еще убеждение, что цель во что бы то ни стало должна быть достигнута, что осуществление ее обеспечено неумолимой необходимостью исторического развития, законы которого ему известны...

Предсмертные слова

Утро 18 апреля (1 мая) 1910 г.

Это есть наш последний и решительный бой!..

Сын маляра, уроженец Моршанска, Н. Е. Вилонов вступил на революционный путь еще учеником железнодорожного училища в Калуге. Весной 1902 г. «над техником токарного цеха» железнодорожных мастерских Калуги было установлено «негласное наблюдение». Полиции стало известно, что Вилонов выезжал в Киев, привез оттуда печатный станок, на котором калужские социал-демократы размножали прокламации. Его арестовали, но за недостаточностью улик вскоре выпустили.

Когда летом 1903 г. южный промышленный район России и Кавказа охватила всеобщая забастовка, Никифор был среди активных ее организаторов в Киеве. Побывал он тогда в Екатерино-

славе и Одессе. Снова — арест. Затем — ссылка в Енисейскую губернию...

В ссылке Вилонов много занимался самообразованием. Писал в «Искру», другие партийные органы. В конце декабря 1903 г. получил письмо. Оно начиналось так: «Дорогой товарищ! Я очень рад был Вашему письму, потому что здесь, за границей, слишком мало слышим мы откровенных и самостоятельных голосов тех, кто занят работой на местах». И в конце подпись: Ленин [1].

После побега из ссылки жил в Екатеринбурге. Объехал ряд городов Поволжья, Урала, участвовал в оборудовании типографий для местных социал-демократических комитетов.

Затем последовали новые аресты. После очередного побега Никифор обосновался в Москве. Соблюдая конспирацию, более года работал в Московском комитете большевиков.

Но все чаще стало сказываться нездоровье. С согласия ЦК он уезжает лечиться в Италию.

На Капри знакомится с М. Горьким, а затем в ноябре 1909 г. встречается с В. И. Лениным.

Владимира Ильича очень привлекал этот рабочий-революционер. Он подолгу беседовал с ним, беспокоился о его здоровье и ходе лечения. В письме от 27 марта 1910 г. Ленин спрашивает Вилонова: «Как-то Ваше здоровье? Поправляетесь ли? Напишите об этом...» [2]

Но подорванное в царских казематах здоровье было трудно поправить. «Вилонов... несколько раз сидел в тюрьме,— писал Горький.— После 1906 года тюремщики, где-то на Урале, избили его и, бросив в карцер, облили нагого, израненного, круто посоленной водой. Восемь дней он купался в рассоле, валяясь на грязном, холодном асфальте; этим и было разрушено его могучее здоровье». [3]

Скончался Н. Е. Вилонов 1 мая (18 апреля) 1910 г.

О жизни и деятельности Н. Е. Вилонова рассказано в книге И. Шакинко «Подпольная кличка — Михаил» (Свердловск, 1970). В ней приведены некоторые дневниковые записи рабочего-большевика, его предсмертные слова.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 331.

[2] Там же, т. 47, с. 240.

[3] *Горький М.* Собр. соч. В 30-ти т. М., 1952, т. 17, с. 83.

Алексей Михайлович Гмырев

10 марта 1887 — 11 сентября 1911

Предсмертные стихи

Не позднее 11 сентября 1911 г.

Вот и прожита жизнь. Оглянусь ли назад —
Вижу: юность стоит вдалеке,
Вся в огне боевом, на верху баррикад,
С ярким знаменем воли в руке.

Без сомнений и страха, вся месть и борьба,
Вся — святое стремленье вперед!
Гордо бьется она с черной долей раба,
С диким грохотом злых непогод.

В настоящее ль мыслью печальной взгляну,
Вижу: молодость — смысл бытия —
Бесполезно проходит и гибнет в плену,
Тяжело кандалами звеня.

Кровь из сердца сочится у ней, из груди,
Непостижная скорбь на челе...
И идет она к смерти во тьме, без пути,
С затаенным упреком земле.

Вот и прожита жизнь. Только на ноги встал
И сказал всему миру: «Люблю!» —
Налетела гроза... Надломился... Упал...
И теперь у могилы стою.

* * *

О, я волю люблю широко-широко,
Как орла, что парит в небесах на просторе,
И тебя я люблю горячо-горячо,
Как в весеннюю ночь бесконечное море.
О, я край мой люблю широко-широко,
Как степной ветерок, как мечту без границы,
И борьбу я люблю горячо-горячо,
Как грозы негодующий гром, как зарницы.
О, я юность люблю широко-широко,
Как огонь моих творческих сил, как искусство.
О, я солнце люблю горячо-горячо,
Как весну, возродившую светлое чувство.
О, я звезды люблю широко-широко,
Как миров непостижных великие тайны,
И всю жизнь я люблю горячо-горячо,
Как сплошной океан, где все звуки случайны.

* * *

Далеко за тюрьмой, где клубится туман,
Без обряда схоронят меня,
И покроет могилу колючий бурьян
С первым зноем горячего дня.
А зимой, когда вьюга заплачет над ней
И ковром снеговым опахнет,
Зазвенят мои песни по шири степей,
И, быть может, хоть звук до любимых людей
Буйный ветер тогда донесет.

Это последние, предсмертные стихи пролетарского поэта, загубленного царизмом.

Алексей Гмырев родился в Смоленске, в семье железнодорожника. Вскоре умерла мать, а потом и отец. Пятнадцатилетний Алеша вынужден был оставить городское училище и начать жизнь

пролетария. Он уехал в Николаев, где вместе с братом стал работать на судостроительном заводе.

Наступил июль 1903 г., знойный, жаркий, неспокойный. Одна за другой в городах России вспыхивают забастовки. Дружно остановили станки и николаевские рабочие. Алексей участвует в политической демонстрации, после которой его сразу же арестовывают и увольняют с завода.

— Удары судьбы,— вспоминал он впоследствии,— заставили меня задуматься над причинами, порождавшими их. И я скоро убедился, что эти удары были не чем иным, как следствием тех социальных условий, в которые я был поставлен как отдельная единица многомиллионного класса наемных тружеников... Я стал под Красное знамя борющегося за свое освобождение от эксплуатации пролетариата. И с тех пор моя борьба служила для меня прочным фундаментом моего личного и общего счастья, и я горел гордым, счастливым огнем революционера-пролетария [1].

А вот что доносили тогда о молодом рабочем-революционере полицейские агенты: «Гмырев Алексей известен как член Николаевского комитета РСДРП, имевший деловые связи со всеми наиболее деятельными представителями в рабочей среде и даже интеллигентами-пропагандистами. Занимался агитацией среди рабочих местных заводов и распространением нелегальной литературы.

В декабре 1904 г. он в числе восьми человек отправился на предполагавшуюся в Одессе демонстрацию 11 декабря. По приезде в названный город был арестован вместе со всеми участниками означенной поездки. В январе он усиленно агитировал за устройство демонстрации 16 января в г. Николаеве, почему в предупреждение таковой был предназначен к аресту, он не был арестован потому, что определенного местожительства не имел и не был разыскан...» [2]

Но все же его схватили. «24 января 1905 года,— читаем в одном из полицейских протоколов,— Гмырев арестован около судостроительного завода, куда пришел с целью возбуждения беспорядков предполагавших тогда забастовать рабочих. Утром 14 февраля среди забастовавших рабочих судостроительного завода он должен был распространить прокламации, но днем 13 фев-

[1] ЦГАОР СССР, ф. 1167, рукописная тетрадь А. М. Гмырева.

[2] Там же, ф. ДП, 5-е дел-во, 1905 г., д. 63, л. Б, с. 98.

раля был арестован, и по личному осмотру у него обнаружено 108 экз. прокламаций. После чего был привлечен к дознанию...»[1]

Елисаветградская тюрьма, затем Херсонская. В сентябре 1905 г. больного, ослабленного тюремным режимом революционера выслали в Симбирск. Но по пути ему удалось бежать. Живя нелегально в Николаеве, пишет первые стихи. Они — отклик на революционные события, будоражившие всю страну.

В конце января 1906 г. его снова бросают в тюрьму. Затем — высылка на три года в Архангельскую губернию. В октябре 1906 г.— еще один циркуляр о розыске.

«С 10 июня Гмырев находился в селе Ракуле Холмогорского уезда Архангельской губернии, откуда 24 июня сего года скрылся неизвестно куда.

Приметы: 19 лет, роста среднего, лицо весноватое, глаза серые, волосы и брови темно-русые, усы маленькие, бороды нет, нос обыкновенный, особых примет не имеет».

Осенью 1906 г. Гмырева вместе с двумя молодыми людьми арестовывают по подозрению в убийстве одного помещика. Алексей категорически протестует, доказывает, что террор противоречит его политическим убеждениям. Но царским властям нужно было избавиться от революционера, и, несмотря на отсутствие улик, его приговаривают к каторжным работам.

Это была явная расправа. Гмырева продержали в строжайшем заточении до апреля 1911 г., когда наконец смертельно больного туберкулезом перевели в тюремную больницу. Но и оторванный от активной политической жизни, он был полон душевных сил. Писал стихи даже без надежды передать их на волю. Тюремное начальство запретило давать ему бумагу.

Но стихи Алексея Гмырева ходили по рукам. Их издавали в нелегальных типографиях, переписывали, читали на революционных сходках. И это еще больше поднимало дух поэта-революционера. Он мужественно сопротивлялся болезни. Но 11 сентября 1911 г. смерть оборвала его песню.

Публикуемые стихи были частично помещены в «Правде» 13 сентября 1912 г. и в журнале «Вестник приказчика» № 6 за 1913 г. под заголовком «Посмертное стихотворение рабочего». Вошли они и в сборник «У истоков русской пролетарской поэзии» (М., 1965).

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 5-е дел-во, 1905 г., д. 63, л. Б., с. 98 об.— 99.

Василий Васильевич Орлов

1887 — середина декабря 1913

Последнее письмо из сибирской ссылки в Симбирск М. Г. Яковлевой

9 декабря 1913 г.

Дорогой друг!

Не удивляйся чужому почерку, писать уже не могу — диктую.

Последние три месяца лежу в постели, почти не вставая. Очень ослаб, и сидеть за столом мне уже не по силам... Смерть я видел не один раз, но такой гнусной придумать трудно. Это досадно. Но факты остаются фактами.

На самочувствие я никак не могу пожаловаться: насколько плоть немощна, настолько дух бодр.

Надо сказать, что за время ссылки я, конечно, изменился, как ты пишешь. Изменился, но не переменился.

То, что было зелеными ветками, стало сучьями, а отростки — корнями. И в моральном и в идейном отношениях я чувствую себя окрепшим. Отсюда известное спокойствие духа!

Я не жалею, что прожито, и в прошлом не хотел бы изменить ни одного дня.

Большое письмо отложу уж до лучших времен, если они будут, а ты пиши, получу с удовольствием...

Ну, всего хорошего. Крепко жму руку.

Твой В.

Его не стало через несколько дней...

«Вечное поселение» В. В. Орлову пришлось отбывать в одном из отдаленных мест сибирской ссылки, почти у самого Северного полярного круга в селе Ялань Енисейской губернии.

Он родился в Симбирске, был одним из тех, кого основатели Симбирской организации РСДРП называли своей надежной сменой, верными соратниками в грядущих классовых боях.

Уже в 16 лет Василий читал нелегальные издания материалов II съезда партии, знал о большевиках и меньшевиках. Лучшим олицетворением большевиков для него были земляки: Владимир Ульянов-Ленин, произведениями которого он зачитывался, его младший брат Дмитрий Ульянов, живший в то время в Симбирске под надзором полиции, такие опытные партийцы, как З. П. Соловьев, В. В. Рябиков, Ю. А. Кролюницкий и другие — члены Симбирской группы РСДРП.

Василий еще студентом становится активным партийным работником. В доме отца — влиятельного человека в Симбирске — установил печатный станок для размножения партийных листовок, организовал здесь явочную квартиру для большевиков, хранил в тайнике революционную литературу и оружие. По этому адресу — Мало-Садовский переулок, д. 7 (теперь Залесский пер.) — поступали в Симбирск номера «Искры» [1]. В центре города, на Большой Саратовской (ныне ул. Гончарова), Василий сумел открыть киоск для продажи книг и журналов, используя это легальное заведение в конспиративных целях и для распространения запрещенных изданий.

В период нарастания революции молодой большевик активно участвует в издании и распространении листовок, тиражи которых в отдельных случаях достигали 3—5 тыс., помогает в устройстве митингов и собраний. Выступает с пламенными речами, призывая к солидарности с трудящимися центра страны, Поволжья, Урала, Сибири в их борьбе против самодержавия.

«Симбирск упорно бастует»,— докладывали по начальству представители местной власти, добавляя, что, к счастью, в городе, кроме суконделательных фабрик, «все остальные заводы настолько невелики, малолюдны, что никаких сомнений не возбуждают» [2].

[1] См.: 1905 год в Симбирске. Ульяновск, 1925, с. 6 и др.

[2] См.: Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 года. М., 1955, ч. 2, с. 782.

И все же трудовой Симбирск сказал свое веское слово в тот бурный революционный период...

Подавление царизмом Декабрьского вооруженного восстания не поколебало симбирских большевиков. Начавшиеся аресты заставили только еще глубже уйти в подполье.

В дом Орловых нагрянули 11 сентября 1906 г. Обыск был тщательный. Однако Василия схватить не удалось: своевременно предупрежденный товарищами, он успел выехать в Москву, а оттуда — в подмосковное село Осташково Московского уезда, где надежно скрылся от агентов полиции.

Василий вел дневник, регулярно писал товарищам в Симбирск. В одном из писем, адресованном М. Г. Яковлевой [1], читаем: «Только теперь начинаешь чувствовать и понимать, какое поистине великое время мы пережили. Такое время, какое, может, еще долго не придется увидеть, а если и придется, то величие его все же останется величием и воспоминания о нем долго будут жить не в тесном кругу партийной публики, а в массах, а этого удостаиваются только великие дни...»

Василий гневно клеймит предателей революции — меньшевиков, эсеров, тех представителей либеральной интеллигенции, студенчества, кто поддался упадку, растерял веру в революционное дело. Разоблачает реакцию, ее репрессии, которые, он уверен, «к добру не приведут», «реакция не может быть будущим, она не имеет почвы, ни права на это...».

Он радуется боевому духу рабочего класса, который «работает над собой», готовясь к новым, неизбежным битвам под красными знаменами. Его радуют известия из Симбирска о том, что «наш захудалый в промышленном отношении город не нынче-завтра окажется на Сибирской железной дороге... У нас будет настоящий пролетариат», и тогда симбирские большевики смогут собраться вновь, но уже «совсем при иных обстоятельствах», чтобы успешно завершить «давно начатое»...

«Главное дело теперь,— читаем в другом письме,— не терять из виду общих перспектив движения. Теоретические положения остаются те же...»

Арестовали Орлова 25 марта 1908 г. на вокзале в Симбирске, куда он приехал, чтобы похоронить отца. Но его тут же посадили

[1] Яковлева Мария Георгиевна была другом В. В. Орлова, участвовала в деятельности симбирской большевистской организации, работала врачом; умерла в 1960 г. Сохранила письма Орлова.

в тюрьму. Через год — определение: на «вечное поселение» в Сибирь, с «лишением всех прав».

Суровые условия, отсутствие какой-либо медицинской помощи подорвали здоровье, но не сломили твердости и революционного духа большевика.

О Василии Васильевиче, о совместной с ним революционной работе тепло вспоминал Д. И. Ульянов [1].

Письма В. В. Орлова сохранились в фондах партийного архива Ульяновской области и Краеведческого областного музея. Частично они были опубликованы в «Ульяновской правде» 27 августа 1963 г., а также приведены в книге Г. Н. Федорова «К истории Симбирской большевистской организации РСДРП» (Саратов, 1964).

[1] См.: *Ульянов Д. И.* Берите пример. М., 1930, с. 18—19 и др.

Иван Иванович Валиков

17 апреля 1887 — 22 февраля 1916

Записка товарищам

21 февраля 1916 г.

Дорогие Карл, Михаил, другие товарищи.

Я еще жив. Не хочется умирать. А умру, будет ведь жить революция, которой я отдал всего себя.

Революция живет. Она обязательно победит.

Смело вперед, дорогие друзья и товарищи!

Ваш Иван.
Пока не прощаюсь.

Выходец из крестьянской семьи села Рудни Камышинского уезда Саратовской губернии, И. И. Валиков впервые принял участие в революционных выступлениях местных крестьян летом 1905 г. Скрываясь от ареста, уехал в Баку, где действовала одна из крупных в стране организаций РСДРП. Став ее членом, Валиков активно участвовал в забастовочном движении, выполняя поручения Бакинского комитета большевиков, в котором в разное время встречался с опытными профессиональными партийными работниками — Сталиным, Камо, Шаумяном, Стуруа и другими.

Весной 1914 г. на нефтяных промыслах Баку вспыхнула всеобщая забастовка, возглавляемая большевиками. Массовое выступление нефтяников получило широкий отклик в стране, особенно в Петербурге, Москве, Киеве. Царское правительство в спешном порядке направило против забастовщиков карательные отряды.

Войска и полиция нанесли пролетариату Баку тяжелый удар: свыше полутора тысяч рабочих были арестованы, многие уволены как неблагонадежные.

За руководящую роль в забастовке и принадлежность к Бакинской организации РСДРП, которая, говорится в одном из полицейских дознаний, «поставила своей целью проведение забастовки летом 1914 года рабочих Бакинского промыслового района с привлечением судовых команд Каспийского торгового флота...» [1], значительная группа большевиков, в том числе Г. Стуруа, И. Довлатов-Довлатян, И. Валиков, была сослана в Нарымский край.

Товарищи по ссылке не подозревали поначалу о том, что у Валикова открылся туберкулез легких. После неоднократных требований медицинской помощи больного пригласили в канцелярию пристава якобы для врачебного осмотра. Но вместо осмотра его там зверски избили...

Ссыльные обратились к прогрессивным адвокатам с письмами, взывая к человечности и прося помощи. А. А. Гурский — один из бакинских адвокатов — по просьбе ссыльных и местных большевиков возбудил перед министром внутренних дел России дело о Валикове, добиваясь перевода его под надзор в какую-либо южную губернию. Ответа долго не было. Наконец 28 февраля больному разрешили перевод в Астрахань. Ивана Валикова к тому времени уже не стало — он умер 22 февраля 1916 г.

Его хоронили более 200 ссыльных и местных жителей. Такой большой процессии здесь не помнили. На траурном митинге звучали гневные обличительные речи.

Местные власти направили тревожное донесение в Томск. 25 мая усиленными нарядами жандармов и казаков было арестовано несколько десятков ссыльных-большевиков. Над арестованными хотели организовать шумный судебный процесс, но побоялись, что большевики используют его в своих целях. Ограничились строгими карцерами и экзекуциями, а затем высылкой по различным местам Нарымского края.

Память об Иване Ивановиче Валикове жива и в наши дни. В Нарымском музее экспонируются интересные документы о нем.

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7-е дел-во, 1914 г., д. 34, л. 5.

Юлюс Янонис

23 марта 1896 — 17 мая 1917

Записка товарищам по Выборгскому райкому РСДРП(б)

17 мая 1917 г.

Тов. Елене и тов. Ангаретису.

Со всеми другими товарищами не успел проститься, не успел им каждому в отдельности написать. Пишу всем общее прощальное письмо, которое, уважаемый товарищ, будь так добр прочитать на ближайшем собрании района. Желаю Вам скорейшего осуществления Социальной Революции.

Смерть большевика, одного из известных партийных организаторов в Выборгском районе Петрограда, глубоко взволновала многих, особенно тех, кто близко знал его и делал все для спасения жизни тяжелобольного революционера.

Юлюс Янонис (Айнис Вайдилос) остался в истории как пламенный революционный боец и талантливый поэт, по оценке М. Горького, внесший значительный вклад в победу социалистического реализма в национальной литовской литературе. Он родился в бедной крестьянской семье в деревне Бержиняй, недалеко от Шяуляя. Окончил местное четырехклассное училище, обучался в гимназиях Шяуляя и Воронежа. С 1913 г. участвовал в марксистских кружках. Работал в редакции литовской большевистской газеты «Тиеса». В 1915 г. приехал в Петроград. В конце 1916 г. за участие в нелегальных революционных кружках был арестован, попал в «Кресты» [1].

[1] Одна из тюрем Петрограда.

Любовь к поэзии пробудилась в нем очень рано. Первые известные нам стихотворения датированы 1912 г. Позже поэзия поэта-большевика получила широкое распространение на его родине, среди пролетариата Петрограда. Стихи Янониса печатались в прогрессивных газетах и журналах на литовском и русском языках, распространялись в рукописных списках. Особенно популярны были стихотворения «Кузнец», «Армия труда», «Мозолистым рукам», «Рабочему» и другие, пропагандирующие идеи пролетарского интернационализма, зовущие к социалистической революции, разоблачавшие антинародный характер национализма и империалистической войны. Свое жизненное кредо Янонис сформулировал в публицистическом стихотворении «Поэт»:

Поэт — не жрец, курящий фимиам
И шепчущий в ночной тиши молитву.
Поэт — трубач, зовущий войска в битву
И прежде всех идущий в битву сам!

После Февральской буржуазно-демократической революции признанный пролетарский поэт становится профессиональным партийным работником. Товарищи тепло отзывались о нем, ценя его исключительную честность, несокрушимую веру в торжество дела рабочего класса. Во всей своей повседневной деятельности, будь то литературно-художественное творчество или организационно-политическая работа, он «неизменно во главу угла выдвигал практические дела и решения большевиков» [1].

Тяжелое, полуголодное детство, невзгоды и лишения, холодно-сырые казематы «Крестов» подорвали здоровье молодого человека. Весной 1917 г. скоротечная чахотка перешла в решающую стадию. Но мучительное недомогание, предчувствие скорой смерти не сломили волю борца. Последнее свое стихотворение он закончил: «Да здравствует жизнь! Умирающий тебя приветствует!»

Прощальное письмо и последние записки Юлюса Янониса сохранили его верные товарищи. Первая публикация их появилась в 1923 г. в журнале «Красный флот». Первый поэтический сборник Юлюса Янониса вышел в Воронеже в 1918 г. С тех пор его стихи, очерки, рассказы много раз издавались на языках народов СССР, на некоторых иностранных языках. В Биржае, на родине Юлюса Янониса, ему сооружен памятник. В Шяуляе открыт мемориальный музей славного сына литовского народа.

[1] См.: Красный флот, 1923, № 8—9, с. 121.

Евгений Николаевич Сапунов

**6 февраля 1887 —
27 октября 1917**

Письмо отцу

27 октября 1917 г.

Дорогой родитель, Николай Васильевич!

Переживаю самый, быть может, опасный момент в жизни. Скажу правду, но прошу, если возможно, не передавать всего пока семейству.

В июле месяце 20 числа я был арестован на позиции под Двинском... за то, что вынесли резолюцию протеста по поводу наступления и против правительства Керенского. Потом, перед корниловским мятежом, нас эвакуировали в Москву, и мы попали в Московскую центральную тюрьму. Из тюрьмы мы засыпали заводы и фабрики своими воззваниями и объявили голодовку. После 5 дней были по требованию солдат и рабочих освобождены и размещены по лазаретам. В госпиталях мы организовали свою команду. Выбрали свой комитет, в составе которого нахожусь и я, и в продолжение месяца вели усиленную агитацию на фабриках и заводах, в полках и на площадях против Временного правительства...

Сейчас принимаем самое активное участие в перевороте. Пока победа за нами, и если это будет так, то приеду скоро домой в отпуск, но если же проиграем, то тогда ждать пощады нам не придется, а потому решение: победа или смерть.

В Москве пока кровопролития нет, но все наготове, и дешево свободу им не отдадим.

В Петрограде победа за нами.

Да, дорогой мой, все может быть, что не придется больше увидеться, но что делать.

Если погибну, то будут помнить дети, что отец их весь свой век боролся за поруганные права человека и погиб, добывая свободу, землю и волю.

Не проклинайте меня, ведь делать иначе я не мог и не могу. Наверно, я таким родился, живя и действуя во благо народа всего.

Я могу погибнуть, но иначе уже не может быть — погиб бы во время наступления, которое задержали мы и спасли десятки тысяч молодых жизней нашей трудовой семьи.

Но пока не горюйте, наверное, все обойдется благополучно. Враги народа вряд ли посмеют вступить в открытую вражду.

Передайте привет всем.

Любящий вас Евгений.

Жили Сапуновы в деревне Буланцево Утешевской волости Мещевского уезда, неподалеку от крупного имения известной калужской помещицы Перевощиковой.

Несмотря на бедность и лишения, Сапуновы всегда были жизнерадостны, дружны и добры.

В 1905 г. Калужскую губернию охватили крестьянские волнения, в городах и селах распространялись нелегальные издания, звавшие к борьбе с самодержавием. Царское правительство потопило в крови вооруженные восстания в Одессе, Севастополе, Москве, Чите, Красноярске и других городах, жестоко расправлялось с выступавшими против помещиков крестьянами. Прибыли каратели и в село Утешево, где с лета 1905 г. действовал революционный крестьянский комитет.

В один из осенних дней 1906 г. полиция в сопровождении стражников нагрянула в дом Сапуновых. Обыск ничего не дал, но за Сапуновыми — отцом и сыном — установили наблюдение. В Калугу, на имя губернатора, стали поступать донесения: «Старший Сапунов входил в уездный крестьянский комитет, через него

шла переписка с Петербургом и Москвой, с главными деятелями Всероссийского крестьянского союза; в 1906 году организовался кружок самообразования, в который вовлечено более десятка крестьян».

«Отцу во всем следует младший — Евгений Сапунов; он распространял по деревням листовки Калужского социал-демократического комитета».

Несмотря на слежку, Сапуновы продолжали революционную борьбу. Евгений установил связи с большевиками Калуги и стал вести среди крестьян пропаганду аграрной программы РСДРП, разоблачать оппортунистические взгляды эсеров по земельному вопросу.

Губернатор настаивал на высылке Евгения Сапунова за пределы губернии сроком на пять лет. Решение свыше было иным — установить гласный надзор по месту жительства.

...Грянула мировая война. Евгения Сапунова призвали в армию и зачислили рядовым в 303-й Сенненский полк 76-й пехотной дивизии 5-й армии.

Сапунов был прекрасным агитатором. Его любили солдаты и ненавидело начальство. За агитацию в армии грозил расстрел, но Евгения не раз выручали товарищи, богатый опыт подпольной работы.

После Февральской революции его единодушно избрали в полковой комитет.

...В один из июньских дней офицерский отряд, усиленный броневиками, окружил солдат 303-го Сенненского полка. Было арестовано более 20 человек. Среди них были Евгений Сапунов, его товарищ Макар Самосветов, солдат-большевик Александр Тимофеев и другие. Под конвоем их доставили в двинскую военную тюрьму. Там они узнали, что в камерах уже томится более тысячи солдат-революционеров, в том числе многие члены полковых и ротных комитетов.

В конце августа к арестованным прибыли представители Керенского и объявили, что «имеется предписание эвакуировать всех арестованных в глубь России».

В Москве двинцев заключили в «Бутырки». Но вскоре под давлением революционных рабочих солдаты получили свободу.

Освобождение совпало с новыми победами большевиков в Московском Совете, отказавшем в доверии эсеро-меньшевистским депутатам.

Многие двинцы были истощены, обессилены от ран и долгого пребывания в тюрьме. Их разместили в двух городских госпиталях — Савеловском и Озерковском. Сапунов попал в Озерковский.

Уже на второй день свободы Сапунов и его товарищи встретились с работниками военной организации МК партии — Е. М. Ярославским, О. А. Варенцовой и другими большевиками, руководившими движением за освобождение двинцев.

Евгению Сапунову, как опытному большевику, имевшему огромное влияние среди солдат, было доверено готовить солдат из Озерковского госпиталя к вооруженному восстанию за власть Советов.

Утром 27 октября Евгений Сапунов отправился в Замоскворецкий райком партии. К вечеру по приказу ВРК, переданному по телефону, отряд двинцев из Озерковского госпиталя был приведен в боевую готовность и выступил через Замоскворечье к центру города — на охрану Моссовета.

Шли четырьмя взводами, под командованием Сапунова. Возле Исторического музея их остановили. Сапунов вступил в переговоры с полковником, который в сопровождении юнкеров вышел навстречу.

— Мы требуем пропустить нас к Моссовету,— слышался голос Евгения.— Иначе произойдет нелепое кровопролитие, ответственность за которое ляжет на вас.

— Центр охраняется нами,— отвечал полковник. Затем привычно закричал: — Сдавай оружие!

Евгений повернулся к своим, хотел что-то сказать, видимо, дать команду, но не успел — раздался выстрел. Полковник стрелял в упор.

Двинцев засыпали пулями. Цепи их редели, силы были неравны. Но группе солдат все же удалось прорваться к Моссовету...

Письмо Е. Н. Сапунова обнаружено в 1967 г. в делах партийного архива Калужского обкома КПСС.

Именем героя в Москве назван проезд рядом с Красной площадью.

Люсик Артемьевна Лисинова

15 апреля 1897 — 1 ноября 1917

Из письма сестре

18 апреля 1917 г.

Сегодня 1 Мая. Сегодня развернулась вся Москва рабочих, растеклась по улицам, пела грозно и наступательно свои пролетарские и поэтому международные песни...

Хотела я приехать к вам 13—15 апреля и уже все приготовила для отъезда, но выяснилось, что я могу попасть на съезд социал-демократов России, где будут Ленин и все другие. Мне необходимо их слышать, и нельзя было не воспользоваться таким редким благом, как пропуск на съезд...

Итак, я сейчас поеду в Питер слушать моего Ленина. Много еще, много надо подумать над его тезисами.

Потом приеду в Москву, чтобы отсюда отправиться куда-нибудь в рабочие районы для агитации и пропаганды... Ездить мы будем вместе, организованно, по намеченному Московским комитетом РСДРП(б) плану...

Письмо родным

Не позднее 29 августа 1917 г.

Сейчас революционные войска сражаются с корниловскими под Питером, московские революционные войска посланы на подмогу. А я сижу и думаю и не могу заснуть.

Рабочие у нас в боевом порядке, готовые сражаться как на городских баррикадах, так и в полевых битвах. Подпольное оружие вышло наружу...

Мимо моего окна (я живу на окраине) проходят одна рота за другой с пением «Смело, товарищи, в ногу» и «Вихри»... Поются они теперь действительно мощно, революционно и грозно.

Пусть мамочка не волнуется за меня: я буду очень осторожна, даю слово...

Целую, не волнуйтесь.
Люсик.

Письмо матери Екатерине Захаровне

30 октября 1917 г.

Мамочка дорогая, здравствуй!

Наконец-то я дома, напилась чаю и лягу в постель. Ходила не переставая целый день, провела три митинга по заводам, организовала Красный Крест в Союзе молодежи, сходила в Совет рабочих депутатов.

Ночь темная, дождь, снег и ветер, но состояние бодрое. Немного только подтачивает такое здоровое состояние — это выжидание.

Сейчас в Кремле стоят юнкера и наши войска. Может, ночью будет бой...

Мамочка дорогая, за меня не волнуйся, я ни в каком опасном месте не буду. Буду или сидеть в лазарете, или буду в Совете, в общем, ни в какие летучие отряды я не поступаю. Затем — без толку на улице не показываюсь и одна не хожу.

Мамочка, даже на заводские собрания я не буду ходить, так как уже всех оповестила о положении дел.

Ну, прощайте пока, всего хорошего. Крепко целую. Здоровье, очевидно, не ухудшится, а наоборот. Крепко всех обнимаю перед сном.

Ваша Люська.

За меня не волнуйтесь.

Люсик не успела отправить это письмо, и оно осталось лежать на столе, когда ранним утром, прихватив револьвер и санитарную сумку, она выбежала на улицу.

Москва клокотала в революционной схватке. То тут, то там разгорались перестрелки, в ход были пущены пулеметы и даже пушки. Контрреволюция, сорганизовав свои силы, напала на рабочих, делая последнюю, отчаянную попытку удержать свою власть. Но исход революции был предрешен. В Петрограде и многих других городах утвердилась Советская власть, и в Москву, на помощь Советам, со всех сторон прибывали новые силы восставших рабочих и крестьян.

Ожесточенные бои разгорелись на Остоженке, где занимали позиции красногвардейцы Замоскворечья. Здесь же была и Люсик Лисинова — молодая большевичка, секретарь Совета рабочих депутатов Замоскворецкого района.

...Она приехала в Москву в 1915 г. из далекого Тифлиса. Поступив на экономический факультет Коммерческого института, (ныне институт народного хозяйства имени Плеханова), энергичная девушка быстро включилась в революционное движение студенчества и рабочих Замоскворечья.

Прошло несколько месяцев, и из Тифлиса в Москву на имя начальника охранного отделения поступил секретный пакет. В письме, которое лежало в нем, говорилось:

«При сем препровождаю для сведения копию письма Люсик Артемьевны Лисиновой к ссыльной поселенке Елене Дмитриевне Стасовой, обнаруженное у последней при обыске по моему требованию (Стасова за принадлежность к Центральному Комитету РСДРП (ленинцев) в 1912 г. была осуждена в ссылку на поселение). Названная Лисинова проживает в Москве по адресу: «Большая Дворянская ул., 13—20».

Начальник Тифлисского губ.
жандармского управления
полковник...» [1]

Под донесением стояла витиеватая и неразборчивая подпись.

Получив такое письмо, в московском охранном отделении зашевелились. Тут же были наведены возможные справки. Полицейский надзиратель 2-го участка Пятницкой части вскоре сообщил:

[1] ЦГАОР СССР, ф. МОО, оп. 33, д. 180, л. 1.

«Лисинова Люсик Артемьевна, 19 лет, дочь купца 2-й гильдии города Тифлиса. Армянка. Свидетельство выдано управлением Тифлисского полицеймейстера. Учащаяся. Прибыла из д. 30 по 2-му Бабьегородскому переулку, а 6 ноября 1916 года выбыла, не указав адреса».

«Выбыла, не указав адреса» — эти слова взбесили шефа московских жандармов. Не сдержавшись, он выкрикнул приказание:

— Разыскать, обыскать, допросить!..

На Люсик Лисинову завели дело. Сыщики были снабжены описаниями ее внешности. Но розыски не давали результата.

В Коммерческом институте действовала довольно крепкая и сплоченная большевистская группа. Летом 1916 г. в нее входили Ю. Мышкин, А. Фокин, К. Островитянов и другие большевики. Группа вела активную работу не только в институте, но и за его стенами, главным образом среди заводских рабочих Замоскворечья. Студенты-большевики руководили рабочими кружками на заводах Михельсона, Бромлея, на фабриках Жако, Даниловской мануфактуре и др. Сознательные рабочие все чаще появлялись в студенческой столовой и принимали участие в сходках.

Побывав на нескольких таких сходках, Люсик Лисинова познакомилась с рабочими, а затем получила задание провести с ними беседу на злободневную политическую тему. Как она волновалась тогда! Думалось: подыщет ли нужные слова, поймут ли ее люди с мозолистыми руками, люди, которые едва могли читать и писать? Опасения оказались напрасными: она была молодцом, «прирожденным оратором и пропагандистом», как сказали ей потом товарищи.

После первой беседы последовали другие. Люсик чувствовала себя увереннее, в ней росло сознание кровной связи с рабочими. А те все больше проникались уважением и доверием к молодой черноглазой пропагандистке.

С каждым днем вести революционную работу становилось труднее. В городе снова начались аресты, произошли обыски и в Коммерческом институте, и в столовой. Вскоре у дома 30 по 2-му Бабьегородскому переулку, где жила Люсик и две ее подруги, появился шпик. Его обнаружили ночью, когда девушки возвращались домой: черная тень метнулась в сад и промаячила там до утра, а днем в переулке появился другой подозрительный тип, не спускавший глаз с дома. Люсик поняла: надо сменить квартиру.

1 декабря 1916 г. пришло тревожное известие: полиция арестовала группу членов МК РСДРП, собравшихся на заседание, на квартире К. В. Островитянова. Это был крупный провал. Позднее выяснилось, что среди них был провокатор. Рабочие и большевики-студенты ответили на аресты дальнейшим сплочением своих рядов.

Обстановка в Москве, как, впрочем, и во всей стране, накалялась с каждым днем. Рабочие и крестьяне требовали: «Долой войну! Хлеба! Свободы! Долой царское самодержавие!»

И вот самодержавие рухнуло. Это были незабываемые дни истории. Люсик старалась запомнить все, что видела и слышала. Она все те дни была на улицах, все время в гуще событий, вместе с рабочими, которые вершили правый суд над своими угнетателями. Бурные революционные события сильно повлияли на молодую большевичку. «Мне за это время много думать пришлось,— писала она домой,— и внутренне стала еще тверже».

Через месяц — новое письмо: «Я чувствую все, что скрыто во мне. Эти силы не только во мне, но и в каждом из нас, всех тех, кто является работниками новой нарождающейся эры — класса, который несет новую эру... Я говорю,— поясняет она,— про ту партийную организацию, которая работала задолго до революции и про которую я в туманных фразах вам писала...»

По заданию райкома Люсик часто бывает на заводах, участвует в организации Советов рабочих депутатов, выступает на собраниях, ведет беседы с молодежью и женщинами. Все чаще приходилось ей бывать в районном Совете. Совет Замоскворечья создавался и действовал под влиянием большевиков. Уже в конце марта 1917 г. в Совете из 98 депутатов от крупных предприятий района 62 были коммунистами и 15 — сочувствующие им. Люсик стала секретарем Совета и одновременно продолжала большую работу среди молодежи района.

В апреле 1917 г. с радостью сообщает: «Итак, я сейчас поеду в Питер слушать моего Ленина. Мне еще много надо подумать над его тезисами...»

Петроград жил напряженной жизнью, это бросалось в глаза сразу. Как и ожидала Люсик, приезд в революционный Питер стал яркой страницей в ее жизни. Она не только видела и слушала В. И. Ленина, выступавшего на конференции, она впитала в себя гениальные мысли вождя, сроднилась со всей партией, взявшей

курс на социалистическую революцию. Апрельская конференция оказала исключительное влияние на формирование Люсик Лисиновой в настоящего, несгибаемого коммуниста.

Это были незабываемые дни. Волнение и радость охватили Люсик, когда она увидела Елену Дмитриевну Стасову! Какая это была встреча! Обе не скрывали слез. Оказалось, что Елена Дмитриевна совсем недавно возвратилась из ссылки и снова выполняла обязанности секретаря ЦК партии.

Елена Дмитриевна познакомила Люсик с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Когда произошла эта волнующая встреча, Люсик смутилась, ее щеки зардели, она почувствовала себя совсем счастливой.

— Вы бывали в Питере, товарищ Люся? — спросил Владимир Ильич, помогая девушке справиться со смущением.

— Да, Владимир Ильич, еще девочкой. Но сейчас Питер — совсем другой Питер.

— Какой же «совсем другой»? — улыбаясь, снова спросил Ленин.

— Сейчас это словно бурлящий котел, накаленный такой.

— Накаленный, говорите. Это, пожалуй, верно.

И Владимир Ильич стал расспрашивать о Москве, о рабочем движении, о студенческих вечерах. По тому, как и о чем спрашивал Владимир Ильич, Люсик поняла, что он хорошо осведомлен о положении в ее городе.

На другой день, провожая Люсик в Москву, Елена Дмитриевна передала ей просьбу Надежды Константиновны:

— В нынешней обстановке ЦК партии обращает внимание всех организаций на необходимость развернуть работу среди молодежи. Вот Надежда Константиновна и считает, что тебе, молодой большевичке, и карты в руки в этом деле. Поняла?

«Я работаю очень много,— писала она сестре 9 мая.— Когда с помощью моих рук сырой материал обращается в сознательного рабочего, когда я пробуждаю в нем классовое самосознание, тогда я удовлетворяюсь, тогда у меня прибавляются силы, тогда я живой человек».

Потом с гордостью добавляет: «Как я рада, что работа моя применялась еще в подполье, что я имею сейчас навык, что я могу сейчас работать».

После того как помогла на двух заводах собрать рабочие библиотеки и организовала социал-демократический кружок из

работниц, она записала в дневнике: «Сколько сил, талантов таятся в рабочей среде!»

Люсик почти все время пропадала на заводе Михельсона. Там завершалось оформление организации рабочей молодежи, и райком поручил на ее основе образовать Союз молодежи Замоскворечья. Молодые рабочие завода А. Бакланов, В. Цуканов и А. Андреев вместе с Люсик, ее подругой Еленой Троицкой и Алешей Столяровым провели на заводах района молодежные собрания, помогли создать там ячейки Союза и подготовили созыв районного собрания молодежи. Формирование Союза происходило в жарких схватках с меньшевиками и эсерами, которые пытались распространить свое влияние на рабочую молодежь. Но большевики упорно и последовательно боролись за этот важнейший резерв грядущей социалистической революции.

24 июня в помещении кинотеатра «Великан», что возвышался на Серпуховской улице, состоялось первое районное собрание Союза молодежи. На этом собрании было решено назвать Союз молодежи именем революционного пролетарского III Интернационала.

Подобные собрания состоялись вскоре и в других районах города. При МК РСДРП(б) был образован Союз молодежи, который укреплял влияние большевиков среди молодежи, направлял и организовывал деятельность ячеек и групп.

Московские большевики, претворяя в жизнь ленинский лозунг о подготовке вооруженного восстания, поставили вопрос о борьбе за власть на очередь дня. Разоблачая предательскую политику меньшевиков и эсеров, большевики овладевали Советами, районными думами, создавали отряды Красной гвардии.

Процесс вооружения рабочих усилился во второй половине августа 1917 г., когда царский генерал Корнилов поднял контрреволюционный мятеж и двинул свои войска на подавление рабочих Петрограда и Москвы.

«Над революцией готовится расправа...» — писала в те дни Люсик. И тут же с уверенностью добавляла: «Подпольное оружие вышло наружу...»

Подпольное оружие! Люсик знала, как бережно хранили рабочие завода Михельсона склад винтовок и патронов, добытых еще в марте 1917 г., как тщательно смазывали они по ночам винтовки, как упорно учились стрельбе и готовили самодельные гранаты. И все же оружия не хватало.

31 августа завком «в виду тревожности момента» послал делегацию рабочих в Моссовет с решительным требованием выдать оружие. Вместе с рабочими в Моссовет пошла и Люсик. У нее на руках имелся мандат. Это был небольшой клочок бумаги, на котором значилось:

«Мандат № 628.

Выдано сие т. Лисиновой, имеющей от зав[одского] комитета зав[ода] Михельсона поручение требовать от М[осковского] Совета раб[очих] депутатов немедленной выдачи оружия рабочим».

Напряженные, до предела наполненные важными делами последние дни подкосили здоровье Люсик. Она заболела и слегла. Правда, товарищи не оставляли ее: заботились о ней, носили еду, но все это не заменяло непосредственного участия в разгоравшейся борьбе. «Я должна быть там»,— часто говорила она. «Там» — это означало на заводе Михельсона и на других предприятиях района, в пропахшей табаком шумной комнате Совета и в Союзе молодежи, в столовке института, в МК партии и редакции большевистской газеты «Социал-демократ».

В Москве был создан Военно-революционный комитет. Среди его смелых разведчиков оказалась и Люся. Замоскворецкий ВРК неоднократно посылал ее на связь в центр города. Минуя заставы юнкеров, она каждый раз самоотверженно выполняла задания. «Молодец наша Люсик»,— говорили в районе.

Поздним вечером 30 октября, за несколько часов до решающей схватки с юнкерами и другими контрреволюционными силами, Люсик забежала домой. Ее воспаленные от бессонницы глаза слипались, ноги подкашивались, руки еле-еле держали перо. Но надо было написать хотя бы несколько строк. Надо!

Это стало ее последним, предсмертным письмом. Ее убили днем 1 ноября 1917 г. на Остоженке, где она оказывала первую помощь красногвардейцам, ведущим ожесточенный бой с юнкерами. Пуля попала прямо в сердце.

Хоронили ее на Красной площади. Рабочие и товарищи из Замоскворечья несли знамя районной партийной организации. Оно развевалось на ноябрьском ветру, гордо раскрывая четыре золотых слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Письма Л. А. Лисиновой вышли в сборнике «Октябрь в Замоскворечье» (М., 1957), печатались в «Юности» (1957, № 6).

Именем Люсик Лисиновой названа бывшая М. Серпуховская улица в Москворецком районе г. Москвы.

Самуил Моисеевич Цвиллинг

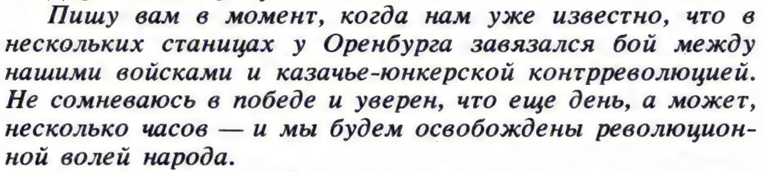
13 января 1891—4 апреля 1918

Письмо из белогвардейской тюрьмы г. Оренбурга коммунистам челябинской партийной организации

5 декабря 1917 г.

Дорогие товарищи!

Пишу вам в момент, когда нам уже известно, что в нескольких станицах у Оренбурга завязался бой между нашими войсками и казачье-юнкерской контрреволюцией. Не сомневаюсь в победе и уверен, что еще день, а может, несколько часов — и мы будем освобождены революционной волей народа.

Нас сидит всего 35 человек. Они заявили, что сегодня согласны освободить всех, кроме меня, так как считают меня самым вредным и опасным большевиком. В городе буржуазия и соглашательские газеты посвящают мне ежедневно свои страницы, дав мне прозвище «Неуловимый».

Наконец они меня поймали 14 ноября и, как полагается «социалистам», избили до полусмерти и избитого отправили в казачью станицу за 30 верст от Оренбурга на автомобиле. Там заперли в клоповник.

Местные «старики» первые два дня грозили все время самосудом, затем мы стали разговаривать, и в результате в несколько дней у меня перебывала вся станица и оказалась распропагандированной.

В станице продержали нас одиннадцать дней и затем перевели, под давлением рабочих и солдат, в губернскую тюрьму. Там уже были все остальные товарищи и сидели

в одной общей камере. Отдали распоряжение держать меня отдельно, но тут же и я и товарищи подняли такую кутерьму, что им пришлось сейчас же перевести к остальным.

От частичных освобождений мы отказались.

Объявили голодовку, но на третий день состоялось собрание рабочих до 4 тысяч человек, потребовавших от нас категорически прекращения голодовки ввиду того, что уже идет к нам помощь и мы должны сохранить силы для работы после освобождения.

Мы подчинились и голодовку прекратили.

Любопытно, что эсеры и меньшевики оказались еще более злыми и беспощадными зверьми, нежели атаман Дутов с его шайкой.

Несмотря на все пережитое, настроение у нас хорошее. Каждый день приходят делегации от рабочих и солдатских организаций.

Выборы в Учредительное собрание дали нам чуть не половину всех голосов (до 20 тыс.), в то время как эсеры получили до трех тысяч, а меньшевики менее двух тысяч, и после этого они еще имеют наглость держать здесь власть в своих руках! Ну, еще несколько мгновений, и они будут сметены в корзину исторического мусора, где им надлежит быть.

Родненькие мои! [1] *Вы обо мне тоскуете, я еще больше истосковался о вас. Не тужите: мы пройдем сквозь все испытания и все же выйдем победителями и испытанными, закаленными бойцами.*

Товарищи, удивляюсь, что вы до сих пор не закрыли кадетскую газету и не реквизировали типографию.

Привет от меня и всех заключенных товарищей.

Ваш Цвиллинг Самуил.

[1] Приписка жене и сыну.

Самуил Моисеевич был горд, что его избрали делегатом на Второй Всероссийский съезд Советов, на котором было провозглашено первое в мире рабоче-крестьянское государство.

С. М. Цвиллинг был профессиональным партийным работником-большевиком. Родился в Тобольске, детство прошло в Омске. Юношей, за активное участие в революционных событиях 1905—1907 гг., был приговорен к смертной казни, замененной тюремным заключением.

После Февральской революции — член Челябинской организации РСДРП. Вскоре его избирают председателем Челябинского Совета, а челябинские большевики делегируют на VI съезд партии.

На Втором Всероссийском съезде Советов Цвиллинга избирают в состав ЦИК. С мандатом Петроградского Военно-революционного комитета в качестве комиссара Николаевской железной дороги он охранял Питер от белогвардейцев [1], разоружал остатки отрядов Керенского у станции Бологое.

Выполнив поручения Петроградского ВРК, Самуил Моисеевич собрался домой, в Оренбург. 30 октября 1917 г. ему вручили мандат Петроградского ВРК за подписью Ф. Э. Дзержинского и М. Я. Лациса о назначении комиссаром Советского правительства по Оренбургской губернии [2].

Подобные мандаты получали и многие другие большевики — делегаты Второго Всероссийского съезда.

В окрестностях Оренбурга в то время хозяйничал белоказачий атаман Дутов, отказавшийся признать Советскую власть. Во время одного из собраний «под председательством прибывшего из Петрограда комиссара Совета Народных Комиссаров т. Цвиллинга», здание Совета было оцеплено белоказаками, а «в само помещение были введены юнкера школы прапорщиков и юнкера-казаки. Прибывший во главе отряда атаман Дутов объявил, что все, кто находится в помещении, считаются арестованными...» [3].

Очевидцы свидетельствовали, что председатель собрания С. М. Цвиллинг назвал казачьего атамана «изменником и предателем Родины и революции», тогда Дутов, взбешенный, отдал приказ арестовать всех и заключить в застенок [4].

[1] См.: Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3-х т. М., 1966, т. 1, с. 267.

[2] Там же, с. 395.

[3] Уральский рабочий, 1917, 6 декабря.

[4] Там же.

В белогвардейской тюрьме оказались 35 большевиков во главе с С. М. Цвиллингом. Дутов рассчитывал расправиться с ними и превратить Оренбург в центр белоказачества. Стойкость и единство всех арестованных, сочувствие трудового населения, рабочих-железнодорожников, выступление красногвардейских отрядов под Оренбургом помешали контрреволюции свершить открытую и скорую расправу...

На выручку арестованным оренбургским большевикам спешат, шлют боевые силы партийные организации Самары, Челябинска, Бузулука. Создается штаб по освобождению узников. Через несколько дней С. М. Цвиллинг и его товарищи оказались на свободе.

Самуил Моисеевич с группой товарищей тайно добирается до Бузулука, формирует вооруженные отряды для наступления на Оренбург. После ряда боев и упорных сражений с белоказаками город снова становится советским. С. М. Цвиллинга избирают председателем военно-революционного комитета. Бои с белогвардейцами продолжались.

В неравной схватке, в первых рядах защитников Оренбурга, он погиб, погиб геройски. Это случилось 4 апреля 1918 г...

Письмо героя, хранящееся в партийном архиве Оренбургского обкома КПСС, печатается по сборнику «Гражданская война в Оренбуржье» (Оренбургское книжное издательство, 1958, с. 21—22).

В ряде городов и поселков есть улицы и переулки имени С. М. Цвиллинга; в Челябинске ему воздвигнут памятник.

Владимир Афанасьевич Басенко

1894—23 апреля 1918

Письмо любимой

22 апреля 1918 г.

Дорогая!

Кажется, последнее мое письмо это будет. Жизнь моя должна смениться небытием...

Да здравствует Революция!

В.

Сын кубанского казака-бедняка, Владимир Басенко давно уже избрал свой путь в жизни. Еще тогда, когда он, голодный и разутый, перебрался в Москву и стал студентом Московского университета, его потянуло в гущу революционной борьбы.

Подпольную деятельность Владимира прервала мобилизация в армию в самом начале первой мировой войны. Его направили в 167-ю пехотную дивизию, присвоив звание старшего медицинского фельдшера.

Солдатская масса была благоприятной средой для пропаганды большевистских идей, и Владимир Афанасьевич вскоре сплотил вокруг себя надежную группу единомышленников. Он был человеком большой души, образованным, сердечным, отзывчивым, располагающим к себе простых людей. И не случайно после Февральской буржуазно-демократической революции был избран солдатским депутатом, а в апреле 1917 г. его направили в революционный Петроград представителем армии.

Дворец Кшесинской... Здесь был штаб ленинской партии. Часто бывал Басенко в этом штабе.

Летом 1917 г. В. А. Басенко с присущим ему темпераментом ведет широкую агитацию в войсках против подготавливаемого Временным правительством наступления на фронте, за установление мира, которого так жаждала страна, истомленная трехлетней кровавой войной.

В дни Великого Октября 1917 г. Владимир Афанасьевич — председатель дивизионного комитета, один из руководителей организации большевиков 8-й армии. В январе 1918 г. направляется в Петроград — на III Всероссийский съезд Советов, где его избирают членом ВЦИК. После съезда едет в Одессу, затем в Севастополь и другие города Крыма. Организует отряды Красной Армии, укрепляет органы Советской власти, редактирует газету «Таврическая правда».

Но вот кайзеровские войска Германии перешли в наступление, и Крым оказался отрезанным от центра Советской России. Поднялись волны контрреволюции, угрожая затопить в крови не окрепшую еще здесь власть трудящихся.

«Чуя смерть от дыхания революции,— писал в те дни Владимир Афанасьевич,— империалисты всех стран, оскалив зубы, бросились в отчаянную схватку с красным царством... Но крепко сомкнулись стальные ряды, ибо громко пробил 12-й час. Час последней и решительной битвы».

В середине апреля 1918 г., собрав вокруг себя коммунистов и всех сочувствующих, Владимир Афанасьевич направился на фронт, навстречу немецким оккупантам. Первая схватка произошла под Бельбеком, следующая — под Альмой. Вместе с отрядом евпаторийских рабочих они отразили натиск превосходящих сил противника.

Под вечер 23 апреля Владимир Афанасьевич пошел с товарищами в разведку. Шли вдоль полотна железной дороги по направлению к Симферополю. Вдруг из темноты выскочила вражеская бронеплощадка.

— Дайте мне гранаты,— решительно сказал Владимир Афанасьевич.— Нужно получше рассчитаться с гадами.

И он пополз вперед, прижимаясь к теплой весенней земле.

Ударил пулемет. Пули заплясали вокруг героя. Вот он вскочил, бросил гранату и упал, изрешеченный пулями...

За несколько часов до гибели Владимир Афанасьевич написал два письма: матери и любимой девушке — с инициалами А. Н. Текст последнего письма воспроизведен в сборнике «Революция в Крыму» (Симферополь, 1923, № 2, с. 128).

Михаил Васильевич Кривошлыков

21 ноября 1894 — 11 мая 1918

Письмо родным перед виселицей

10 мая 1918 г.

Папаня, мама, дедушка, бабуня, Наташа, Ваня и все родные!

Я пошел бороться за правду до конца. Беря в плен, нас обманули и убивают обезоруженными.

Но вы не горюйте, не плачьте обо мне. Я умираю и верю, что правду не убьют, а наши страдания искупятся кровью...

Прощайте навсегда!

Любящий вас
Миша.

Ленинский клич «Вся власть Советам!» победно прокатился по донским степям, поднимая на борьбу все новые и новые слои трудового казачества. Но контрреволюция в этом крае была еще очень сильна. Во многих городах и станицах хозяйничали белогвардейские отряды атамана Каледина, жестоко расправляясь со всеми, кто выступал за власть рабочих и крестьян.

В первых числах января 1918 г. в станице Каменской собрался съезд представителей от казачьих воинских частей, станиц и волостей. Более 700 делегатов до отказа заполнили помещение местной церковноприходской школы, чтобы обсудить назревшие вопросы борьбы с Калединым.

Среди делегатов обращал на себя внимание молодой, стройный прапорщик с открытым, вдохновенным лицом. Он часто подходил к

руководителям окружного комитета большевиков и взволнованно с ними говорил. Когда началось заседание, он сел в первом ряду, живо реагируя на выступления делегатов. Затем, отвечая настроению зала, он встал и громко выкрикнул:

— Долой Каледина! Да здравствует казачий военно-революционный комитет!

Это предложение встретило горячую поддержку; тут же начались выборы в ревком. Первым был назван Ф. Г. Подтелков — авторитетный, всеми уважаемый подхорунжий, недавно вернувшийся с фронта. Назвали казаки и фамилию Михаила Кривошлыкова, которого многие знали как стойкого и честного бойца.

...Он был уроженцем здешних мест, из хутора Ушаково Каменской волости. Отец его был кузнецом, и Михаилу — одному из двенадцати детей — рано пришлось зарабатывать себе на хлеб. Ему удалось окончить среднее сельскохозяйственное училище и получить место агронома в Сальском округе.

Начавшаяся мировая война привела Михаила в военную школу, а затем прямой дорогой на фронт, где его и застали революционные события 1917 г. Он был избран членом полкового комитета, а вскоре и его председателем. Это под его руководством полк вместе с другими частями 5-й казачьей дивизии снялся с Западного фронта и повернул на Дон, в родные края.

Став большевиком, молодой прапорщик развернул среди земляков агитацию за власть Советов, звал на борьбу с врагами рабочих и крестьян. Вместе с другими большевиками он объединял революционные силы, сплачивал вокруг себя казачью бедноту. Затем — съезд в Каменской, образование ревкома...

Так Михаил Кривошлыков стал секретарем Донского областного военно-революционного комитета. Съезд в Каменской сыграл большую роль в мобилизации революционных сил Дона. В приветствии В. И. Ленину делегаты съезда поклялись отдать все силы защите Советской власти.

В распоряжении ревкома находилось до 6 тыс. штыков. Это было немного по сравнению с силами калединцев, но силы революционных красных бойцов росли изо дня в день.

В конце января — начале февраля 1918 г. во главе отрядов добровольцев Михаил Кривошлыков участвовал в боях с белыми под Новочеркасском, в уничтожении банды Чернецова, которую Каледин бросил против ревкома, и затем в освобождении Ростова-на-Дону от калединцев.

Ревком, переехав в Ростов, продолжал активную деятельность по укреплению власти Советов. 23 марта 1918 г. была провозглашена Донская Советская республика. В ЦИК республики избрали и Михаила Кривошлыкова.

Михаил Васильевич часто возглавлял схватки с белобандитами, анархистами, личным примером увлекал бойцов на защиту революции.

В горячие апрельские дни, когда белые с помощью немецких оккупантов овладели Ростовом-на-Дону, Михаил Кривошлыков вместе с Ф. Г. Подтелковым собрал отряд надежных бойцов и выступил против обнаглевшего врага. В завязавшихся упорных боях отряду удалось освободить станции Лихую и Зверево.

Учитывая сложившуюся обстановку, ревком принял решение отправить в северные округа области специальную экспедицию, чтобы поднять на битву с калединцами трудовых казаков и иногороднюю бедноту. Во главе этой экспедиции, состоящей из 100 бойцов, в числе которых было 20 коммунистов, встали Ф. Г. Подтелков и М. В. Кривошлыков, едва оправившийся после малярии.

Экспедиция начала свой путь 1 мая 1918 г. и через несколько дней оказалась в глухих районах, где уже действовали силы мятежников. На границе Усть-Медведицкого округа экспедиция была окружена белогвардейцами и восставшей верхушкой казачества.

Началась расправа... С веревкой на шее Федор Григорьевич и Михаил Васильевич гневно клеймили врагов народа. Последние слова Михаила Кривошлыкова: «Петлей нас не запугаете. Мы за правду и на смерть идем. Народ вам этого не простит...» — были прерваны ударом офицера в черной маске по табуретке, на которой стоял коммунист.

Мужественная борьба М. В. Кривошлыкова и его товарищей с контрреволюцией на Дону, героическая смерть замечательных большевиков ярко и документально отображены М. А. Шолоховым во второй книге «Тихого Дона» [1].

Прощальное письмо М. В. Кривошлыкова воспроизводится по книге И. Горелова «Подтелков и Кривошлыков», вышедшей в Ростове-на-Дону в 1937 г., и воспоминаниям сестры героя — Наталии Васильевны, опубликованным в сборнике «Незабываемые годы» (Ростов-на-Дону, 1957, с. 152).

[1] *Шолохов Михаил.* Собр. соч. В 8-ми т. М., 1975, т. 2, с. 359, 371.

Глафира Шорникова

1900 — начало июня 1918

Письмо в Петроград комсомолкам 1-го Городского района

Начало июня 1918 г.

Дорогие подружки!

Работаю я комиссаром продагита. Работа тяжелая. Кулаки прячут хлеб. Бедняки и середняки за нас. Идут слухи, что недалеко белые...

Вчера на сходе пришлось долго уговаривать крестьян сдать хлеб. Кулачье работает вовсю. Один парнишка — член Союза молодежи был зверски убит только за то, что указал нам на одного кулака, укрывшего хлеб. Мы его хоронили. Я не смогла как следует сказать все, что хотела. Мешали слезы...

Здесь всего довольно, но я ссохлась от работы и дум. Все способы применяют, чтобы побольше хлеба взять для голодных рабочих Москвы и Петрограда.

В соседних селах кулачье подняло восстание. Придется выехать туда сегодня ночью. Надо ребятам в Совете помочь.

Помните меня, очень прошу, и присылайте газеты.

Целую крепко.
Ваша Глаша.

Глафира Шорникова — 18-летняя работница Петрограда, юная большевичка, депутат Совета 1-го Городского района — вошла в один из первых продотрядов, сформированных питерцами.

Ей доверили агитмассовую работу и санитарное дело отряда. Путь отряда лежал за Волгу, в богатые хлебом села Самарской губернии.

Трудно приходилось продотрядовцам. Но хлеб все же отправлялся в центр страны.

Борьба за хлеб, неоднократно говорил в то время В. И. Ленин, равносильна борьбе за социализм и призывал партию, рабочих, всех трудящихся принять чрезвычайные меры для борьбы с голодом. В стране развернулся массовый поход за хлеб. Важную роль в этом играли продовольственные отряды, посылаемые из Петрограда, Москвы, Иваново-Вознесенска и других городов в деревни и села...

Глаша ушла в село, где верховодили кулаки. Взяла с собой свежие номера газет, полученные из Москвы. На страницах «Правды», «Известий» разоблачались антинародные действия контрреволюции. В одном из обращений, помещенном в «Известиях» 31 мая 1918 г., говорилось:

«Настали самые трудные недели. В городах и во многих губерниях истощенной страны не хватает хлеба... Враги народа пользуются тем тяжелым положением, до которого они довели страну... На Урале неистовствуют дутовские шайки. На Дону поднял знамя восстания генерал Краснов... В Сибири контрреволюционные заговорщики при посредстве русских офицеров вовлекли в восстание сбитых с толку чехословаков. В Москве раскрыт военный заговор.

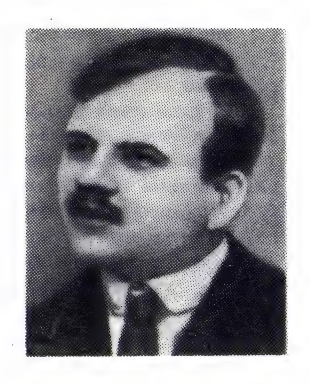
Под оружие! В поход за хлебом... В поход против контрреволюционных мятежников!»

С этого обращения и начала свою беседу Глаша, собирая на летучий митинг жителей села. Многие слушали ее внимательно, доверчиво. Но вдруг кто-то оттеснил девушку от людей. Большая, цепкая ладонь зажала ей рот. Сзади сильно ударили по голове. Ее зверски избили, под грозные выкрики долго водили вдоль села, а затем на берегу Волги добили насмерть.

Предсмертное письмо Глафиры Шорниковой было опубликовано в очерках по истории ВЛКСМ — «Ленинский комсомол» (М., 1958, с. 94).

Павел Герасимович Полторацкий

1888 — 22 июля 1918

Письмо рабочим Средней Азии

21 июля 1918 г.

Товарищи рабочие!

Я приговорен военным штабом к расстрелу. Через несколько часов меня уже не станет, меня расстреляют. Имея несколько часов в своем распоряжении, я хочу использовать это короткое драгоценное время для того, чтобы сказать вам, дорогие товарищи, несколько предсмертных слов.

Товарищи рабочие, погибая от рук белой гвардии, я, как революционер, ничуть не страшусь смерти, ибо я верю, что на смену мне придут новые товарищи, более сильные, более крепкие духом, которые станут и будут вести начатое святое дело, дело борьбы за полное раскрепощение рабочего люда от ига капитала...

Умереть не важно, но слишком больно и тяжело чувствовать то, что часть демократии, подпав под влияние белогвардейцев, своими же руками роет себе могилу, совершая преступное дело перед теми славными борцами, которые, не щадя своей жизни, шли гордо и сейчас идут на борьбу за светлое будущее социализма. Переходя к вопросу асхабадского и туркестанского движения и анализируя его до тонкости, я во всеуслышание заявляю, что движение, возглавляемое асхабадскими контрреволюционерами, идет под

эгидой германского империализма[1]. *Германский империализм простирает свои руки и на Туркестан. Золото делает свое дело. Германо-турки стараются захватить Баку — оплот Советской власти, а их лакеи, продав себя за тридцать серебреников германским юнкерам, отуманивая рабочий класс, руками же рабочих прочищают путь германскому империализму, свергая Советскую власть в Туркестане. Никогда в истории не обманывали так ловко и нагло рабочий класс. Не имея сил разбить рабочий класс в открытом и честном бою, враги рабочего класса к этому делу стараются приобщить самих же рабочих.*

Вам говорят, что они борются с отдельными личностями, а не с Советами. Наглая ложь! Не верьте, преступно обманывают рабочий класс. Наружу вылезали все подонки общества: офицерство, разбойники, Азис-ханы, эмир бухарский. Спрашивается: что, вся эта контрреволюционная челядь защищать пошла поруганные права рабочего класса? Да нет! Сто раз нет! Не верьте, не верьте, вас обманывают.

Товарищи рабочие, опомнитесь, пока еще не поздно. Вы еще пока вооружены, есть сила. В ваших руках аппарат передвижения, в ваших руках вся жизнь города, и вам только лишь необходимы сознание и организованность. Не давайте себя взять окончательно в руки контрреволюции, ибо тогда будет слишком трудно, и опять потребуется много жертв. Берите пример со своих братьев оренбургцев, они уже два месяца бастуют, не давая ни одного паровоза, ни одного человека для преступно-кошмарного дела.

Смело, дружными рядами вставайте на защиту своих интересов...

Заклеймите всех губящих революцию!

П. Полторацкий

[1] Это утверждение основано на недостаточной информации о вдохновителях авантюры правых эсеров в Закаспии. В данном случае решающую роль наряду с внутренней контрреволюцией играли интервенты.

Ну, товарищи, я, кажись, все, что нужно сказать вам, сказал; надеюсь на вас, я спокойно и навсегда ухожу от вас, да хотя не сам, но меня уводят.

Приговоренный к расстрелу П. Полторацкий — типографский рабочий.

21 июля. 12 ч. ночи 1918 г.

Родился Павел в рабочей семье, жившей в Старобельском уезде Харьковской губернии, с детства ушел на заработки в город. В 17 лет стал квалифицированным наборщиком.

— Золотые руки,— говорили про него товарищи.

Его учителями были типографские рабочие Харькова и Ростова-на-Дону. С тайнами ремесла он усваивал и революционные традиции, которыми издавна славились пролетарии этих крупнейших промышленных центров юга России.

В 1905 г. распространял отпечатанные им же воззвания и в составе рабочих боевых дружин защищал баррикады от царских войск. Ему шел восемнадцатый год, когда товарищи назвали его большевиком.

Весной 1912 г., во время нового революционного подъема, набатным колоколом зазвенела на всю страну «Правда» — первая легальная рабочая газета, основанная В. И. Лениным в Петербурге. Страстные статьи большевистской газеты производили глубокий переворот в сознании трудящихся. «Правда» объединяла все честное, все прогрессивное в рабочем и социал-демократическом движении.

Павел Герасимович, обосновавшийся в Ростове-на-Дону, стал на позицию ленинской газеты.

— Я правдист,— говорил он с гордостью.

Полторацкий посылал рабочие корреспонденции, проводил сбор денег в фонд газеты среди населения, занимался ее распространением. По его инициативе ростовские большевики не раз перепечатывали в своих нелегальных типографиях материал «Правды» и распространяли его на заводах, в городе и станицах Дона. Сохранилась корреспонденция Павла Герасимовича, посланная в газету 7 октября 1913 г.

Текст лаконичен и до предела прост: «17 сентября забастовали рабочие типографии А. Тер-Абрамиана, предъявив требования...»

И далее идет перечисление требований — от прибавки к жалованью и отмены штрафов до разрешения праздновать день 19 февраля 1861 г. и устройства столовой для рабочих. «Сожгу типографию, а не уступлю»,— заявил уполномоченным Абрамиан. В ход были пущены штрейкбрехеры. Но солидарность рабочих победила.

«Выдержка и единство — вот наша сила...— писал Павел Герасимович. И заключал: — Напечатайте и вышлите нам» [1].

За этой корреспонденцией последовали другие.

В ноябре 1913 г., во время одной из сходок ростовских большевиков, Павла Герасимовича арестовали и после суда сослали сроком на 5 лет.

Сибирь, Баку, Средняя Азия... Где бы ни был он, всюду с рабочим классом, с будущей революцией, в победу которой он верил неизменно.

Временное буржуазное правительство направило в Туркестан своих представителей — так называемый «туркестанский комитет», который призван был задержать революционное развитие в крае, задушить рост классового и национального самосознания трудящихся. В этих условиях бурную деятельность развернули меньшевики, эсеры и националистические буржуазные организации, цели которых соответствовали политике Временного правительства.

Несмотря на трудности, туркестанские большевики изо дня в день укрепляли свои позиции, размежевываясь с меньшевиками и усиливая борьбу с соглашателями. Наиболее крепкая большевистская организация была создана в Новой Бухаре, где активно действовал Павел Полторацкий. В Коканде председателем Совета рабочих и солдатских депутатов был избран Е. П. Бабушкин — товарищ Павла, большевик с 1903 г. Заметно росло влияние большевиков и в других местах.

В сентябре 1917 г. трудящиеся Ташкента и ряда городов выступили с решительным требованием передачи власти в руки Советов. Но силы соглашателей, блокировавшихся с контрреволюцией, были еще сильны. И когда 29 сентября по инициативе большевиков состоялся Чрезвычайный съезд Советов Туркестана, меньшевикам и правым эсерам удалось повести за собой многих делегатов. Делегаты-большевики мужественно разоблачали врагов

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 1913 г., оп. 14, д. 5, ч. 20, л. Б, л. 67.

революции. Павел Полторацкий от имени Ново-Бухарского Совета выразил недоверие меньшевикам и правым эсерам. Отвечая на требование последних взять на себя роль судей революции, он сказал: таковыми «не могут быть те, кто были ее палачами».

В дни Великого Октября в Ташкенте по инициативе большевиков был создан военно-революционный комитет. Активную роль в нем играл Павел Полторацкий. Под руководством ВРК свыше тысячи вооруженных красногвардейцев и солдат сражалось на баррикадах за полную победу Советской власти в городе и окрестностях. Четыре дня шли ожесточенные бои, пока юнкера не сложили оружие. Их вдохновители во главе с генералом Коровиченко были посажены в тюрьму.

15 ноября в Ташкенте открылся III краевой съезд Советов. Признав Советскую власть единственно законной, съезд избрал правительство. Председателем Совнаркома Туркестана стал большевик Ф. Колесов. Павел Полторацкий был назначен комиссаром труда.

Осуществляя ленинские указания о проведении рабочего контроля над производством и потреблением, Павел Герасимович непосредственно участвовал в деятельности контрольных комиссий на предприятиях, разрабатывал и утверждал уставы органов рабочего контроля, развивал инициативу фабрично-заводских комитетов, подготавливал условия для национализации промышленности в Туркестане. Во всей этой многосторонней работе он опирался на железнодорожников, рабочих типографий, небольших предприятий.

Все контрреволюционеры объединились против новой власти рабочих и дехкан. Битва за победу Советской власти в Средней Азии была необычайно трудной. Рабочая прослойка в этом крае была очень небольшая. Трудящиеся местных национальностей в большинстве были неграмотны и слабо организованы. Но они чувствовали правоту большевиков и шли за ними. В январе 1918 г. в ряде городов вспыхнули контрреволюционные мятежи, спровоцированные царскими офицерами и местными богачами. Партия послала Павла Полторацкого во главе отрядов Красной гвардии на подавление мятежей.

В начале марта 1918 г. под руководством Павла Полторацкого началась национализация предприятий хлопковой, маслобойной, мыловаренной, горной и типолитографской промышленности.

Одновременно для организации производства и регулирования экономической жизни края был создан краевой совет народного хозяйства. Первое заседание совета состоялось 26 апреля 1918 г. под председательством Павла Герасимовича.

Летом 1918 г. в Закаспии вспыхнул контрреволюционный мятеж. На этот раз активную роль в восстании против Советской власти играли английские интервенты, открыто поддерживавшие эсеро-меньшевистских контрреволюционеров.

Павел Полторацкий с небольшим отрядом красногвардейцев срочно выехал в Ашхабад. Двигались по Среднеазиатской дороге, призывая по пути трудящихся не поддаваться провокациям. Вот резолюция одного из собраний, которое было проведено в пути: «Заслушав доклад комиссара Полторацкого и представителей делегации, мы во всеуслышание всем заявляем, что так же стойко стоим на страже Советской власти, как стояли раньше».

Миновав Чарджоу, добрались до Мерва (ныне г. Мары).

Темной ночью 21 июля 1918 г. в город ворвались белогвардейцы. Первым делом они обложили здание почты, где находились Павел Герасимович, его товарищи и председатель Мервской ЧК по борьбе с контрреволюцией И. К. Калиниченко.

Завязалась перестрелка. Павел Герасимович и Калиниченко были схвачены и зверски расстреляны на рассвете 22 июля 1918 г.

Предсмертное письмо Павла Полторацкого попало к рабочим Мервы. Затем, отпечатанное в виде листовок, распространялось по всей Средней Азии, поднимая людей на борьбу. Помещено в сборнике «Туркестан в период иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР» (Ашхабад, Туркменское госиздательство, 1957).

Илья Васильевич Крылов

1890—26 июля 1918

Письмо жене из белогвардейского застенка Симбирска

25 июля 1918 г.

Елене Ивановне Крыловой.

Прости меня, если я когда-либо тебя обидел. Целую тебя и моих дорогих детей Лидочку и Валю. Я люблю их безумно, но жизнь сложилась иначе. Прости — прощай. Не поминай меня лихом. Еще раз прости.

Твой любящий муж и друг, а также отец и брат дорогим детям.

25.VII. Симбирск *Илюша.*

...День ото дня положение под Симбирском и в городе продолжало ухудшаться. Мятежные чешские легионеры, белогвардейцы, вся контрреволюция — от махровых черносотенцев до анархистов и левых эсеров — обрушились на опорные пункты Советов в Поволжье.

Илья Васильевич Крылов, председатель Симбирского ревтрибунала, все время на ногах: в городе стало неспокойно. Враги из-за угла нападали на советских активистов, совершали диверсии, готовясь ударить в спину защитникам Симбирска.

Сотрудники ревтрибунала, опираясь на трудящихся города, обезвреживали одно гнездо заговорщиков за другим, но сил было мало. Несколько лучших работников пришлось направить на фронт, где красноармейцы с трудом сдерживали во много раз превосходящие войска белых.

17 июля 1918 г. командующий советскими войсками М. Н. Тухачевский сообщал с фронта: «Части Симбирской группы, действующие у Мелекесса, продолжают отход от Мелекесса. Для восстановления положения необходимы свежие подкрепления...»

Вскоре белые овладели Киндяковкой — пригородным железнодорожным поселком близ Симбирска — и открыли артиллерийский огонь по городу.

На исходе тревожного дня 21 июля 1918 г. Илья Васильевич ненадолго забежал домой.

— Лена, забирай детей, собери самое необходимое и быстро на пристань. Последний пароход уходит через тридцать минут.

— А как же ты, Илюша?

— Я должен остаться здесь. Не беспокойся, если белые и прорвутся, то продержатся недолго.

Проводив семью, Илья Васильевич вернулся в город. Вместе с другими товарищами он был оставлен для подпольной работы.

Крылова схватили на следующий день, зверски избили и бросили в тюрьму. Изощренные пытки прекратила смерть. Он умер на рассвете 26 июля 1918 г.

Ему было 28 лет. Детство и юношеские годы прошли в Нижнем Новгороде. Затем учился в Москве. Когда началась мировая война, его отправили на фронт. Прапорщик, потом поручик, он все время в окопах с солдатами, ведет разъяснительную работу, организует братание с германскими солдатами.

После Октябрьской революции вместе с семьей Крылов переезжает в Самару, где работает в областном комиссариате юстиции. В мае его направляют в Симбирск.

Предсмертную записку сберегли его боевые друзья. Ее впервые опубликовала 2 августа 1964 г. «Ульяновская правда».

Записка хранится в Ульяновском музее.

Сергей Никитич Сластунов

1894 — июль 1918

Последнее письмо родителям

Июль 1918 г.

Дорогие родители!

Судьба моя решена. Я приговорен к смерти. Теперь нахожусь в одиночке и с минуты на минуту жду расстрела.

Много лучших людей погибло за правое дело. Как жаль, что я — не последняя жертва.

Моя просьба к вам: мужественно перенесите преждевременную мою смерть. Не падайте духом. Не забудьте прямо сказать сестре Шуре и брату Алексею, что я погиб за правое дело, за счастье людей. Своей кровью я добиваюсь свободы для народа.

Знайте — ваш сын честно исполнил свой долг и отнюдь не раскаивается в своих убеждениях и действиях.

Я умираю, веря твердо и гордо, что жизнь отдана за святое дело борьбы и счастье народа.

Прощайте навечно!

Ваш сын Сергей.

Унтер-офицер 32-го Сибирского запасного стрелкового полка, несшего охрану Анжерских рудников в Западной Сибири, Сергей Сластунов выделялся революционным настроением, организовал солдатскую большевистскую ячейку. В октябрьские дни 1917 г. его избрали в Совет рабочих и солдатских депутатов.

По поручению местной большевистской организации Сергей много и успешно занимался формированием красногвардейских отрядов, затем стал командиром крупного отряда, насчитывавшего 300 добровольцев-шахтеров. Отряд мужественно подавлял контрреволюционные выступления в Мариинске, у станции Тайга и в Томске.

В мае 1918 г. отряд Сластунова, пополненный новыми добровольцами, пошел на фронт сражаться против банд белоказачьего атамана Семенова. Ожесточенные бои разгорелись у станции Даурия. В неравных схватках отряд Сластунова потерпел поражение, а командир попал в плен.

В красноярской тюрьме, зная о смертном приговоре, Сергей написал это последнее письмо отцу и матери. Палачи живым закопали его в землю. Письмо тайно было передано по назначению.

Воспроизводится по книге «Сердца, отданные людям» (Кемерово, 1966, с. 171).

Григорий Александрович Усиевич
6 сентября 1890 — 3 августа 1918

Письмо семье
2 августа 1918 г.

Москва, Московский Совет, для Усиевич Елены.

Родные мои, проводив вас в Москву, я вскоре тоже покинул Тюмень. Фронт рядом, обстановка очень сложная. Но ты не беспокойся. Я должен остаться здесь до победного конца. Уехать не могу, ибо слишком серьезные дела для власти Советов решаются тут сейчас.

Как вы устроились в Москве? Как маленький Гришуня? Сильно хочу вас видеть. Очень хочется встретиться с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Передавай им сердечный привет. Привет и всем товарищам. Отпиши от меня сестричкам — пусть тоже не беспокоятся. Надеюсь, что скоро увидимся.

Пиши по старому адресу: найдут, передадут.

Всегда весь ваш —
Григорий.

Григорий Александрович Усиевич родился в семье служащего Русско-Азиатского промышленного банка, жившей под Тамбовом в селе Уварово. С 1900 г. Усиевичи поселились в Тамбове. Закончив юридический факультет Петербургского университета, летом 1907 г. Григорий становится членом РСДРП, избирается в состав Петербургского комитета большевиков. В феврале 1909 г. его арестовывают.

...Суд по делу Петербургского комитета РСДРП начался 25 октября 1911 г. Вместе с Григорием на скамье подсудимых были Г. И. Чудновский, В. М. Федоров, другие большевики. Григорий был самым молодым. После его речи «на скамьи подсудимых из публики стали бросать красные розы. Часть публики встала со своих мест и бросилась к подсудимым... В зал суда был введен усиленный наряд жандармов, которые, обнажив шашки, встали между публикой и подсудимыми...». Так писала в заметке «Случай в суде» газета «Голос Москвы» [1]. Горячую солидарность с подсудимыми выразила большевистская газета «Звезда», редактором которой был В. И. Ленин.

Григорий и его товарищи были осуждены на вечное поселение в Восточную Сибирь.

Из ссылки он часто пишет родным. В одном из писем сестрам читаем: «Не увлекайтесь, дорогие сестренки, своими делами, не замыкайтесь в круг эгоистических желаний. Не думайте, что это принесет счастье! Счастье настоящее, большое, человеческое — отдать жизнь за счастье других людей, за счастье всех».

В ссылке Григорий изучает социально-политические науки, труды В. И. Ленина, иностранные языки. В это время в легальных и нелегальных большевистских изданиях появляются первые его публицистические статьи, подписанные псевдонимом Тинский, публикуются они и в журнале «Просвещение», который редактировал В. И. Ленин.

В мае 1914 г. Григорию удается бежать.

Он был уже у границы Австро-Венгрии, когда началась первая мировая война. Как русского подданного его отправили в лагерь. Из-за прогрессировавшего туберкулеза и слабого зрения выпустили на свободу. Григорий направляется в нейтральную Швейцарию, где находится Ленин.

Вот она — долгожданная встреча. Товарищ Жорж, как теперь называли Усиевича, стал, писала Н. К. Крупская, «нашим близким товарищем». Владимир Ильич часто встречался с Жоржем, беседовал с ним, поручал работу в библиотеках, заботился о его здоровье [2].

В середине 1916 г. Григорий познакомился с молодой революционеркой Еленой Кон — дочерью известного польского социал-

[1] Голос Москвы, 1911, 26 октября.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 261, 270, 339 и др.

демократа Феликса Кона. Она эмигрировала в Швейцарию из Берлина, где побывала в кайзеровских тюрьмах. Вскоре состоялась их свадьба, на которой присутствовали Ульяновы.

В начале февраля 1917 г. Владимир Ильич написал статью «Предложения об изменениях в резолюции по военному вопросу» для издания «Группой циммервальдских левых в Швейцарии». Направляя статью для печати, он пишет: «Если можно, пусть Усиевич (храня сие в тайне) снимет копию с *русского* текста...», один экземпляр взять обратно, а с других сделать переводы на немецкий и французский языки и ускорить их издание для скорейшего использования в работе с левыми социал-демократическими группировками [1].

Григорий Александрович выполнил это задание.

А через несколько дней мир облетела весть о революции в России. Появляются знаменитые ленинские «Письма из далека». Сохранилась одна из записок того периода; в ней читаем: «Прилагаемые копии моих статей [2] прочтите тотчас, дайте прочесть Усиевичу и *тотчас* пошлите в Женеву Карпинским, чтобы и они *тотчас* вернули!» [3]

Усиевичи в группе эмигрантов-большевиков во главе с Лениным, преодолев все трудности долгой дороги, 3 апреля прибыли на Финляндский вокзал столицы.

После VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП(б), одобрившей ленинский план борьбы за социалистическую революцию, Григорий Александрович, получив очередное задание В. И. Ленина, выезжает в Москву. Он должен рассказать москвичам о задачах революции, помочь им в укреплении большевистских рядов. Его избирают в состав Московского комитета партии, в Московский Совет рабочих депутатов и его исполнительный комитет. А в первый же день Великого Октября Григорий Александрович становится членом Московского Военно-революционного комитета — боевого органа Октябрьского вооруженного восстания.

В конце января 1918 г. Усиевич выступает на заседаниях Московского комитета: отчитывается о поездке в Петроград, высказывается за полновластие Советов и ликвидацию районных дум,

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 389, 552.
[2] См. там же, т. 31, с. 9—33.
[3] Там же, т. 49, с. 409.

говорит об организации курсов политграмоты, делает обстоятельный доклад о продовольственном кризисе в городе.

— Положение очень скверное,— сообщает он на заседании МК 29 января.— Завтра еще будет мука, но всего запасу на три-четыре дня. Предлагаю поднять на улучшение продовольственного дела всех рабочих...

Через несколько дней об этом же Усиевич говорит на заседании Московского Совета. Его избирают в продовольственную комиссию, и он возглавляет работу по ликвидации продовольственного кризиса.

Весной 1918 г. Г. А. Усиевич выехал в Сибирь. Он был наделен чрезвычайными полномочиями и должен был наладить снабжение хлебом Москвы. Вместе с ним поехала Елена Феликсовна с грудным сыном Григорием, родившимся в октябрьские дни 1917 г.

Спровоцированный и поддержанный империалистическими государствами, в конце мая 1918 г. в Поволжье вспыхнул контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса, ставший реальной угрозой для Советской власти в Поволжье и Сибири.

Гражданская война застала Григория Александровича под Тюменью.

13 июня 1918 г. Григорий Александрович передавал в Москву по прямому проводу: «Противник не продвинулся дальше Ишима. Наши отряды расположены по линии, и в настоящий момент Тюмени непосредственная опасность не угрожает. Однако необходимо спешно выслать подкрепление... Атмосфера крайне тяжелая... Необходимо подкрепление. Тогда нам была бы возможность двинуться на Курган. Эта операция оттянула бы значительные силы неприятеля и дала бы возможность освободить часть наших сил под Екатеринбургом и Челябинском...» [1]

Между тем натиск врага, наступавшего на Тюмень с севера, от Тобольска, и с юга, со стороны Кургана, нарастал. 20 июля пришлось оставить город. Усиевич во главе одного из отрядов ушел в тайгу, чтобы, сплотив оставшиеся силы, преградить дальнейшее продвижение белогвардейцев.

3 августа, находясь в разведке, Григорий Александрович попал во вражескую засаду и погиб в неравной схватке.

[1] Центральный государственный архив Советской Армии (далее: ЦГАСА), ф. 176, оп. 3, д. 65, л. 173—174; д. 144, л. 114—115.

А из Москвы в Пермь летела правительственная телеграмма: «Когда Усиевич приедет в Пермь, направьте его немедленно в Москву. Предсовнаркома — Ленин» [1].

«Правда» 8 августа 1918 г. писала: «...среди бесконечных далей Сибири, посланный туда волею революции организовать снабжение хлебом голодной красной России, сложил свою молодую голову, сраженный вражеской пулей, старый партийный товарищ Григорий Александрович Усиевич (Г. Тинский). Одним из первых при приближении белочехов он взял в руки винтовку и во главе своей роты героически дрался за революцию, пока к нему не подкралась смерть...»

Красноармейский отряд, пришедший на помощь, разбил белоказаков. Долго искали тело комиссара, чтобы с почестями похоронить, но так и не нашли. Могила Г. А. Усиевича и его шестерых боевых товарищей была обнаружена местными старожилами и пионерами-следопытами Ирбитской средней школы в сентябре 1963 г. Прах героя захоронен в поселке Красногвардейский...

Копия публикуемого письма и другие документы о Григории Александровиче Усиевиче сохранились у сестры героя — Софьи Александровны Белоцкой-Усиевич.

Именем героя названа улица в Москве. На месте его гибели поставлен обелиск.

[1] Ленинский сборник XXI, с. 278.

Александр Степанович Мельников
1894 — 8 августа 1918

Письма родным и товарищам по борьбе
4 августа 1918 г.

Нахожусь в Златоустовской тюрьме с другими катавскими товарищами. Товарищи, за что нас отдали в эту яму, из которой вряд ли кому из нас придется выбраться? Может быть, человека четыре и выберутся месяцев через пять, остальным же придется побывать в Сибири и даже в петле, или же быть расстрелянными.

Но, товарищи, мы шли честно, добивались счастья для всех угнетенных. Смерть мы встретим бодро. Пусть нас сотрут с лица земли, но они не сотрут того, за что мы боролись.

Товарищи, слез не удержишь, когда вспомнишь, как темная разъяренная толпа бушевала при нашем аресте, сама не зная, что мы сделали дурного. Люди с налитыми кровью глазами готовы были растерзать нас. Этим несознательным массам все это простит история. Но помните, тираны, которые толкнули на такой путь и обманули эти массы, помните: эта же масса скоро поймет и низвергнет вас туда, откуда вы уже не выберетесь.

Мы знаем, что дело, за которое мы боролись, победит, и мы все, жертвы реакции, будем кровью записаны на страницах истории.

Арестованных в Златоусте около 2 тысяч человек. Прощайте, товарищи! Я честно прошел свой путь до смерти.

А. Мельников.

6 августа 1918 г.

...Вот уже более двух недель я сижу и жду каждый час расправы. Я ясно понял, что комиссия нас послала в тюрьму затем, чтобы мы больше не возвратились. Каждую минуту, каждый час я ожидаю приговора. Это томительное, страшное ожидание с каждым часом убивало меня. За это время я так изменился, что едва ли могли бы узнать меня близкие, даже товарищи и знакомые.

Товарищи, я пишу эти записки и надеюсь, что моя исповедь дойдет до вас... Я бодро погибну за правое дело.

Прощай, отец и мать. Ваш сын погиб за идею, за освобождение трудящихся.

А. Мельников.

Он был одним из ста коммунистов, которые возглавляли рабочих Катав-Ивановского завода на Южном Урале в борьбе за Советскую власть.

Как только на заводе после февральско-мартовских событий 1917 г. возник Совет рабочих депутатов, его избрали депутатом Совета, а через некоторое время — членом исполнительного комитета Совета. Под его руководством начинают действовать вооруженные рабочие дружины, взявшие под защиту интересы населения всего заводского района.

Летом 1917 г. Александр Мельников по заданию уральской партийной организации выезжал в Уфу, где развернул активную борьбу за победу большевистских идей в массах.

С октября 1917 г. он снова на заводе. Вместе с другими большевиками Александр Мельников укреплял Советскую власть, проводил в жизнь ленинские указания о контроле над производством и потреблением, принимал необходимые меры для национализации предприятий. В марте 1918 г. благодаря политическому и трудовому энтузиазму рабочих завод снова стал выпускать продукцию, в которой так нуждалась тогда молодая Советская республика.

Александр Мельников был избран председателем Совета. В сложных условиях разгоревшейся классовой борьбы он умело руководил хозяйством, сплачивал рабочих и крестьян вокруг Совета.

В конце мая 1918 г. в городах Сибири и Поволжья вспыхнул контрреволюционный мятеж, подготовленный империалистами западных держав. На этот раз контрреволюционной силой оказался чехословацкий корпус, который направлялся на Дальний Восток для эвакуации на родину. Белочешский корпус выступил против Советской власти, занял города Самару, Челябинск и другие крупные центры Поволжья, Урала и Сибири.

Рабочие Катав-Ивановского завода, получив первые известия о вооруженном выступлении белочешского корпуса и российской контрреволюции, тут же провели мобилизацию своих сил. По призыву Совета и большевистской организации 31 мая у ворот завода состоялся массовый митинг. На повестке дня один вопрос: «О мобилизации в Красную Армию».

В начале митинга с короткой, но яркой речью выступил Александр Мельников. По его предложению было решено отправить в Златоуст делегацию для выяснения причин вооруженного конфликта: «Но, что бы ни было, мы должны быть наготове!» — закончил он.

Решение рабочих было единодушным: послать делегацию в Златоуст, но в то же время «немедленно приступить к мобилизации военнообязанных призывов 1917—1919 гг. и обучению их на месте имеющимся у штаба оружием». В резолюции говорилось далее: «Мы, рабочие Катав-Ивановского завода, как один, выступим на защиту завоеванной нами свободы!»

Контрреволюционные элементы, ушедшие в подполье, с нетерпением ожидали возврата старых времен, готовые по первому сигналу выступить против Советской власти. Вместе с ними были эсеры и меньшевики.

Когда белочехи начали наступление на Златоуст, Александр Мельников был в первых рядах отважных защитников Советской власти. Попав в руки контрреволюции, он был жестоко избит, затем заключен в златоустовскую тюрьму, где подвергся пыткам.

...Его расстреляли 8 августа 1918 г. во дворе тюрьмы, так и не добившись каких-либо признаний. Два предсмертных письма Александра, бережно сохраненные товарищами, были опубликованы в сборнике «Бессмертие» (М.— Л., 1936, с. 9—10).

Виктор Дмитриевич Жданов

1901 — 13 сентября 1918

Письмо родителям

12 сентября 1918 г.

Дорогие папа и мама!

Сегодня был суд, который приговорил меня к смертной казни. Я умираю в борьбе за идею, за бедных, страдающих братьев.

Умираю спокойно и прошу вас особенно обо мне не горевать, ведь мы все живем для того, чтобы быть полезным другим, и самопожертвование есть великое дело каждого человека.

Желаю вам всем здоровья и счастья на многие лета.

Простите, прощайте. Всех крепко целую.

Ваш сын и брат Виктор Жданов.

Когда свершилась Октябрьская революция, Виктору Жданову исполнилось 16 лет. Сын учителя из Троицкосавска в Бурятии (ныне г. Кяхта), выпускник реального училища, он был вожаком местной молодежи. Виктор организовал десятку юных красногвардейцев и активно участвовал в подавлении контрреволюционных выступлений против Советской власти.

В Совете, депутатом которого его избрали еще летом 1917 г., Виктор работал в ряде комиссий, в том числе следственной, затем стал ее председателем.

...Лето 1918 г. Белогвардейцы и интервенты плотным кольцом окружают Республику Советов. Враги наступают на родной город

Виктора Троицкосавск. Жданов возглавил отряд вооруженных бойцов и героически защищал родной город, а затем ушел в тайгу, стал партизаном. Нередко ему приходилось заниматься сбором и перевозкой оружия. Однажды, сопровождая повозку с винтовками, он попал в засаду и был схвачен карателями.

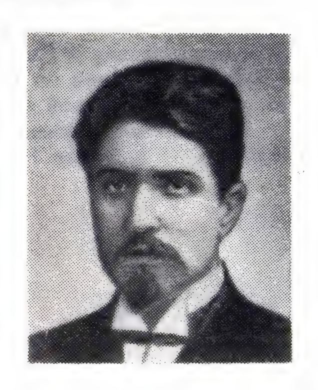
Несколько дней он провел в белогвардейском застенке. Потом — военно-полевой суд и приговор — расстрел.

Прощальное письмо было опубликовано в газете «Правда Бурятии» 28 февраля 1967 г.

ДОКУМЕНТЫ КОМИССАРОВ БАКИНСКОЙ КОММУНЫ

Степан Георгиевич Шаумян

1 октября 1878 — 20 сентября 1918

Из воззвания Бакинского комитета РКП(б) к рабочим Баку, написанного С. Г. Шаумяном

До 10 августа 1918 г.[1]

Бакинский пролетариат, геройски ставший на защиту города, будет иметь истинных друзей и защитников только в лице советских войск из России. Только они вместе с пролетариатом будут отстаивать Баку для Советской России против и германо-турецких и английских империалистов. Отряд военного комиссара от Центральной власти т. Петрова уже ведет такую борьбу.

Товарищи рабочие! Идите под знамена отряда т. Петрова, под знамена дорогой нам рабоче-крестьянской России, откуда он прислан!

Да здравствует борющийся бакинский пролетариат!

Да здравствует Великая Российская Социалистическая Республика Советов!

Да здравствует нераздельный от России и независимый от империалистов революционный город Баку!

[1] Датируется по содержанию; было опубликовано листовкой, а 20 сентября 1921 г. напечатано в «Бакинском рабочем»; см.: *Шаумян С. Г.* Избранные произведения. М., 1978, т. 2, с. 407.

Открытое письмо с разоблачением клеветы врагов Бакинской коммуны [1]

11 августа 1918 г.

Газета дашнакцаканов особенно старается натравить на меня лично темные заблуждающиеся массы и добиться самосуда надо мной. Это нетрудное дело. Это, может быть, удастся вам, но это не поможет вам, господа.

Суд сознательных рабочих, суд истории гораздо важнее для нас, и он будет гораздо страшнее для вас, чем самосуд толпы, к которому вы призываете.

С. Шаумян.

Последние слова перед отплытием из Баку

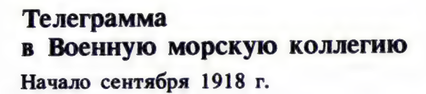
14 сентября 1918 г.

Мы уходим, но скоро мы вернемся.

Владимир Федорович Полухин

2 июля 1886 — 20 сентября 1918

Телеграмма в Военную морскую коллегию

Начало сентября 1918 г.

Турки в 6 верстах. Совнарком сложил полномочия. Шаумян, Петров с отрядами и эшелонами арестованы.

[1] Письмо было напечатано в тот же день в нелегальном номере (№ 126) «Бакинского рабочего»; см.: *Микоян А. И.* Дорогой борьбы. М., 1971, с. 178 и др.

Объявлена диктатура в составе пяти. Ориентация английская...

Полухин.

Коллективная радиограмма-протест членам «Диктатуры Центрокаспия» о незаконном аресте комиссаров Бакинской коммуны

17 сентября 1918 г.

Четырнадцатого ночью постановлением Диктатуры и по распоряжению товарища председателя Чрезвычайной комиссии Далина мы были освобождены из Баиловской тюрьмы. Охрана, пришедшая за нами, заявила, что нам разрешено сесть на пароход «Севан», на котором находилась делегация Астраханского Совета и флотилии, приехавшая по вопросу об освобождении нас. Так как «Севан» оказался в военном порту, где он должен был принять нас, охрана доставила нас в город, в Чрезвычайную комиссию. Здесь уже никого не оказалось, и охрана доставила нас в ближайшую пристань Камво на пароход «Туркмен». Здесь охрана из 10 человек, ввиду эвакуации Чрезвычайной комиссии и отсутствия других пароходов, просила начальника отряда принять и их на «Туркмен», что было им разрешено. Пароход «Туркмен» в числе многих пароходов после временной стоянки у Наргена и Жилого 15 числа направился в Петровск.

Утром 16 числа мы узнали, что пароход направляется в Красноводск, так как поднявшийся норд затруднял движение на север, воды и топлива на пароходе не было, в то время как на пароходе оказалось до 800 человек, преимущественно женщин и детей, сидевших совсем без провизии.

Как оказалось, администрация парохода и начальник отряда, ввиду этих условий, решили ехать против ветра и направиться в Красноводск, высадить скорее беженцев и,

получив топливо, воду в Красноводске, возвратиться обратно в Петровск.

Утром матросы нам заявляют, что Красноводск беженцев не примет и, с другой стороны, погода улучшилась. Возник вопрос о том, что беженцев было бы лучше всего доставить в Астрахань, но опасались, что в Астрахани большевики не примут беженцев, а пароход задержат и т. д.

Нам, конечно, было бы также лучше всего поехать в Астрахань, во избежание первых возможных неприятностей в Красноводске, где идет борьба против большевиков, и мы обещали настоять в Астрахани на принятии беженцев и возвращении «Туркмена» в Петровск. После этого пароход взял курс на Астрахань.

Но ввиду того, что судовой комитет заявил протест и нежелание ехать в Астрахань, курс был взят на Красноводск, куда мы прибыли 16-го вечером. Здесь благодаря провокационным заявлениям некоторых пассажиров у местной власти возникли сомнения в том, что мы во время паники бежали из тюрьмы и уехали из Баку без ведома Диктатуры. Это вызвало наш арест, вместе с нами арестовали еще десяток других лиц, в их числе и самого начальника отряда Амирова.

Просим «Диктатуру Центрокаспия» подтвердить, что мы были освобождены и выехали по вашему распоряжению.

Если не найдете возможным распорядиться, чтобы нас отправили в Астрахань, пусть пошлют нас в Петровск. Вы в курсе нашего дела, там же можете выяснить все обстоятельства нашей поездки в Красноводск через пассажиров и команду парохода «Туркмен», которые отправляются в Петровск.

Просим вашего срочного распоряжения.

По уполномочию всех:

Джапаридзе, Фиолетов, Шаумян,
Корганов, Петров, Я. Зевин.

О Бакинской коммуне и ее комиссарах Владимир Маяковский писал:

Сила
    мильонов
                восстанием была —
но тех, кто умел весть,
борьбой закаленных,
                этих было —
26.

Бакинский Совет народных комиссаров, укрепляя Советскую власть на Кавказе, постоянно ощущал помощь Советской России, заботу и внимание В. И. Ленина. За короткие сроки бакинские комиссары осуществили ряд важных революционных мероприятий.

Укрепление народной власти на Кавказе пугало контрреволюцию и стоящих за ней иностранных интервентов. В пределах Кавказа появились германские войска, рвавшиеся сюда еще с начала империалистической войны. На юге образовался Турецкий фронт. Из Средней Азии к Баку устремились англо-американские захватчики.

Попав в блокаду, бакинский пролетариат, возглавляемый коммунистами, проявлял чудеса стойкости и героизма.

4 августа английским войскам при содействии эсеро-меньшевистских деятелей и националистов удалось войти в Баку. Силы контрреволюции образовали правительство, названное «Диктатурой Центрокаспия».

В этих сложных условиях комиссары Бакинской коммуны, стремясь спасти революционные кадры и мобилизовать новые силы для борьбы, решили эвакуировать своих людей через море в Астрахань. Но по пути пароходы с эвакуированными были настигнуты вражескими военными кораблями и под конвоем возвращены в Баку. В тюрьме оказалось 35 человек. Но в это время начали наступление турецкие войска. Воспользовавшись моментом, группа вооруженных большевиков с помощью партизанского отряда внезапно напала на тюрьму и освободила комиссаров. Опять посадка на пароходы, и снова курс на Астрахань...

16 сентября пароход «Туркмен», на котором была большая партия эвакуированных, вместо Астрахани из-за предательства командования прибыл в Красноводск, где хозяйничали английские интервенты.

Перипетии поездки комиссаров подробно изложены ими самими в радиограмме 17 сентября 1918 г. членам «Диктатуры Центрокаспия». Этот важный документ обнаружен в делах Партийного архива Института партии при ЦК Компартии Азербайджана. В нем слышится уверенность комиссаров в своем освобождении; в тот час им было еще неведомо, что черные силы контрреволюции, связанные с английскими интервентами, уже предрешили их участь.

Бакинских комиссаров заключили в застенок. Глава английской военной миссии генерал У. Маллесон, капитан Р. Тиг Джонс, эсеро-меньшевистские предатели — Ф. Фунтиков и другие быстро сговорились о расправе с коммунарами.

Их расстреляли 20 сентября 1918 г. на 207-й версте от Красноводска, в безлюдных песках на железнодорожном перегоне между станциями Перевал и Ахча-Куйма. Невольные свидетели казни — конвойные солдаты, потрясенные страшной картиной расправы, рассказывали, что последними словами погибших были:

— Мы умираем за революцию!

— Да здравствует коммунизм, партия, товарищ Ленин!

...Степан Шаумян являлся председателем СНК Бакинской коммуны. Он вдохновлял защитников коммуны на борьбу против контрреволюции и интервентов. Член РСДРП с 1900 г., верный соратник В. И. Ленина, он оставил богатое литературно-эпистолярное наследие (см.: *Шаумян Ст.* Письма. 1896—1918. Ереван, 1959; *Шаумян С. Г.* Избранные произведения. В 2-х т. М., 1978; и др.). Ряд писем и статей Степана Георгиевича публиковался в большевистской газете «Бакинский рабочий» (последний номер за 1918 г., № 126, вышел нелегально 11 августа 1918 г.), а также в номере от 20 сентября 1921 г., в третью годовщину со дня расстрела 26 бакинских комиссаров.

Владимир Федорович Полухин — уроженец Риги. В партию вступил в 1909 г., участвовал в революционном движении балтийских моряков. В 1917 г. избирался членом ЦК Всероссийского военного флота, был в рядах тех, кто штурмовал Зимний в Октябре. В Баку прибыл в апреле 1918 г. по заданию В. И. Ленина в качестве Чрезвычайного комиссара Военно-морской коллегии для оказания помощи большевикам Азербайджана в организации военно-морских сил на Каспии. Свою работу вел в тесном взаимодействии с военным отрядом Г. К. Петрова, о котором писал С. Г. Шаумян.

В июле Полухин возглавил боевой отряд балтийских моряков, прибывших из России в распоряжение Бакинского Совнаркома, и развернул энергичную деятельность как комиссар Каспийской военной флотилии от Центрального Советского правительства. Несколько писем В. Ф. Полухина этого периода помещено в сборнике «Военные моряки в борьбе за власть Советов в Азербайджане и Прикаспии. 1918—1920 гг.» (Баку, 1971, с. 46, 49 и др.); см. также статью «Последнее письмо комиссара» в газете «Волга» (Астрахань) от 2 августа 1972 г.

Фиолетов Иван Тимофеевич (1884 — 20 сентября 1918), рабочий-металлист, стал коммунистом в 16 лет. В июле 1903 г. впервые арестован за активное участие в забастовках рабочих нефтяных промыслов; в 1904 г.— снова арест, Владикавказская тюрьма. Несколько месяцев на свободе, затем три года ссылки. В 1911 г. он снова в Баку — на нелегальной партийной работе. После Февральской революции работает в исполкоме Бакинского Совета, возглавляет Союз нефтепромышленных рабочих. С победой Советской власти становится комиссаром по делам народного хозяйства Бакинского СНК: проводит национализацию нефтяной промышленности, налаживает снабжение нефтью Советской России. Вопреки саботажу врагов революции в самые трудные дни Бакинской коммуны, в июне и июле 1918 г., вывоз нефти достиг рекордного уровня — 466 и 492 тыс. тонн. Для этого комиссар трудился дни и ночи, почти круглосуточно находясь на промыслах и в Бакинском порту.

Джапаридзе Прокофий Апрасионович (1880 — 20 сентября 1918) — член Коммунистической партии с 1898 г. В историю революционного движения на Кавказе вошел под партийным псевдонимом Алеша. На долю ему выпали аресты, тюрьмы, ссылки. Он был в числе самых активных организаторов борьбы бакинского пролетариата за социалистическую революцию. В Бакинской коммуне возглавлял Бакинский Совет, имел огромный авторитет среди пролетариата.

Корганов Григорий Николаевич (1886 — 20 сентября 1918) — филолог по образованию, офицер. В революционном движении с 1905 г., вел революционную пропаганду в армии. Был наркомом по военно-морским делам Бакинского СНК.

Зевин Яков Давидович (1888 — 20 сентября 1918) [1] в 1912 г.

[1] См. с. 157.

целиком встал на большевистские позиции. С августа 1917 г.— на партийной работе в Баку, комиссар труда, активно проводил в жизнь важнейшие социалистические преобразования Советской власти.

Подписавший телеграмму **Г. К. Петров** примыкал к левым эсерам, командовал военным отрядом, присланным из Москвы на помощь красному Баку.

В сентябре 1920 г. прах бакинских комиссаров был перевезен из Закаспия в Баку и торжественно захоронен на площади Свободы. На площади воздвигнут величественный памятник, созданный по проекту выдающегося советского скульптора С. Д. Меркурова. Здесь всегда живые цветы и Вечный огонь...

Иван Ванифатьевич Присягин

1 января 1885 — 27 сентября 1918

Письмо товарищам из барнаульской тюрьмы

Середина сентября 1918 г.

Товарищи!

Нужно приложить все усилия к освобождению Цаплина. Ему первому грозит опасность быть убитому.

Нужно сделать это как можно быстрее. Прежде всего нужно завести связи с Таракановым, находящимся в лагерях, а через него или еще как — с тюрьмой.

Нужно достать средства для БК-та РКП, которые должны пойти на это дело. Средства должны взять у Б-ва или Решетникова, а также у Сычевой. Все нужно сделать возможно осторожнее.

Причем нужно приготовить кв[артиру] *для остановки, затем явки, грим и тому подобные принадлежности, костюм.*

Дальше — переговорить с машинистами ж.-д. поездов или пароходов, в крайнем случае — с ямщиками. Не дать возможности сообщить по телефону. План дальнейшего сообщим. Средства должны на это дело находиться в комитете РКП.

Товарищи, не медлите. Нужно действовать быстрее.

Председатель БК РКП — Степан.

Последняя записка

Не сегодня завтра расправа. Запрос поступил от дежурного Барнаульского полка. Головы на обед в качестве десерта. Очередь неизвестна. Особо опасно Ц [аплину].

С.

Летом 1911 г. в небольшой французский городок Лонжюмо, где по инициативе Владимира Ильича Ленина была открыта партийная школа РСДРП, приехала группа рабочих. Это были посланцы партийных организаций крупных пролетарских центров России.

В короткий срок им, как и делегату Москвы рабочему-большевику Ивану Присягину, предстояло пройти курсы истории революционного движения, политэкономии, философии, государственного права...

Н. К. Крупская вспоминала впоследствии о школе в Лонжюмо: «Приехали двое москвичей: один — кожевник, Присягин, другой — текстильщик, не помню его фамилию. Питерцы скоро сошлись с Присягиным. Был он незаурядным рабочим, в России уже перед тем редактировал нелегальную газету кожевников «Посадчик», хорошо писал, но был он ужасно застенчив: начнет говорить, и руки у него дрожат от волнения» [1].

Школа в Лонжюмо явилась для Ивана Присягина и его товарищей — А. И. Иванова, И. С. Белостоцкого, Я. Д. Зевина [2] и других — важнейшим этапом их формирования как революционеров.

В Москву Иван Ванифатьевич вернулся в начале сентября 1911 г. Умело конспирируя свою работу, все силы отдает подготовке Всероссийской конференции РСДРП, которая должна собраться в Праге. Агенты московской охранки доносили: «Иван Присягин принадлежит к РСДРП и в данный момент является одним из особо активных представителей ее в Московской городской подпольной организации».

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1984, т. 1, с. 352.

[2] См. с. 155—156.

Полицейская карта на И. В. Присягина.

Кольцо жандармских преследований все теснее сжимается вокруг большевика. 29 октября 1911 г. во время нелегального собрания партийных работников Москвы в одном из домов на Сухаревке Иван Присягин был арестован.

В руки полиции попал документ — резолюция этого собрания. В ней говорилось: «Необходимо немедленно созвать общепартийную конференцию, которая, на наш взгляд, может наконец поставить на правильный путь работу партии. Наше собрание единогласно горячо приветствует товарищей большевиков-ленинцев, которые являются единственными выразителями интересов рабочих... Мы верим, что большевики, которых называют ленинцами, всегда будут вести работу так, как ведут ее теперь. Мы, рабочие, всегда поддержим их».

Присягина увезли в губернскую тюрьму. Начались допросы, очные ставки.

В делах департамента полиции сохранилась тюремная фотография Присягина. К ней сделана такая подпись: «Присягин Иван Ванифатьевич. Крестьянин Рязанской губернии, Ряжского уезда, Ясеновской волости, села Ольхи. Родился 1 января 1885 года. Сфотографирован в Охранном отделении в рост, профиль и фас».

Много пришлось пережить этому молодому человеку, выглядевшему значительно старше своих 26 лет...

Голодное детство в развалившейся крестьянской избе с земляным полом и худой крышей из соломы. В пять лет — подпасок, потом — пастух. Исполнилось шестнадцать — стал рабочим: на кожевенных заводах в Москве шил конскую сбрую. Здесь же, в Москве, вошел в революционное движение и революционные бои 1905 г. встретил активным членом РСДРП.

Первый арест — летом 1906 г., через год — второй.

Полиция арестовала Ивана в родном селе, куда он приехал на праздники. Своим односельчанам он привез нелегальную литературу и сумел провести несколько тайных сходок с участием крестьян-бедняков. Во время одной из них его и арестовали. Предали суду, но за недостаточностью улик вынуждены были оправдать.

Снова Москва... Подвергавшегося преследованиям полиции рабочего часто увольняют, нанимают на самую черную работу. Но все больше его захватывает подпольная борьба, он становится профессиональным революционером. По заданию Московского комитета большевиков Присягин активно участвует в организации профсоюза кожевников. Работу в профсоюзе прерывает новый арест в ноябре 1910 г.

Грязная камера Бутырской тюрьмы, допросы, угрозы, уговоры. В ответ только одно: «Нет!», «Не знаю!», «Ничего показать не могу!».

Но вот месяцы тюрьмы позади. Снова Присягина освобождают из-за отсутствия улик. Опять подпольная работа, тайный путь через границу в далекий Париж. Там — долгожданная встреча с Ильичем...

После ареста в октябре 1911 г. Присягина судили и выслали на четыре года в Нарымский край. В ссылке он знакомится с Я. М. Свердловым и В. В. Куйбышевым.

В августе 1912 г. с паспортом на имя Ивана Алексеевича Тяпкина Присягин бежит из ссылки. Во все города полетели жандармские телеграммы о розыске. Присягин обосновывается

в Барнауле, становится членом местного комитета РСДРП. Он организует подпольную типографию, пишет и сам печатает листовки, посылает корреспонденции в большевистские издания, налаживает профсоюзную работу в городе и на близлежащих железнодорожных станциях.

Вскоре вместе с членами Барнаульского комитета РСДРП Я. Ярковым, Н. Третьяковой, Ф. Ильиных и другими товарищами он попадает в тюрьму, а затем их высылают по этапу сроком на пять лет...

В февральские дни 1917 г. Иван Ванифатьевич — в Минусинске. В апреле с мандатом местной большевистской организации едет в Петроград на Всероссийскую конференцию РСДРП. С Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной Присягин встретился как давний товарищ. «На конференции,— писала Надежда Константиновна,— встретили мы много знакомой публики. Запомнилась, между прочим, встреча с Присягиным, учеником школы в Лонжюмо, запомнилось, как слушал он речь Ильича и как светились его глаза» [1].

Вооруженный ленинским планом свершения социалистической революции, Иван Ванифатьевич спешит в Сибирь. В Барнауле его избирают в Совет, потом в городскую думу. Во главе большевистских фракций он готовит рабочих к грядущим боям.

В бурные, революционные дни Присягин сближается с Матвеем Цаплиным, председателем исполкома Барнаульского Совета, иваново-вознесенским рабочим, стойким большевиком, прошедшим через тюрьмы и ссылки. Настоящими ленинцами были и многие другие местные большевики, беззаветно служившие делу революции.

На IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов, делегатом которого Иван Ванифатьевич был избран, он вновь встречается с Лениным. Вождь Советского государства живо интересовался положением в Западной Сибири, помог в решении вопросов финансирования и снабжения края, дал ценные советы.

Строительство новой жизни нарушило вооруженное выступление соединенных сил контрреволюции и интервентов. В конце мая 1918 г. нависла угроза захвата Барнаула белочехами. В городе вспыхнул контрреволюционный мятеж...

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 448.

На защиту Советской власти встали отряды добровольцев во главе с председателем городского комитета партии Присягиным. В те дни он опять принял старую подпольную кличку Степан.

Около трех недель у станции Черепаново, у поселков Тальменка и Чесноковка продолжались тяжелые бои. Степан покинул город в числе последних вечером 15 июня. Пробиваясь сквозь вражеские засады, красные бойцы были схвачены кулацкой бандой у деревни Луковка.

В барнаульской тюрьме вместе со Степаном оказались Матвей Цаплин, Михаил Фомин, заместитель председателя исполкома Совета, коммунисты Казаков, Карев и другие. Допросами и пытками руководил белогвардейский офицер Ракин, известный жестокими расправами над населением и советскими активистами. У него в ходу было выражение «голова на десерт», что означало завершение всех пыток отсечением головы.

Ивана Ванифатьевича беспокоила судьба товарищей, и он старался сделать все, чтобы устроить побег из тюрьмы. Заботой о них пронизаны и его последние записки на волю. Они написаны наспех, карандашом, на листочках из ученической тетради.

Но спастись никому не удалось. Вечером 26 сентября 1918 г. усиленный конвой белогвардейцев под командованием Ракина увел из тюрьмы Присягина, Цаплина, Фомина, Казакова и еще нескольких человек. Всю ночь их пытали, а на рассвете расстреляли...

Предсмертные записки И. В. Присягина опубликованы в сборнике «Борьба за установление Советской власти на Алтае» (Барнаул, 1957). Его именем названа одна из улиц Барнаула.

6 Заказ 2210

Михаил Иванович Сычев (Ф. И. Суховерхов)

1883 — 15 октября 1918

Письмо в Томский областной комитет РКП(б)

Не позднее 15 сентября 1918 г. [1]

Арестован на станции Тайга с двумястами листовок. Буду судим военно-полевым судом и приговорен к смертной казни.

Если можно, сделайте что нужно.

Франц.

Прощальная записка товарищам

15 октября 1918 г.

Дорогие товарищи!

Военно-полевым судом приговорен к смертной казни, которая и будет приведена в исполнение через два часа.

Умираю за социальную справедливость.

Шлю привет живым товарищам.

Франц.

Двенадцать арестов царской охранкой, один арест колчаковской контрразведкой, четыре года тюрьмы, три ссылки, четыре побега, более девяти лет нелегальной работы... Все прошел несгибаемый большевик, известный в революции под именем Франца Суховерхова...

[1] Датируется по времени получения письма членами Томского подпольного областного комитета партии большевиков.

Сычев Михаил Иванович родился в посаде Злынка Новозыбковского уезда Черниговской губернии в семье плотника.

С 11 лет начал работу подручным каменщика, став затем каменщиком высокой квалификации. Читать и писать научился самостоятельно, хорошо знал русскую и украинскую литературу. В 1905 г. вошел в местную социал-демократическую организацию, а в начале 1906 г. стал одним из ее руководителей.

Став партийным организатором пяти северных уездов губернии, Михаил Сычев часто выезжал в города и деревни, проводил митинги и нелегальные собрания, налаживал на местах партийную работу, собирал сведения о положении крестьян.

Михаил Сычев сыграл значительную роль в развитии революционного движения на Черниговщине. Жандармское управление установило за ним слежку. «Михаил Иванович Сычев,— доносил летом 1906 г. пристав 4-го стана Новозыбковского уезда,— ведет знакомство с подозрительными лицами, тайно агитирует среди местного населения, часто куда-то отлучается, ведет значительную переписку, в его квартире хранится нелегальная литература» [1].

1 сентября 1906 г. Сычева арестовали. Во время обыска у него обнаружили 65 нелегальных изданий и некоторые материалы о революционном движении. Так началось хождение по тюрьмам.

После долгих месяцев заточения в новозыбковской тюрьме Сычева выслали в Сибирь. Ему удалось бежать. Добрался до Баку, устроился на нефтяные промыслы. Франц, как стали называть его в подполье, вскоре вошел в состав Бакинского комитета РСДРП. 10 февраля 1910 г. его арестовали и сослали в Нарымский край под гласный надзор полиции.

18 апреля 1912 г. Михаил Иванович Сычев участвовал в первомайской демонстрации административно-ссыльных, за что почти на год был заключен в томскую тюрьму. После окончания срока ссылки Франц — на свободе. Но она оказалась короткой. Снова арест и томская тюрьма.

22 мая 1916 г. в департамент полиции поступила срочная телеграмма: «Названный Сычев был заключен в каталажной камере при Томском уездном полицейском управлении, откуда бежал и до сего времени не разыскан» [2].

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7-е дел-во, 1906 г., д. 8968, л. 8. об.—9.
[2] Там же, ф. ДП, 6-е дел-во, 1915 г., д. 5, ч. 57, л. А, л. 31.

А в это время бесстрашный большевик, приняв фамилию Суховерхова, был уже в Кольчугино (ныне г. Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области) и вел революционную работу среди заводских рабочих. В дни Февральской буржуазно-демократической революции он возглавил отряды рабочих, организовал выборы в Советы, вел работу в профсоюзах. На одном из профсоюзных съездов его избирают председателем Западно-Сибирского областного бюро горнорабочих.

После победы Октябрьской социалистической революции он становится членом областного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов Западной Сибири.

Вместе с видным сибирским большевиком М. М. Рабиновичем и другими Михаил Иванович руководит проведением национализации угольной промышленности Кузбасса, восстановлением шахт и рудников. В январе 1918 г. его предложения по налаживанию новой жизни в этом важнейшем промышленном районе обсудил исполком Томского губернского Совета.

В апреле 1918 г. Франца по служебным делам командировали в Москву, где он принял участие в работе I Всероссийского съезда советов народного хозяйства, сделал сообщение о состоянии горной промышленности Западной Сибири.

В Сибирь Сычев вернулся уже после падения там Советской власти; приехал нелегально по заданию ЦК РКП(б) для организации революционной борьбы в тылу белогвардейцев.

«Разработка плана восстания, организация накопления сил и проведение мелких боевых операций — все это в значительной степени лежало на тов. Франце,— писали его товарищи по борьбе,— и здесь он был, как нельзя лучше, на своем месте, проявляя огромную энергию, трудоспособность и умение ориентироваться в текущей обстановке».

В создавшихся условиях особую остроту приобрело распространение большевистских газет и листовок. В сентябре 1918 г. Франц едет в Красноярск, чтобы наладить там нелегальную работу и возвратиться с литературой.

На обратном пути, на станции Тайга, его схватили. Спасти Франца не удалось. Станция Томск-1, где сидел М. И. Сычев, была окружена сотнями вооруженных казаков и офицеров.

Михаила Ивановича расстреляли на рассвете 15 октября 1918 г. Накануне он написал прощальное письмо товарищам по борьбе.

Письма Михаила Ивановича Сычева (Ф. И. Суховерхова) печатались в ряде изданий в начале 20-х годов.

Николай Александрович Руднев

29 октября 1894 — 16 октября 1918

Из письма политкомиссару Г. Д. Линдову

27 сентября 1918 г.

Но я уже вырос в борьбе и стал теперь взрослым коммунистом. Путешествие по Украине и особенно скитание по дебрям донской контрреволюции научили нас понимать марксизм.

Более полугода борьбы, и упорной борьбы, доходившей до моментов, когда уже надежды рушились, научили правильно мыслить, разбираться в людях, а главное, закалили дух, сделали из меня настоящего рабочего без прикрас...

Последние слова товарищам в госпитале

16 октября 1918 г.

Дайте телеграмму родным, что я умер, борясь за революцию.

Товарищу Ворошилову скажите: приказ его выполнен, прорыв ликвидирован.

Имя Николая Руднева, легендарного героя гражданской войны, наряду с именами Чапаева, Щорса, Пархоменко золотыми буквами вписано в историю ленинской Коммунистической партии. Он родился в селе Люторичи (ныне поселок Руднево) Епифанского

уезда Тульской губернии. Ему, сыну сельского священника, прочили благополучную и спокойную жизнь. Но он выбрал славный путь революционной борьбы.

Еще в Туле в частной гимназии И. Ф. Петрова Николай знакомится с нелегальными марксистскими изданиями. Осенью 1914 г. входит в кружок учащейся молодежи. Здесь Николай изучал «Капитал» Маркса, книги В. Ульянова-Ленина, читал Плеханова, Короленко, Горького, труды историка-марксиста М. Н. Покровского. В Московском университете, куда Руднев поступил на историко-филологический факультет, вокруг него сразу же сплотилась группа революционно настроенной молодежи.

В начале 1916 г. Николая призвали в армию. Он попал в Московское Александровское военное училище, после окончания которого вернулся в Тулу, на службу в 30-й пехотный запасной полк, который готовился к отправке на фронт.

Руднев возглавляет антивоенное движение в полку, проводит революционную работу среди низших чинов всего тульского гарнизона. Вступив в большевистскую партию, становится одним из руководителей тульской большевистской военной организации. Его избирают сначала в Тульский Совет, а в июне — в состав Тульского горкома РСДРП(б).

В июле 1917 г. полк переводят в Харьков. Здесь его застал Октябрь. Руднева единодушно избирают командиром полка. По заданию партии он назначается одним из организаторов советских войск в Донецко-Криворожском районе, имевшем важное военно-стратегическое и народнохозяйственное значение.

Рядом с Ф. А. Сергеевым (Артемом), К. Е. Ворошиловым и другими коммунистами-ленинцами Руднев проводит огромную политическую и военно-организаторскую работу. Его назначают начальником штаба 5-й украинской армии. Стоит задача — сплотить армию, сохранить ее, обеспечить отход с боями от Луганска до Царицына, собирая вокруг себя дополнительные вооруженные силы.

«Великий поход» — под таким названием вошел в историю семисоткилометровый героический путь советских войск из Донбасса в Царицын. Для Руднева он стал богатой жизненной школой, суровым испытанием.

День 15 октября 1918 г. оказался исключительно тяжелым для защитников Царицына. Противник вплотную подошел к городу, стремясь ликвидировать «красную преграду», мешающую белогвар-

дейскому командованию создать единый фронт контрреволюционных сил от Дона до Сибири...

В тот день в районе Бекетовка — Отрадное, на юго-западе от Царицына, белые прорвали оборону и в образовавшуюся брешь устремились к городу. Требовалось во что бы то ни стало остановить наступление противника. Военный совет, выделив резервную бригаду, посылает Руднева на ликвидацию вражеского прорыва...

В оперативной сводке за 16 октября 1918 г. сообщалось: «Образовавшийся прорыв был ликвидирован героическими усилиями красноармейцев, верных революции, во главе с начальником бригады т. Рудневым, причем отбито одно орудие. Руднев тяжело ранен...» [1]

Ранение оказалось смертельным. Именем Руднева названы многие населенные пункты, школы, улицы, ему воздвигнуты памятники. В Государственном архиве Тульской области хранятся письма героя, материалы к его биографии.

[1] ЦГАСА, ф. 100, оп. 3, д. 32, л. 2.

Иван Мостовых,
Антроп Павлов

?—20 октября 1918

Записка товарищам по борьбе

20 октября 1918 г.

Нас осталось двое — Мостовых Иван и Павлов Антроп — из всего прикрытия отряда.

Да здравствует власть Советов! Не отдадим Колчаку Сибири!

Осталось 10 патронов и 3 гранаты.

Товарищи, отомстите за партизан.

Мостовых И.,

Павлов А.

20 октября 1918 г.

Близ города Камышлова, недалеко от Перми, осенью 1918 г. завязались ожесточенные бои с колчаковцами. На защиту молодой Советской республики поднялись рабочие и крестьяне Урала, проявившие беспримерное мужество в борьбе с врагом. Были бои и возле села Боровлянского. Отзвуки их дошли до наших дней вместе с пожелтевшей от времени запиской, найденной рыбаками в бутылке старого образца, которая была закопана на берегу речки Дерней.

Почти 45 лет пролежало в бутылке письмо отважных партизан. Это еще один волнующий документ гражданской войны на Урале.

Записка опубликована в «Правде» 24 мая 1963 г.

Аркадий Федорович Иванов

24 января 1881 — 23 октября 1918

Письмо жене после ареста белогвардейцами

19 августа 1918 г.

Кругом террор. Только из 18 узников одиннадцать убито без суда и следствия. Увезли неизвестно куда Георгия Микеладзе, Феоктисту Жаркову, Михаила Александрова, В. Чепалова[1]*, Вегмана, Лившица, Ильяшенко, Шапиро, Кагала, Холева...*

Из тюрьмы увозят, не давая ничего брать с собой... Мы сейчас живем в такое время и в таких обстоятельствах, когда нельзя поручиться, что завтра проснешься живым. Но я совершенно спокоен. И далее: если бы в одну минуту мне пришлось бы встать лицом к лицу со смертью, я остаюсь как-то совершенно индеферентен. И это не потому, что у меня где-то гнездится надежда на иной исход. Нет, наоборот. Я глубоко уверен, что другого исхода и быть не может. Если даже меня перевезут в Томск, о чем болтают местные эсеры и меньшевики, то не верь, что довезут живым или что не убьют в Томске...

Крепко целую тебя, Любанюшку и маму.

Аркадий

[1] См. с. 196—197.

Письмо жене из томской тюрьмы

Не позднее 23 октября 1918 г.

Дорогой мой друг.

Я спокоен. И только одна у меня к тебе большущая просьба: будь тверда, что бы ни случилось — не сетуй и не горюй. Когда дела решаются пушками и штыками, словами делу не поможешь.

Поцелуй за меня мою дорогую Любанюшку — чудную девочку — и маму. Собери, голубка, все свои силы. Будь осторожна, чтобы и тебя не арестовали, тогда пропадут наши Любанюшка и мама.

Во всяком случае, пока меня еще не увезли, то все же хочется узнать, куда увезли Вегмана и других. Постарайся узнать поскорее и как-нибудь сообщи. Сообщить можешь, вызвав к воротам делегата от политических, а он уже передаст.

Ну, пока. Больше ничего тебе не буду писать. Может быть, еще успею на последях [1] что-нибудь черкнуть.

Целую тебя крепко.

Любящий Аркадий.

Еще раз прошу тебя — будь тверда.

Петербургский рабочий Аркадий Иванов еще юношей принял участие в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», основанном В. И. Лениным. Он всегда был в среде рабочих, распространял среди них нелегальную литературу, воспитывал их в духе непримиримости к произволу и насилию эксплуататоров.

После окончания Царскосельской классической гимназии ему удалось поступить в Петербургский университет.

В 1901 г. Аркадий стал большевиком. Вскоре его арестовали. «Известен охранке с 1902 г.» — такими словами начиналась полицейская справка в деле на мастерового А. Ф. Иванова.

[1] Так в тексте.

Ссыльные большевики в Нарыме:
В. В. Куйбышев, В. М. Косарев (сидят),
М. М. Васильев, А. Ф. Иванов.
Лето 1910 г.

После нескольких месяцев тюрьмы Иванов, выйдя на свободу, занялся подготовкой к вооруженному восстанию. За участие в Октябрьской политической забастовке 1905 г. его исключили из университета. Он часто выступал на митингах, организовывал рабочих и студенческую молодежь на активные действия против царизма.

В начале 1906 г., скрываясь от преследований, уехал в Гомель, а затем в Одессу. Под чужой фамилией участвует в революционной работе, в проведении кампании по выборам в Государственную думу.

В начале 1907 г. Иванов выезжает за границу, принимает участие в работе V съезда РСДРП.

После съезда возвращается в Петербург и занимается организацией легальной газеты «Северная земля», став ее редактором. В феврале 1908 г. за опубликование не разрешенных цензурой статей его арестовали. После выхода из тюрьмы снова работает в большевистской печати (официально служил в страховом обществе «Саламандра»); в мае 1909 г.— новый арест.

Он был хорошим конспиратором, ухитряясь не оставлять полиции серьезных улик против себя. Этим, в частности, объясняется, что ему довольно быстро удавалось выходить на свободу. Но жандармские преследования становятся все настойчивей. Все труднее удается выполнять поручения партии — работать в социал-демократической фракции Государственной думы.

1 апреля 1910 г. в департамент полиции поступила шифрованная телеграмма. В ней сообщалось: «Сегодня арестован Иванов, являющийся агентом ЦК РСДРП в Петербурге. Это крайне активный партийный работник, совершал объезды организаций по поручению ЦК названной партии» [1].

Через три месяца по указанию министра внутренних дел А. Ф. Иванова высылают в Нарымский край на четыре года.

В селе Колпашево, куда его доставили двое жандармов, находилась крепкая группа большевиков-поселенцев. Во главе этой группы стояли В. В. Куйбышев и В. М. Косарев. Под их руководством поселенцы овладевали марксистской теорией, вели агитационную работу среди местного населения. А. Ф. Иванов сразу же занял видное место в большевистской группе, а затем вошел в состав руководящей шестерки.

23 ноября 1910 г. во время очередного заседания нелегального кружка были арестованы 17 большевиков. Арестованных, в том числе и Аркадия Федоровича, увезли в томскую тюрьму, откуда освободили только в марте следующего года.

18 апреля 1912 г. (по новому стилю 1 мая) под руководством Аркадия Федоровича колпашевские ссыльные провели демонстрацию и организовали театрализованное представление гибели самодержавного строя... Опять томская тюрьма. После окончания ссылки Иванов с женой и дочерью остается в Томске. Он входит в состав местного комитета РСДРП и продолжает революционную

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 5-е дел-во, 1910 г., д. 304, л. 1.

борьбу, несмотря на неотступное наблюдение местного жандармского управления. В Томске и застает его Февральская буржуазно-демократическая революция. А. Ф. Иванов избирается в Совет рабочих депутатов, работает в большевистской фракции. В дни Октября 1917 г. возглавляет отряд Красной гвардии.

После победы Советской власти вместе с семьей переезжает в Омск, входит в Западно-Сибирское объединение Советов.

В начале марта 1918 г. его избирают делегатом на IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. На съезде он входит в состав ВЦИК.

После съезда вернулся в Омск. Он член ЦИК Советов Сибири, выполняет обязанности народного комиссара финансов.

Когда вспыхнул контрреволюционный мятеж чехословацкого корпуса, Аркадий Федорович делал все, чтобы раскрыть правду солдатам, обманутым реакционными офицерами. По поручению ЦИК Советов Сибири он едет в Красноярск и там 25 июля 1918 г. попадает в руки мятежников. Потом — тюрьма в Томске, опять та же, что и во времена царизма, только камера другая и охрана из иностранных солдат.

23 октября 1918 г. на исходе дня Аркадия Федоровича и еще шестерых большевиков вывезли на станцию Кольчугино и расстреляли без суда и следствия.

Прощальная записка жене была написана незадолго до расстрела и опубликована друзьями погибшего коммуниста в 1920 г. в книге «Три года борьбы».

ПИСЬМА
ИЗ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ЗАСТЕНКОВ
ОРЕНБУРГА

Иван
Духанин

1896 — Осень 1918

Письмо родным

Осень 1918 г.

Наконец-то я узнал, что мне сегодня придется расстаться с жизнью, беру дрожащими руками карандаш и пишу вам, дорогие родители, и дорогой супруге Мане. Приговор надо мной уже совершен, жизни часы уже сочтены. Об одном прошу вас, дорогие родители и дорогая супруга Маня, не плачьте обо мне, верно, судьба моя такая. Но я уверен, что скоро вся эта власть потонет в своей крови.

В тюрьме страшный ужас. Ежедневно уводят, куда неизвестно, а уходящие не возвращаются.

Папа, мама, дорогая супруга, пишу последний раз и целую вас и дорогих сестер и братьев. Как тяжело расставаться с жизнью. Я не думал, что у меня так скоро отнимут молодую жизнь. Мне так хотелось жить, но жизнь у меня отнимают.

Прощайте, живите счастливо за меня, не обижайте милую Маню, а я теперь буду спать непробудным сном.

Папа, мама, братья, сестры и дорогая супруга Маня, не плачьте, прощайте.

Ваш любящий сын Иван Духанин.

Павел Исаевич Калмыков

1893 — 5 октября 1918

Письмо родственникам

5 октября 1918 г.

**ПРОЩАЛЬНОЕ ПИСЬМО
ВАШЕГО СЫНА, БРАТА, ДЕВЕРЯ, СВАТА И ДЯДИ
ПАВЛА ИСАЕВИЧА КАЛМЫКОВА.**

Прощайте, дорогая и милая моя мамаша, прошу тебя, прости... Прощай, дорогой и любящий братец однокровный мой...

Дорогой братец, еще обращаюсь к тебе с последними словами, что я твердо и мужественно выдержал приговор суда несправедливого и жестокого. Точно так же жду смертной казни, которая должна быть сегодня ночью за дамбой,— изрубят шашками или расстреляют, то и другое у них в моде. Жду смерти без страха, так как совесть моя чиста...

Дорогой братец, еще моя просьба к тебе: как придут мои дорогие товарищи в Оренбург (по моему предчувствию и соображению должны прийти), то сходи в наш союз и передай им мой прощальный привет и объясни историю моей смерти и скажи, что помер со святой верою в душе в Коммунистическую идею и умер большевиком-коммунистом...

Затем прощайте, дорогие, милые и любящие мои родные, не поминайте меня лихом. Прощайте, прощайте, прощайте. Простите меня за все обиды мои.

Да здравствует Интернационал всех народов.

Да здравствует партия коммунистов-большевиков.

Василий Харченко

1896 — 24 декабря 1918

Письмо товарищам по борьбе

23 декабря 1918 г.

Дорогие товарищи!

Через несколько часов меня расстреляют — приговоренный этой гнилой дутовской бандой к смертной казни.

Прошу я того, кто найдет мое истерзанное, замерзшее тело, известить об этом моих родных и передать им, что я пал беззащитным от палачей дутовских за то, что не захотел быть двуличным.

Товарищи, будьте верными сынами нашей свободнейшей страны! Пусть меня расстреляют, но я уверен в том, что близок час расплаты над этими коварными бандитами и злыми золотопогонниками, колчаками и дутовыми, за убийство меня и за тяготения нашего свободного трудового народа.

Сижу я сейчас в одиночной камере Оренбургской губернской тюрьмы.

23 декабря *Василий Харченко.*

Напряженную борьбу за власть Советов пришлось вести большевикам Оренбуржья. Дутовцы, захватив Оренбург, установили кровавую диктатуру в крае, преследуя всех, кто сопротивлялся беззаконию и произволу. С особой жестокостью расправлялись белоказаки с коммунистами и активными работниками Советов. Тюрьмы были переполнены, в застенках изощренными пытками мучили непокорных. Но под ногами врагов Советской власти горела земля.

В Оренбурге действовал подпольный военный комитет по организации подпольных красногвардейских отрядов. Его членами стали уцелевшие от арестов большевики Батурин, Папарин —

признанный вожак оренбургских рабочих, журналист Постников, письма и листовки которого распространялись по всему Оренбуржью.

Представителем рабочих железнодорожников депо был 22-летний слесарь Иван Духанин. В дни кровавого разгула дутовщины он собирал оружие, изготовлял гранаты.

В руки контрразведки Духанин попал после нападения на укрепленный пост казаков. Его долго пытали и, ничего не узнав, расстреляли.

Позднее, когда Оренбург освободили, во рву нашли трупы многих жертв дутовского террора, в том числе и Ивана Духанина. В кармане у него была обнаружена публикуемая выше записка и еще несколько предсмертных посланий на волю. В полуистлевшей записной книжке удалось разобрать запись: «Пусть каждый рассудит, не почетнее ли умереть с оружием в руках в борьбе за светлое будущее, чем быть задушенным окровавленными руками...»

Среди жертв дутовских палачей был и Павел Исаевич Калмыков — коммунист, активный советский работник Оренбуржья. Занимая должность счетовода, он умело вел конспиративную деятельность. Его выдал провокатор.

23 декабря 1918 г. был расстрелян молодой коммунист Василий Харченко (он был сброшен в тот же ров на окраине Оренбурга). При нем было обнаружено письмо товарищам.

Публикуемые письма были напечатаны в газете «Коммунар» — органе Оренбургского губернского комитета РКП(б) — в январе — марте 1919 г.

Самуил Федорович Шадрин

1880 — 7 ноября 1918

Обращение к рабочим, крестьянам и казачьей бедноте перед расстрелом

Не позднее 7 ноября 1918 г. [1]

Товарищи-братья, рабочие, крестьяне и беднота казачья!

Настоящее письмо — это мое последнее обращение к вам, ибо через несколько часов я должен уйти от вас, уйти навсегда...

Я должен уйти от своей дорогой семьи, от жены и детей, должен уйти от славной человеческой жизни, от великой борьбы за великое будущее человечества, от этой борьбы, за которую так много погибло цветущих человеческих жизней и так много пролито человеческой крови и которая еще не закончена.

Я должен предстать перед толпой палачей и тиранов. Но уходя, т. е. стоя на пороге смерти, я твердо встречаю смерть, как революционер, как борец за освобождение угнетенных и обездоленных.

Дорогие товарищи!.. Я твердо верю, что это письмо будет перед вами показателем того, как прекрасна смерть за свободу и равенство...

Да, дорогие товарищи, в последние минуты своего существования я громко заявляю вам, что я не делал ничего

[1] Датируется по содержанию письма и времени расстрела С. Ф. Шадрина.

плохого, кроме хорошего, и если это хорошее оказалось втоптанным в грязь, то только потому, что нашлись варвары, которые сумели сделать гнусное дело. Это я говорю по адресу тех, кто является открытым врагом, а также и тех, которые, пользуясь нашим доверием, посрамили и поругали наши идеалы.

Я не буду доказывать свою правоту, ибо она всем известна; я не буду проклинать тех, кто продал нас: мне известно, кто отнимает мои силы, посвященные борьбе, великой борьбе. Но пусть они знают, что тот, кто не жалел своих сил на славное дело, тот и не пожалеет жизни и останется верным святым идеалам, ибо он верит, что жизнь, отнятая палачами революции, будет залогом борьбы. Она создаст новых, более здоровых борцов за начатое дело трудящихся.

Я твердо верю в тот день, в который снова поднимутся грозной стеной угнетенные и обездоленные рабы и раз навсегда сотрут с лица земли поработителей и начнут великое и светлое созидание храма братства, равенства и любви.

Да здравствует Великая социалистическая революция!
Да здравствует власть трудящихся в лице Советов!
Да здравствует пролетариат всего мира!
Прощайте.

Бывший ваш друг
С. Ф. Шадрин.

Письмо к казакам перед расстрелом

Не позднее 7 ноября 1918 г.

Друзья и товарищи казаки!

Простите, что в последний час своей жизни, в минуту ухода от жизни и от вас я осмеливаюсь сказать вам последнее мое прощальное слово.

Прощайте...

7 сего ноября 1918 года, в дни, когда власть Советов уже свергнута, я по постановлению съезда делегатов предан военно-полевому суду за большевизм.

Но что такое большевизм и что я сделал вам, друзья, плохого? За что вы предали меня лютой казни? За то ли, что некоторым урезали их алчные аппетиты, что им очень не нравилось, за то ли, что было сказано справедливое слово тем, которые во время войны сдирали с наших семей последнюю шкуру, отбирая их пособия, и при этом строили свое благополучие, или за то, что я стал на сторону большевиков и провозгласил власть Советов, т. е. самого народа в лице съездов и собраний?

Меня обвинили в том, что я посягнул на власть, на свержение войскового правления, и делегаты, присланные вами на съезд, подписали мне смертное постановление. Но, товарищи казаки, я не верю, что это сделали истинные ваши представители — представители трудового казачества. Это сделал Гамов со своими сподвижниками, предав меня за золотые и серебряные погоны.

Это сделал тот Гамов, который, объявив себя защитником трудового народа, ввел устав Романова [1]*, лишив права свободы казаков, который пригласил японцев управлять вами и таким образом под защитой японских штыков укрепить свою власть атамана, которую он, как свинья в апельсинах, понимает.*

Товарищи!

Я не верю, чтобы по вашему согласию ваши избранные делегаты меня предали за офицерские погоны и за дисциплину бывшего Романова, которая за 60 лет [2] *надоела и столь много высосала пота и крови.*

Товарищи!

Разве вы забыли то время, когда вас считали за собаку, когда вас заставляли делать самые унизительные вещи?

[1] То есть самодержавные порядки Николая II.

[2] Так в тексте.

Товарищи!

Разве вы забыли, как чины войскового правления с офицерами разделили принадлежащие войску деньги, следуемые за аренду земли Зазейского района, в сумме 20 669 руб.? И много, много сделано других преступлений — их не перечесть. Я сказал лишь про цветики, а ягодки остались.

И вот все-таки ваши избранники, по вашему, говорят, постановлению, предали меня смертной казни. Но я гордо и смело принял ее.

Те свидетели, которые меня обвиняли, видели, как я смело и справедливо защищал себя. Моих свидетелей ни одного на суд не вызвали, но я сам сказал всю правду в глаза. Ваши делегаты вынесли мне смертное постановление, и прапорщик Никольский заявил, что сами казаки просили предать Шадрина смертной казни, ибо в деревнях причинил он много зла и разорения.

Вот, товарищи, результат дел ваших делегатов, которые ради приличия погон, вами же самими на фронте сорванных, отдали смертной казни четырех человек, в числе коих председатель 2-го полка Прохоров, которого вы так уважали и любили.

Товарищи, я все-таки не верю, что делегаты сделали это по вашей воле. Нет, это они сделали против вашей воли.

В последний час жизни прошу вас, товарищи, вынести постановление об отмене казни первым трем. Пусть я искуплю своею кровью их «вину», если моя смерть так желательна палачам-делегатам.

Товарищи бедняки, я знаю: в нашем войске все бедны, за исключением спекулянтов и погонщиков, и этими последними вы введены в заблуждение.

Вот, товарищи станичники, все, что я мог сказать вам в предсмертную минуту, стоя на краю могилы, о ваших избранниках. Судите сами, кто прав, кто виноват...

Прощайте, не поминайте лихом.

Бывший Шадрин.

В последние часы перед расстрелом он решил обратиться к народу. Ведь его, сына казака-хлебороба из хутора Винниковс Иннокентьевского стана, знали многие, ему доверяли, с ним советовались...

Многие знали, что Шадрин — большевик, что резок бывает он, но зато всегда прям, что за казацкую бедноту готов жизнь свою отдать. И не случайно он представлял казацкую бедноту на I съезде Советов Амурской области, а на IV съезде Советов был избран заместителем председателя исполнительного комитета Советов Амурской области.

По предложению Шадрина в апреле 1918 г. на заседании V объединенного съезда крестьян и казаков Амурская область была переименована в Амурскую социалистическую республику.

Наступил май 1918 г. И здесь, в Амурском крае, это был грозный и тяжелый месяц. В конце мая Самуил Федорович написал обращение к населению с призывом от имени исполкома Совета Амурской республики встать на защиту власти рабочих и крестьян.

«Всякие дела на местах решают местные Советы или сходы большинством голосов,— говорилось в этом обращении.— Правда, нам очень тяжело после разбойного нападения благовещенских буржуев, разбивших все наши организации, проливших братскую кровь и тем оставивших нам глубокие раны. Но мы надеемся на правду и братство трудящихся...»

Обращение заканчивалось призывом:

«Да здравствует свободный светлый труд населения трудящихся Амурской области, всей России и всего мира!»

В сентябре 1918 г. С. Ф. Шадрин подписал приказ Амурского военно-революционного комитета о введении осадного положения в Амурской республике.

Верхушка казачества, подняв голову, пустила в ход оружие.

20 сентября 1918 г. Шадрина и трех работников исполнительного комитета Советов, перешедших на нелегальное положение, арестовали. Обвинив арестованных во всех бедах казачества, вызванных войной и разрухой, офицеры готовили расправу.

Его расстреляли в полдень 7 ноября 1918 г.

Письма С. Ф. Шадрина впервые были опубликованы в сборнике «Красная Голгофа» (Благовещенск, 1920, с. 115—117, 127).

Владимир Иванович Шимановский

1882 — 22 ноября 1918

Письмо жене из благовещенской тюрьмы

20 ноября 1918 г.

Родная моя жена, дорогая, милая Марусечка!

Через несколько часов, а вернее, через сутки (так как днем, кажется, не расстреливают по приговору суда) меня поведут на казнь, и это письмо теперь будет последним, моя родная.

Да, революция 1905 года сроднила меня с тобой, она дала мне то счастье, которое я имел в твоем лице, Маруся. Затем окончание Технологического института, окончание тобой Высших женских курсов и наша совместная общественная деятельность и жизнь здесь, на Амуре, в почти родных нам краях,— это был подготовительный этап нашей будущей жизни.

Тебе больше, чем кому-либо другому, известно, что не материальные стороны, не жажда власти, не забота личного благоприобретения понуждали меня работать на общественной ниве. Тебе известно, что эта-то работа приносила в нашей личной жизни лишь только минусы, вернее, что личной жизни у нас почти не было, а особенно последнее время, когда мое пребывание в главном дорожном комитете заставило меня столько месяцев жить отдельно от тебя, когда личная жизнь сводилась лишь к мимолетным встречам на ст. Гондатти по праздникам.

Ты мне неоднократно указывала на ненормальность такой жизни, но не требовала вернуться из Гондатти, так как сама ставила общественное дело выше личного.

Твоя общественность, твое понимание и сочувствие моей работе лишь еще больше приближали меня к тебе, как к самому лучшему другу и товарищу, и я любил тебя не только как женщину — прекрасную в своей женственности, но и как близкого, дорогого, верного друга и товарища.

Тебе более, чем кому-либо, известно, что моя общественная деятельность была всегда честной и бескорыстной, что мною руководила идея свободы, равенства и братства всех людей, идея защиты трудящихся, и среди них не найдется, я думаю, ни одного человека, который бы бросил бы в меня камень.

Нет, даже в пору реакции, во времена царизма я ценил труд и относился к трудящимся так, как пожелал бы, чтоб другие относились. Еще тогда, во времена царства тьмы, мы могли оба быть арестованными за нашу культурно-просветительную деятельность, но этого, к нашему счастью, не произошло...

И вот теперь, на заре возрождения дорогой, любимой Родины — России, на заре ее свободной жизни, ее действительной культуры, прогресса, мне, так стремившемуся к этому счастью, приходится расстаться с жизнью.

Не жизни моей мне жалко, а жалко Родины, которую снова хотят завести в мертвый тупик тьмы и невежества, жалко Родины, из недр которой выхватывают и убивают ее сынов, отдавших ей все.

Да, лучше умереть, чем видеть снова истерзанную Родину. Но я верю, умирая, что этого не будет. Россия будет свободной, сколько бы ни старались ее враги, и эта вера дает мне возможность спокойно умереть.

В будущую жизнь, как ее рисует церковь, ни в ад, ни в рай я, конечно, не верю. Но я верю в тот рай, который создастся для меня в твоей памяти, в твоем сердце, в сердцах моих близких и моих друзей, в сердцах тех трудящихся, для

блага которых я отдал свою личную жизнь,— а именно доброе, незапятнанное мое имя.

...«И часть моя большая по смерти будет жить»,— сказал древний римский поэт. Вот в этот рай я верю. Смерть за свободу родного народа всегда была прекрасной в сердцах людей и в сердцах умирающих за свободу. И я смело встречу смерть.

Значительную бодрость моих последних часов жизни мне придает вера, что ты, моя голубка Марусечка, знаешь меня хорошо и будешь хранить светлые обо мне воспоминания. Это будет часть моего рая.

Я повторяю, Марусечка, как уже писал тебе, что твоя жизнь впереди, молодость твоя должна дать тебе силы спокойно перенести мою смерть. И мое завещание тебе — прежде всего именно — это спокойствие, сохранение своего здоровья. В твоей будущей жизни ты должна быть свободной и в выборе путей этой жизни, и, если встретится на твоем пути человек, дружба которого будет тебе несомненна, если этот человек предложит разделить твой жизненный путь, если ты будешь видеть искренность его дружбы и любви к тебе, то пойди с ним; одиночество будет тебе в тягость.

Я желаю тебе искренне, находясь в полном сознании, счастья в дальнейшей твоей жизни, и за то счастье, которое ты внесла в мою жизнь,— огромное, несомненное счастье — я тебе шлю свое спасибо, обнимаю и крепко-крепко целую.

Затем еще просьба, родная моя, я не буду писать отдельного письма нашим родным, а попрошу тебя копию этого письма переслать всем им. Пусть мои родные: дорогая мама, дорогие братья и сестры, все родные, как с моей стороны, так и с твоей, знали, почему и как я умираю; пусть они сохранят обо мне то, что имеют в сердцах; они все мне близки, и если я не писал им писем, так это лишь жизнь в разных местах создала такое явление, но в сердце моем они близки, и я их всех люблю.

Может быть, теперь тоже некоторых нет в живых, погибли в волне революции. Здесь, вблизи нас, были Витя, Юля, Саша и Сережа. Витя и Юля даже сейчас здесь, в городе, и мне не удается с ними увидеться, попрощаться.

Прощайте все, мои дорогие! Желаю вам долгой жизни и счастья!

Завтра нам, наверно, дадут с тобой свидание, неужели и в этом откажут?

Марусечка, умоляю тебя: будь спокойна, будь благоразумна. Не убивай себя, прошу тебя об этом. Вот приедет Федя и увезет тебя во Владивосток; желаю тебе счастья, огромного счастья, желаю тебе здоровья, желаю всех благ земных.

Прощай навеки!

Целую крепко-крепко, обнимаю тебя, моя родная. Умирая, мысленно буду с тобой.

Не плачь, не убивайся, собери все свое мужество, все силы, тем более сейчас, пока тебя еще не освободили. Исполни эту мою просьбу.

Прощай. Прости.

Твой Владимир.

Благовещенская тюрьма, камера № 34.

Владимир Шимановский был сыном известного в Благовещенске военного врача и вырос в обеспеченной семье.

По мере того как формировалось мировоззрение юноши, ему все ближе становились те, кто был бесправен и лишен даже куска хлеба. Книги, общение с рабочими и крестьянами, знакомство с революционным студенчеством — все это повернуло его на путь борьбы с несправедливостью существующего строя.

Еще студентом Технологического института в Томске он становится членом РСДРП и принимает непосредственное участие в пропагандистской работе, в налаживании боевой социал-демократической организации. Большое влияние на Владимира оказало знакомство с Сергеем Костриковым (Кировым). Несмотря на молодость, тот пользовался авторитетом у местных большевиков и к концу 1904 г. играл руководящую роль в Томском комитете РСДРП.

Революционная деятельность В. И. Шимановского привлекла внимание полиции. Преследование привело к тому, что ему пришлось уйти из института, так и не окончив курса обучения.

После наступления реакции Владимир Шимановский уехал во Владивосток. Вместе с ним поехала и жена, тоже участница революционного движения, ставшая его помощницей и другом на всю жизнь. Во Владивостоке снова работа в подполье, в поселках и деревнях — среди рыбаков, матросов, рабочих и крестьян.

Но его тянуло в центр страны, в самую гущу борьбы, к тому же нужно завершить и образование. Накопив денег, Владимир перебирается в Петербург, заканчивает Технологический институт и продолжает вести революционную работу.

Ему предлагают остаться в столице и заняться научной деятельностью. Но он возвращается в родные края. «Здесь я нужней всего»,— отвечает Владимир петербургским друзьям.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Владимир Иванович возглавил комитет профсоюза Амурской железной дороги. Его можно было увидеть в те дни на самых глухих полустанках. Рабочие приглашали его на собрания и в ячейки, чтобы побеседовать, решить неотложные вопросы.

Но вот гражданская война охватила и Приамурье. Начались массовые аресты, убийства и репрессии. Владимир Иванович находился в поселке Свободном, откуда продолжал руководить рабочими и служащими железной дороги. В конце сентября 1918 г. его арестовали белогвардейцы. Через несколько дней арестовали и жену.

Мария сидела где-то в одной из соседних камер, и ему невыносимо хотелось повидать ее. Свою любовь к жене, жажду жить во имя счастья людей он выразил в последнем письме, написанном всего за несколько часов до расстрела.

...Лязгнул замок. Он встал, надел пальто... На улице моросил холодный осенний дождь. Его увезли за город, вывели и поставили к стволу высокой березы. Владимир Иванович попросил папиросу, выкурил ее, затем глубоко вздохнул и сказал: «Я готов».

Так погиб еще один коммунист, имя которого навсегда останется в памяти народной. Его именем назван бывший поселок Гондатти.

Публикуемое письмо В. И. Шимановского впервые было напечатано в сборнике «Красная Голгофа» (Благовещенск, 1920, с. 73—75).

Лайош Лискаи

1878—27 ноября 1918

Письмо военно-полевому суду

26 ноября 1918 г.

Господа!

Вы нашли предлог, чтобы приговорить меня к смерти через расстрел, не ожидая окончания предварительного расследования. Хотя такого рода конец для солдатского сердца самый желательный, я возбудил протест перед комиссией предварительного расследования сразу же после вынесения мне приговора.

Почему? Не потому, что я возмущен вашим «неюридическим» делопроизводством. Я очень хорошо знаю, что вы все принадлежите к разряду палачей, что убийство является вашей специфической социальной функцией и юридическая процедура совсем не соответствует вашим желаниям и деяниям. Но, как солдат, как бывший офицер, я хочу высказать вам, которые служат и носят звание офицера, мое последнее мнение. Отсюда мое стремление получить короткую отсрочку. Как я уже говорил, я бывший офицер, т. е. офицер австро-венгерской армии, и в качестве такового после двухлетней полевой службы, после двухлетнего пребывания в компании вам подобных говорю теперь:

Весной этого года я бежал из лагеря, пребывание в котором было весьма неприятным, и, пользуясь сепаратным миром, заключенным между РСФСР и центральными дер-

жавами, хотел скорейшим образом попасть на родину. Мое путешествие на запад не увенчалось успехом. Фронт, возникший в результате предательства чехословацких офицеров, стал непреодолимой преградой. Короче говоря, за Иркутском я попал в руки интернационалистов, которые задержали меня, как офицера, и, как предполагаемого шпиона, заперли на замок.

Случилось так, что охранять меня поставили тех людей, которые в свое время на фронте находились под моим командованием и вместе со мной попали в плен. Из опыта других я уже знал, как эти люди, и конечно не без оснований, ненавидят офицеров, и поэтому не ожидал ничего хорошего. Но произошло обратное. Со мной обращались не жестоко, а, я бы даже сказал, очень любезно. Я был поражен и пытался понять, почему это происходит. Я узнал, что мои люди отнесли меня к «хорошим» офицерам, т. е. к тем, которые никогда не отступали от человечности.

Мое представление об интернационалистах как о банде грабителей — типичное мнение офицера — исчезло. Я видел перед собой людей, которые проникнуты сознанием справедливости и гуманизма в гораздо большей степени, чем все генеральные штабы и офицеры земного шара, вместе взятые. Вы, господа, как раз и являетесь ярким доказательством правильности этого утверждения...

Не буду долго рассказывать. Короче говоря, за этим моим открытием последовало другое (после подробных бесед с командой моих стражей), что эти люди являются сознательными борцами за новый, лучший порядок на земле, что социализм далеко не то, что думает о нем средний офицер.

Думать, что теперь я смогу снова стать прежним, являлось бы бесполезным заблуждением. Вы даже не понимаете, вы не способны понять, что завтра над вами, как наемниками капитализма, нависнет смертельная опасность.

Итак, самый кратчайший путь вел теперь на фронт, вместе с моей командой, которая за меня поручилась. Ведь

на фронте была большая нужда в обученных военному делу и преданных командирах.

Во время этого этапа моей жизни я не заслужил ни одного упрека. Никогда раньше не сражался я так охотно, как вместе с этими людьми. Теперь, будучи солдатом, я испытал двойное наслаждение. Теперь, первый раз в жизни, я действительно знал, за что я борюсь, и армия, в рядах которой я сражался, тоже понимала это, до единого человека. Вы не знаете, зачем вы вешаете, господа, а если бы к вам сегодня пришло это сознание, то вы сами моментально повесились бы.

К сожалению, нам не повезло. «Военное счастье нам не улыбнулось», как принято говорить.

Это произошло потому, что мы были плохо вооружены и у нас не было достаточного количества боеприпасов. Наши войска были составлены из необученных людей, поэтому нам и не удалось уничтожить больше чешских и других реакционных сил, что способствовало бы приближению победы. Мы заплатили за это жизнью, и не знаю, поступили ли мы с вами иначе, если попали бы вы в наши руки. Но это абсолютно точно, что мы не были бы палачами и вообще беспринципными людьми.

Теперь самая суть. В вашем обвинении и в вашем обосновании приговора говорится, что я, согласно таким-то и таким-то параграфам царского кодекса, являюсь «шпионом германского генерального штаба и должен быть расстрелян». Ну, господа, как говорит венец, «это уж слишком».

То, в чем вы меня обвиняете в обоснование вашего возмутительного убийства, используя для этого подлую демагогию, достаточно доказывает, что вы относитесь не к деморализованным элементам, а к самым утонченным палачам мира. Как смеете вы называться офицерами! Ведь вы не достойны этого звания, и новое общество устранит вас, как опасный пережиток старого порядка.

Это единственный пункт, против которого я протестую самым энергичным образом. Заметьте, господа, я протестую не против моей казни, не против смертного приговора, а против бессмысленного утверждения, что я агент германского генерального штаба — той клики продажных наемников буржуазии, ради уничтожения которых я, к сожалению, сделал все-таки очень мало, но для чего я отдал бы десять жизней, если бы это было возможно.

Это, собственно говоря, главная причина моего послания к вам; все другое не имеет значения.

Итак, я совершенно готов последовать за вашими холопами-палачами в любую минуту. Я умираю убежденным и спокойным и желаю вам, господа, скорейшим образом пережить то же.

Л. Лискаи.

Автор письма навсегда связал себя с русской революцией, с делом освобождения трудящихся всего мира, в том числе и родной Венгрии.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции застала Лайоша Лискаи в лагере для военнопленных под Читой. Первым побуждением было скорее вернуться на родину. Но дорога жизни, о чем так хорошо пишет сам герой, привела его в один из отрядов Красной Армии, где он стал коммунистом.

В ожесточенных боях за Байкал Л. Лискаи командовал артиллерийской батареей с двумя шестидюймовыми орудиями и 100 бойцами. Эта батарея геройски защищала позиции советских войск, метко накрывая огневые точки и живую силу противника.

Попав в плен, Л. Лискаи смело бросил вызов белогвардейским офицерам, твердо веря в конечную победу социалистической революции.

— Да здравствует Советская революция!

С такими словами погиб славный сын венгерского народа Лайош Лискаи.

Письмо героя хранится в ЦГАСА (ф. 28361, д. 450, л. 219—222).

Франц Лихтенауер

1881—27 ноября 1918

Записка из благовещенской тюрьмы боевым товарищам

26 ноября 1918 г.

Товарищи!

Приговор гласит: смерть через расстрел в 24 часа. Основание: шпион германского генерального штаба.

Ну вот и все. Хотел бы еще раз вас увидеть, пока не сменили Ивана.

Л.

Солдат-конвоир, поставленный белогвардейцами охранять арестованных партизан, передал эту записку подпольщикам. Но, когда он вернулся в тюрьму, Лихтенауер был уже расстрелян.

Франц Лихтенауер — один из интернационалистов, которые решительно встали на защиту Советской власти против белогвардейщины и иностранных интервентов.

Во главе движения интернационалистов стояли видные революционеры: Бела Кун, Ференц Мюнних, Тибор Самуэли, Карой Лигети, Ион Дик-Дическу, Славояр Частек и другие. В мае 1918 г. в Москве при ЦК РКП(б) для руководства партийными организациями интернационалистов была образована Федерация иностранных групп РКП(б). С лета 1918 г. в ряде городов стали создаваться интернациональные части Красной Армии. В них добровольно вступали венгры, немцы, поляки, чехи, румыны, китайцы... Их лозунгом было умереть, но не дать погибнуть первому отечеству трудящихся всего мира!

Разными путями попали эти люди в Советскую республику: одни были военнопленными австро-германской армии, другие приехали в Россию в поисках заработка, третьи — беженцами...

Франц Лихтенауер оказался в русском плену в 1915 г. Его отправили в офицерский лагерь под Ачинск, где он, как и многие его товарищи социал-демократы, с радостью встретил Февральскую буржуазно-демократическую революцию и принял активное участие в борьбе за победу Советской власти.

Весной 1918 г. Лихтенауер вошел в местную организацию иностранных коммунистов, а в мае 1918 г. ушел с отрядом Красной Армии на фронт.

Военные знания и опыт, а также бесстрашие и преданность революции быстро выдвинули немецкого интернационалиста в ряды красных командиров. И когда в июле 1918 г. в Прибайкалье разгорелись кровавые бои с превосходящими силами белочехов и белогвардейцев, он возглавил бронепоезд, который сыграл огромную роль в прикрытии безоружных и еще не успевших окрепнуть красноармейских отрядов.

Сколько раз Лихтенауер и его 60 бойцов-храбрецов вели бронепоезд прямо в цепи врага и вступали в неравный бой. Но силы борцов таяли, и однажды, попав в окружение, оставшись без снарядов и патронов, бронепоезд замер.

...Франц очнулся в белогвардейском застенке, раны нестерпимо болели, хотелось пить. Потянулись тюремные будни и бесконечные допросы. Допрашивали офицеры в присутствии казачьих есаулов. Они никак не могли уяснить, как это офицер германской армии вдруг стал большевиком, героем-командиром красного бронепоезда.

В день вынесения приговора, вспоминали боевые соратники героя, Лихтенауер в предчувствии близкой смерти написал записку товарищам, сидевшим в той же тюрьме, а затем встретился с ними. Этой встрече способствовал один из охранников — друг арестованных. На прощание Лихтенауер сказал спокойно и твердо, даже с оттенком юмора:

— Будьте здоровы, дети. Не позорьте меня. Вспоминайте обо мне когда-нибудь. Привет всем товарищам.

Записка воспроизводится по документам, хранящимся в ЦГАСА (ф. 28361, д. 450).

7 Заказ 2210

Иосиф Конрад

1894—28 ноября 1918

Письмо матери

Благовещенск-на-Амуре
27 ноября 1918 г.

Дорогая мама!

Прости своего несчастного сына за то, что он причинил тебе такую боль. Это мои последние строчки, так как через несколько часов меня ожидает смерть. Я знаю, что вы надеялись меня еще увидеть, но судьба рассудила иначе. Не горюйте. Я боролся за правое дело, за право и свободу всех народов, и поэтому я спокоен и уверен, что поступил как настоящий мужчина.

Приговор, вынесенный нам, интернациональным борцам за свободу, весьма жесток: смерть через расстрел. Сегодня вечером меня и еще семнадцать товарищей расстреляют; многие уже ушли, но не испуганные, крепкие и мужественные.

Я умираю за справедливость и свободу.

Дорогая мамочка. Именно поэтому ты не должна плакать. Я горд тем, что могу умереть за право и свободу всех народов, и ты, мама, должна гордиться своим сыном, потому что иного быть не может. Думай чаще о твоем верном Иосифе, который умер в Благовещенске в ноябре 1918 г. за свободу и право.

Мои лучшие пожелания и приветы моей любимой невесте, ее родителям, братьям и сестрам от несчастливого Пепи Конрада.

Последняя просьба: передайте привет молодым республикам Австрии и Германии.

Да здравствует социализм!

Иосиф Конрад.

Австриец Иосиф Конрад в 1914 г. был призван в солдаты, чтобы на полях первой мировой войны защищать австро-венгерскую монархию и ее союзников. Но он вскоре сдался в плен и оказался в лагере под Читой.

Иосиф был потомственным рабочим, хорошо понимал нужды русского населения и в конце 1917 г. стал участвовать в революционном движении. Затем добровольно ушел в ряды Красной Армии и защищал Советскую власть на Амуре.

Когда его, безоружного и обессиленного, схватили белогвардейцы, он знал, что судьба его решена, но не дрогнул и умер коммунистом.

Последнее письмо написал за несколько часов до расстрела.

Текст письма воспроизводится по документам, хранящимся в ЦГАСА (ф. 28361, д. 450).

Владимир Николаевич Чепалов

15 апреля 1889—20 февраля 1919

Письмо товарищам на волю из барака смертников белогвардейской тюрьмы в Екатеринбурге

12 января 1919 г.

Дорогие товарищи!

Мы переживаем великий и страшный момент в жизни человеческой, когда ломаются основы экономической жизни и создается фундамент для будущего блага человечества, для будущей счастливой жизни...

Может быть, нам не придется наблюдать и пользоваться благами этого строительства; возможно, что мы сгорим в огне, переходя разрушения и созидательные начала, но зато будущие за нами поколения не будут знать той безумной социальной несправедливости и неравенства, которое уродовало нашу жизнь. И для блага будущего не жалко сгореть и погибнуть в момент социалистической революции и своим трудом подвинуть ближе к жизненной цели угнетенное человечество.

Остаюсь

ваш Владимир Чепалов.

Он родился и вырос в Якутске, в семье ссыльнопоселенцев. Участвовал в революционном кружке местной учащейся молодежи, выступил организатором социал-демократической организации под названием «Маяк». Вынужден был перейти на нелегальное положение. В 1908—1915 гг. учился сначала в Варшавском, затем

Томском университете, стал врачом, получил назначение на должность главного врача Томска.

В Томске, уже будучи большевиком, Владимир Чепалов активно участвовал в событиях Февральской буржуазно-демократической революции. Летом 1917 г. его избрали в Томский Совет рабочих депутатов, доверили руководство Советом. В первых числах мая 1918 г. он возглавил отряд красногвардейцев для подавления местных контрреволюционных сил. Под напором мятежных белочехов отряд отступил к Уралу. Однако сам Чепалов вскоре вернулся в захваченный белогвардейцами Томск, чтобы нелегально продолжать партийную работу, но был арестован.

Атаман Пепеляев, пытаясь обезопасить себя от возмездия за совершенные злодеяния, отобрал в своих застенках группу заложников и отправил ее из Томска в более надежный, как он думал, Екатеринбург. В числе заложников из 30 большевиков оказались В. П. Чепалов, В. Д. Вегман, Ф. Н. Жаркова, Г. А. Микеладзе [1] и другие.

Заложников разместили в первой екатеринбургской губернской тюрьме, славящейся особо строгим режимом и эпидемиями.

Врача Чепалова закрепили за отделением, где содержались тифозные больные. С постоянным риском заразиться самому, Чепалов неустанно боролся за жизнь товарищей. Когда же болезнь обрушилась и на него, он известил об этом своих друзей коротенькой запиской: «Скоро кризис. Ждите последнюю весточку. Наше дело правое и непобедимое!» Спустя несколько дней тюремная администрация сообщила, что бывший тюремный врач, осужденный на расстрел, Виктор Николаевич Чепалов скончался от тифа, не приходя в сознание, в ночь на 20 февраля 1919 г.

Его последнее письмо, сохраненное товарищами, впервые было опубликовано в газете «Автономная Якутия» 3 апреля 1929 г.

[1] См. с. 216—217.

Жанна-Мари Лябурб

8 апреля 1877—2 марта 1919

Записка друзьям

Начало 1919 г.

Самое трудное впереди, путь усеян терниями. Возможно, что это мое последнее письмо. Жанна

Да, оно стало ее последним посланием. Обстановка, в которую попала Жанна-Мари Лябурб,— подпольная конспиративная работа в Одессе, захваченной белогвардейцами и интервентами,— исключала письменную связь с московскими друзьями.

Жанна-Мари Лябурб родилась во Франции, в небольшом городке Лапалис под Виши, в семье бедняка. Из-за нищеты она вынуждена была в поисках заработка уехать из родной страны. Жанна стала гувернанткой в богатой семье польского дворянина. Когда началась империалистическая война, эвакуировалась вместе с этой семьей в Москву.

Еще до поездки в Россию Жанна познакомилась с польскими и русскими революционерами, участвовала в политических демонстрациях, распространяла марксистскую литературу. В Москве она стала искать новых связей с большевиками. В 1918 г. Жанну приняли в большевистскую партию — единственную из партий, которая звала трудящихся на штурм старого мира, к торжеству социалистической революции.

Великий Октябрь Жанна встретила с радостью. Всю свою энергию она направляет на пропаганду интернациональных задач пролетарской революции. Небольшого роста, хрупкая, миловидная

француженка-учительница находилась в отрядах красногвардейцев, выступала на митингах, бывала в казармах французского батальона, находившегося в Москве по воле Антанты. В октябрьские дни контрреволюция пыталась использовать артиллерию и броневики этого батальона для борьбы с восставшим московским пролетариатом. Но французские солдаты отказались выступить против революционного народа, о чем официально объявили через газету «Социал-демократ» — орган московских большевиков.

Отмечая работу французской коммунистки Жанны Лябурб в московской партийной организации, видная деятельница международного коммунистического движения А. М. Коллонтай писала: «Все мысли ее, все ее горячее сердце принадлежало великой мировой пролетарской революции. Когда в Москве образовалась секция французских коммунистов, Жанна тотчас же примкнула к этой организации и стала деятельной ее работницей. Все свое свободное время, всю свою энергию Жанна отдавала делу сплочения сил французских коммунистов...» [1]

Весной и летом 1918 г. при ЦК РКП(б) возникло несколько групп иностранных коммунистов — венгерская, чехословацкая, немецкая, югославская, французская и другие,— объединившиеся в Федерацию иностранных групп РКП(б) во главе с известным венгерским интернационалистом Бела Куном. Жанна Лябурб являлась секретарем французской группы, в которую входило более 30 членов, в том числе Инесса Арманд, Жак Садуль, Анри Барберэ и Ион Дик-Дическу. Жак Садуль на VIII съезде РКП(б) говорил о Жанне: «Она всегда воодушевляла группу, и в моменты, когда мы падали духом, или когда перед нами вставали какие-нибудь препятствия, группа черпала новое вдохновение и новую энергию, глядя на неутомимую работу... Жанны...» [2]

Свой революционный долг Жанна Лябурб, как и ее товарищи, коммунисты-интернационалисты, видела в том, чтобы собирать и объединять под знаменами Октябрьской революции все честные, прогрессивные силы разных народов, разоблачать клевету врагов революции на Советскую власть, до последней капли крови защищать завоевания рабочих и крестьян.

Жанна советуется с В. И. Лениным, пишет ему письма с просьбой направить ее на фронт гражданской войны [3]. Составляет и

[1] Красная Армия, 1919, 1 апреля.

[2] Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1933, с. 358.

[3] См.: Исторический архив, 1961, № 5, с. 223.

переводит на французский язык обращения к войскам интервентов на севере и юге Советской республики.

И вот получено решение: Жанна направляется в захваченную вражескими армиями Одессу. Ей поручают доставить коммунистическому подполью литературу и деньги, войти в состав коллегии иностранной пропаганды при Одесском областном комитете большевиков.

Коллегия иностранной пропаганды (Иностранная коллегия) вела широкую разъяснительную работу среди солдат-интервентов. Действуя под руководством подпольного Одесского обкома КП(б)У во главе с И. Ф. Смирновым-Ласточкиным, члены коллегии — серб Стойко Ратков, поляки Ян Вимут и Гелена Гржелякова, русские Яков Елин, Александр Винницкий и другие — организовали издание нелегальной газеты «Коммунист», в том числе на французском языке, выпуск большими тиражами многочисленных листовок-обращений, несущих слово правды иностранным матросам и солдатам, местному населению. С приездом Жанны Лябурб и ее двух товарищей работа коллегии оживилась. С новой силой развернулась агитация в городе и на кораблях. Матросы линкора «Мирабо», а вслед за ними и другие экипажи отказались повиноваться командованию. На ноги была поставлена вся военная контрразведка и агентура белогвардейцев. В Одессу прибыл командующий французскими армиями на Востоке. Прокатилась новая волна арестов.

1 марта 1919 г. состоялось очередное заседание президиума коллегии. В повестке дня назревший вопрос — о подготовке к вооруженному выступлению против оккупационного режима. Жанна говорит страстно, убежденно. Основной смысл ее выступления — дни врагов Советской власти сочтены, но победа не придет сама собой, нужна продуманная организация всех сил подполья.

В заключение она говорит: «Я скоро обязательно вернусь во Францию, я хочу рассказать всем правду о русской революции, разоблачить грязную ложь буржуазии — это моя заветная мечта...»

Домой, в маленькую комнатку в доме 24 по Пушкинской, Жанна возвращалась радостной, возбужденной. Ее провожал Стойко Ратков. Она и не подозревала, что это будет ее последний вечер на свободе.

Об аресте и расстреле Жанны Лябурб 2 марта 1919 г. рассказал впоследствии Стойко Ратков, чудом спасшийся от расправы.

Вечером, часов в 10, в комнату Жанны ворвалась группа французских и русских офицеров. У Жанны отобрали документы и личные вещи, нашли газету «Коммунист» на французском языке и кипу литературы. Подпольщицу увезли в комендатуру.

Тогда же было арестовано еще несколько человек. Всех их собрали вместе, провели очную ставку, пытали.

Стойко Ратков писал в «Правде» 9 мая 1919 г.: «Привели нас на третий этаж комендатуры, посадили на три шага друг от друга, женщинам отвязали руки, а нам нет. Потом погнали из одной комнаты в другую одного французского солдата-коммуниста, затем выгнали из комнаты двух женщин и трех мужчин, которые тоже были арестованы, но раньше нас. Затем взяли на допрос инженера Елина и начали бить — били так, что он вышел весь в крови. Потом взяли другого арестованного и также зверски били. Затем приходит один офицер к дверям и кричит: «Господин Мишель, пожалуйста»,— и показывает рукой. Вызванного на допрос председателя французской группы Мишеля начали бить так зверски, что одна женщина упала в обморок...»

Палачи спешили — уже в полночь арестованных посадили на две автомашины и повезли в город. Жанну расстреляли недалеко от городского кладбища.

На другой день последовали новые аресты, новые зверства, новые расстрелы. В борьбе с врагами погиб И. Ф. Смирнов-Ласточкин и многие другие. Но конец интервенции был уже недалек... Вскоре над освобожденной Одессой взвилось красное знамя Советской власти. В этой победе навсегда остался подвиг Жанны-Мари Лябурб — одной из лучших дочерей французского народа.

В. И. Ленин, выступая на VII съезде Советов в Москве, с теплотой и благодарностью отозвался о Жанне Лябурб. «Мы знаем,— говорил Владимир Ильич,— что имя француженки, тов. Жанны Лябурб, которая поехала работать в коммунистическом духе среди французских рабочих и солдат и была расстреляна в Одессе,— это имя стало известно всему французскому пролетариату и стало лозунгом борьбы...» [1]

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 390—391.

Егор Александрович Мурлычев

1898—11 марта 1919

Надпись на стене камеры ростовской тюрьмы

Начало марта — не позднее 11 марта 1919 г.

Товарищи. Я, по-видимому, не выдержу всех пыток. Прошу вас — боритесь за дело большевизма, за дело Ленина.

Егор Мурлычев.

Надпись на полях тюремной книги

Начало марта 1919 г.

Товарищи. Я погибаю за дело революции. Начатое мной дело продолжайте.

Егор Мурлычев.

Письмо товарищам по борьбе из ростовской тюрьмы

Не позднее 11 марта 1919 г.

Товарищи! Я прочел вашу листовку. У меня забилась кровь, прибавились силы.

Я не сомневаюсь, что вы будете продолжать начатое дело. Я умру с твердой уверенностью, что вы также будете идти до конца, до полной победы. Пожелаю вам успеха.

Да здравствует Советская власть! Да здравствует рабочая армия! Да здравствует Российская Коммунистическая партия большевиков!

Я немного болен.

Привет всем.

Егор Мурлычев.

Егор Мурлычев, видный партийный работник, был оставлен в Ростове для подпольной деятельности в мае 1918 г. Его хорошо знали большевики Дона, и когда был образован Ростово-Нахичеванский большевистский комитет, Егор стал его членом, а затем председателем.

Остро встал вопрос о типографии. Нужно было как можно скорее наладить выпуск большевистских изданий, в которых бы сообщалась правда о происходящих событиях.

Долгими ночами Егор Мурлычев печатал на пишущей машинке листовки и размножал их с помощью товарищей на примитивном гектографе. Но все это мало устраивало подпольщиков. Нужен был шрифт, нужны были печатные станки и надежное место для устройства настоящей типографии.

Наконец шрифт и оборудование удалось раздобыть — частично на месте, а частично из-за линии фронта. И вот, сменив два адреса, типографию удалось разместить в доме 44 по Донской улице. Здесь, в подвале, осенью 1918 г. заработали два печатных станка с двумя наборными кассами. Теперь стали думать о выпуске не только листовок, но и подпольных газет.

Деятельность ростовских подпольщиков была в разгаре, когда из их рядов контрразведка вырвала Егора Мурлычева. Его долго пытали в застенке гостиницы «Мавритания», где обосновалась контрразведка, а затем бросили в ростовскую тюрьму, в одиночную камеру № 13 — камеру обреченных.

Егора Мурлычева много раз пытали, склоняли к предательству, но все тщетно. Теряя силы, он оставил товарищам по борьбе свои последние надписи. Истерзанный врагами, Егор Александрович не терял мужества.

Долгое время не было известно, когда и как погиб герой. Лишь в 1957 г. удалось обнаружить несколько документов.

Как было установлено, в начале марта 1919 г. над Егором Александровичем состоялся суд, в составе которого были казачий есаул, один подъесаул и сотник. В приговоре этого так называемого суда говорилось:

«...Подсудимый Мурлычев Егор в дни владычества большевиков в городах Ростове и Нахичевани на Дону состоял председателем временного рабочего правления завода Лели, проводя в жизнь декрет о национализации завода. По уходе большевиков из Ростова некоторое время оставался в городе, после чего выбыл в Советскую Россию, где в городе Курске поступил на службу к большевикам, откуда прибыл вновь в Нахичевань в качестве большевистского агента.

Проживая в Нахичевани, имел типографскую машину с наборным шрифтом для печатания прокламаций и воззваний большевистского характера, каковые им печатались и распространялись...»

Все сказанное в приговоре являлось правдой. Это удалось выяснить суду не из признаний подсудимого, а со слов провокаторов. Лишь в одном ошиблись белогвардейцы, когда писали, что Егор Мурлычев «поступил на службу к большевикам» в Курске.

Нет, он отдал себя делу Ленина много раньше... И эта «служба» устраивала молодого большевика. Но слишком рано оборвалась его жизнь.

Приговор доставили в тюрьму тогда, когда расправа уже состоялась: пьяные казаки шашками разрубили его на куски. Мужественный коммунист погиб как герой, и дело его, как он надеялся, увенчалось достойной победой.

Первая надпись была сделана Егором Мурлычевым ногтем на каменной стене камеры № 13, где он провел последние часы перед казнью. Вторая оставлена в тюремной книге религиозного содержания, которую дал Егору священник. Текст надписей опубликован в сборнике «Незабываемые годы» (Ростов-на-Дону, 1957, с. 116, 119).

Письмо сохранилось в фондах партийного архива Ростовского обкома КПСС. Опубликовано в сборнике «Борьба за власть Советов на Дону» (Ростов-на-Дону, 1957, с. 421).

Ольга Александровна Дилевская

6 декабря 1885 — 13 марта 1919

Письмо подруге — А. Н. Ногиной перед арестом колчаковской контрразведкой

10 марта 1919 г.

Александра Николаевна!

Пишу Вам с расчетом, что мое письмо Вы прочтете после моего ареста. Вам придется позаботиться об Ирине. Я знаю, что Вы сделаете это и без моей просьбы. Никто не знает, что может случиться. Вот адрес моих родных в Москве: Долгоруковская улица, д. № 29, Дилевская, или: Женская гимназия Потоцкой для Д-ой.

Вот только о чем я хотела просить Вас: когда меня не будет, ласкайте Ирочку, как это делала я, и утром и вечером, когда она будет ложиться спать. Быть может, она в этом отношении немного избалована, но мне невыносимо тяжело будет думать, что она лишена нежной ласки.

Думаю, что в Вашем сердце найдется любовь нежная и для нее. Вот и все, что я хотела сказать. Слова тусклые и бледные, но не к чему их подыскивать.

Чувство слишком глубоко и интимно, передать его не умею.

Поймите инстинктом и полюбите Ирину.

Ол. Дилевская.

Предчувствие не обмануло Ольгу Александровну. Через два дня усиленный наряд колчаковских офицеров оцепил дом, где жили Дилевские, и она вместе с мужем оказалась в застенке тюменской контрреволюции...

Ольга родилась в той самой Диканьке, о которой так поэтично писал Н. В. Гоголь. Ее семья принадлежала к потомственному дворянскому роду, но ни отец, ни мать не придерживались установленных сословных традиций, и Ольга, как и ее сестры, получила трудовое воспитание.

После смерти отца положение семьи заметно ухудшилось. Ольга, переехав в Москву для учебы в гимназии, стала вести частные уроки и еще ближе познакомилась с жизнью простого народа. Ей удается установить связи со студентами Московского университета и через них получать революционную литературу. Прочитав первые номера «Искры», она становится сторонницей В. И. Ленина. По нелегальным изданиям его сочинений она составляет рефераты и выступает с ними на студенческих сходках. Тайные сходки часто собирались на квартире Дилевских на Малой Бронной улице с участием сестер Ольги — Наталии и Веры, также вступивших на путь революционной борьбы. Одна из таких сходок — в октябре 1903 г.— была обнаружена полицией.

Участник той нелегальной сходки, бывший одноклассник Ольги, крупный советский историк академик Н. М. Дружинин в отклике на первое издание книги «Письма славы и бессмертия» сообщал: «С Ольгой и Натальей Дилевскими, а затем с другими членами семьи (матерью Ольгой Николаевной, старшей сестрой Маргаритой) я познакомился весной 1902 года на нелегальном собрании гимназической организации Москвы. Оно происходило в помещении женской гимназии Л. А. Воскресенской в Успенском переулке (между Малой Дмитровской и Каретным рядом). В течение 1902—1904 годов я часто бывал в этой революционной семье; здесь мы читали вслух нелегальную литературу, обменивались мнениями, формировали свои политические взгляды. Мы были сверстниками с Ольгой и Натальей: в 1903/1904 учебном году одинаково учились в восьмом, последнем, классе. Нас сближали общие интересы и революционные планы. Вы совершенно правильно охарактеризовали Ольгу Александровну: уже тогда она была сильной, цельной натурой с определившимися революционными стремлениями...»

Нагрянувшая на собрание полиция, вспоминал Николай Михайлович, «в течение двух-трех часов продолжала допросы и обыски. Затем мы все были отпущены по домам, а в следующие дни исключены из гимназии до выяснения дела. Через день-два мне стало известно, что у Ольги найдены нелегальные издания и что она арестована...» [1].

В Московском охранном отделении на Ольгу завели дело. Состав «преступления» заключался в том, что «арестованная имеет связи с рабочими и студентами. Бывает в столовой Прохоровской мануфактуры».

На вопросы, кого знает, с кем встречалась, Ольга упорно молчала. Ее старались оскорбить и унизить, как могли, пытали голодом, провоцировали. В знак протеста против издевательств Ольга решила покончить с собой. Надзирательница в последний момент успела вынуть ее из петли.

Суд был скорым. В марте 1904 г. последовала высылка в Киев под надзор полиции [2].

В Киеве революционная борьба продолжалась. Опять обыски, опять арест. Полгода пребывания в тюрьме. После освобождения Ольга уезжает в Москву и сразу же берется за выполнение ответственного поручения Московского комитета РСДРП: доставку оружия для боевых дружин. Это поручение целиком захватывает молодую большевичку, и только арест в июне 1905 г. мешает ей осуществить многие свои планы [3]. Опять тюрьма...

В трудное время реакции, наступившей после первой русской революции, Ольга вела активную деятельность как член Военной организации МК РСДРП. Через нее поддерживались связи с большевистскими организациями других городов, прежде всего Поволжья и Урала. Она ведет переписку с социал-демократической эмиграцией, помогает арестованным товарищам, переправляет подпольщиков за границу.

Часто, предупрежденная шифрованной телеграммой, она дежурила на московских вокзалах, встречала нужных людей, прямо

[1] Н. М. Дружинин виделся с Ольгой Александровной и позже — во время свиданий в Таганской тюрьме; в феврале 1905 г. он был арестован и сослан в Саратов. Подробнее об этом см.: *Дружинин Н. М.* Воспоминания и мысли историка. М., 1967.

[2] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1911 г., д. 122, л. А, л. 8—56.

[3] Там же, л. 59 об.

в купе вагонов передавала им одежду, деньги и документы, помогала обманывать шпиков.

Летом 1907 г. в Москве было много провалов. Ольга Дилевская уехала в Воронеж. Но с помощью фотографий, сделанных во время пребывания в тюрьмах и разосланных по губернским жандармским управлениям, она была обнаружена и в декабре 1907 г. заключена в тюрьму.

Прошел год, прежде чем Ольга появилась дома. И снова самоотверженная подпольная работа, снова негласное наблюдение и регулярные обыски. В департаменте полиции было заведено дело под названием «О Дилевской. Подготовительный материал для ликвидации». К лету 1911 г. это дело разрослось до трех объемистых папок с многочисленными донесениями филеров о «передатчице партийных поручений».

В ночь на 29 августа 1911 г. Ольга Дилевская была арестована. Московская судебная палата вынесла приговор: сослать на четыре года в Нарымский край.

Но и в ссылке она продолжала революционную работу, изучала партийную литературу, выступала против лидеров меньшевиков и эсеров, которые все больше и больше уходили вправо и усиливали свои нападки на сторонников Ленина; помогала большевикам, бежавшим из ссылки.

К концу ссылки родилась дочка Иринка, а вскоре вместе с семьей Ольга поселилась в Тюмени, где активно включилась в борьбу за образование и победу Советов.

В середине 1918 г., после контрреволюционного чехословацкого мятежа, Советская власть в Тюмени пала. И опять подполье. Вместе с уцелевшими местными коммунистами Ольга Александровна начинает готовить вооруженное восстание против белогвардейцев. Став секретарем Центрального бюро тюменских профсоюзов, она умело сочетала легальные и нелегальные формы работы и находилась в курсе происходящих событий.

С гневом обрушивалась она на меньшевиков и эсеров, открыто перешедших на службу к Колчаку и интервентам.

Особое внимание подпольные партийные организации обращали на революционную работу среди насильно мобилизованных в колчаковскую армию рабочих и крестьян. В тылу Колчака все чаще и чаще вспыхивали восстания. Одно из них произошло в Тюмени в марте 1919 г.; оно было поддержано солдатами-новобранцами.

— Дилевская — опасная большевичка,— напевали колчаковским контрразведчикам эсеро-меньшевистские подручные.— Была в переписке с Яковом Свердловым, в подполье связана с рабочими.

Распоряжение последовало короткое: «Изъять за большевизм».

Вот тогда-то и написала Ольга Александровна это письмо. Она чувствовала, как колчаковская контрразведка стягивала вокруг нее свои сети. Каждую минуту она ожидала ареста. Лишь болью наполнялось сердце от мысли о маленькой дочурке. Ведь выйти живой из колчаковского застенка шансов было мало. Что будет с дочкой? Мысленно прощаясь с Иринкой, она обратилась к своей давней подруге — Александре Николаевне Ногиной с просьбой позаботиться о дочке.

И вот она в застенке колчаковской контрразведки. Вечером 13 марта 1919 г. Ольгу Дилевскую, ее мужа Николая Авдеева и других арестованных повели в губернскую тюрьму.

Вскоре — около полуночи — пятерых арестованных, в том числе Ольгу и ее мужа, повели обратно в контрразведку, и по пути началась дикая расправа. Н. Н. Авдееву под покровом ночи удалось спастись. В тот день в Тюмени было расстреляно более 200 рабочих и солдат.

Предсмертное письмо О. А. Дилевской публикуется по изданиям начала 20-х годов.

Андрей Кондратьевич Чумак

26 августа 1877—26 марта 1919

Письмо товарищам по борьбе

26 марта 1919 г.

Благодарю Вас всей душой. Решительно отказываюсь от вторичного побега. По заявлению начальника тюрьмы, Зелинский будет за это казнен. Строить свое благополучие на костях товарищей никак не могу...

То, что пережито мною в последние дни, отбило у меня всякую охоту жить. Больного до 40° температуры меня допрашивали и били, били и еще били. Сначала я крепился, потом кричал, а потом, не помня, отвечал на вопросы.

Били, брат, так, как я себе не представлял ни во сне, ни наяву. Изысканно, в 5 плетей, из которых четыре острые и как нож, а пятая, с набалдашником в кулак, бьет исключительно по позвоночному хребту.

Словом, всего не передать...

Он прожил 42 года, из них половину отдал большевистской партии, в которую вступил в 1903 г.

Родился в знаменитых гоголевских Великих Сорочинцах.

Едва окончив приходскую школу, 13-летний Андрей вынужден был податься в Макеевку, на завод братьев-предпринимателей Иловайских, чтобы зарабатывать на жизнь и помогать родным. Здесь он обрел среди рабочих надежных, верных товарищей.

Андрея тянуло к новой, более активной жизни. И вот он в Горловке — знаменитом шахтерском поселке. Ему повезло — довольно быстро устроился помощником машиниста в местное железнодорожное депо. Тут, в среде железнодорожников и горняков, входит в нелегальный рабочий кружок. По ночам читает социал-демократическую литературу, с нетерпением ожидает очередные номера «Искры», которые тайком привозят железнодорожники из Киева, Одессы или Кишинева.

Весной 1902 г. переезжает в Елизаветполь (ныне Кировабад), куда его пригласили на должность машиниста из Тифлисско-Бакинского участка железной дороги.

В это время он знакомится с подпольщиком из Баку Алешей Джапаридзе, а через него с Серго Орджоникидзе и Михой Цхакая.

В 1905 г. за участие в забастовочном движении его заключили в одиночку Метехского замка в Тифлисе. В одном из документов департамента полиции читаем: «Чумак Андрей — железнодорожный машинист. Арестован по приказу начальника Закавказской дороги... Чумак — самый энергичный деятель по забастовкам. Руководил митингами, сохранял фонды партийной кассы и т. д.».

Из тюрьмы ему удается временно, под большой залог, собранный товарищами под руководством М. Цхакая, выйти на волю. Собрав скромные пожитки, взяв жену и малолетних детей, Андрей уезжает в Одессу, а оттуда за границу, сначала в Европу, а потом в Америку.

Как и других эмигрантов из России, Америка встретила их жестоко: не было работы, ночевать приходилось прямо на улице. После долгих мытарств ему удается устроиться сначала на шахту, потом на автомобильный завод.

Он не теряет связей с Россией, переписывается с Джапаридзе, большую радость доставляют посылки с книгами. Осенью 1915 г. встречается с Александрой Михайловной Коллонтай, приехавшей в Америку по поручению В. И. Ленина для укрепления партийных контактов с деятелями американского революционного движения.

Узнав о свержении царского самодержавия, о возвращении из эмиграции В. И. Ленина, Андрей Кондратьевич рвется в Россию, твердо веря — на пороге новая, решающая революция. Первая группа русских политических эмигрантов отправилась на родину в конце апреля 1917 г. Чумакам удалось выехать на Дальний Восток только в июне.

Но дальше Харбина известного Временному правительству революционера-эмигранта не пустили. Андрей становится машинистом Китайско-Восточной дороги, входит в Харбинский Совет, держит связь с большевиками Владивостока.

В Харбине хозяйничают бывший царский наместник, генерал Хорват, казачьи банды атаманов Семенова и Калмыкова, эсеры и меньшевики. Во время начавшихся арестов Чумак скрывается, а потом перебирается в Приморье.

Летом 1918 г. Андрей Кондратьевич направляется на партийную работу в Никольск-Уссурийск, где его избирают председателем местного Совета. Но пламя гражданской войны уже разгорелось. Начались открытые вооруженные бои...

«Рабочая газета» 21 июля 1918 г. писала о тех событиях: «При обороне Уссурийска особенно отличился председатель горисполкома Совета А. Чумак. Он лично водил красноармейцев в штыковую атаку, и его отряд, как и сам командир, отличался большой храбростью. Далькрайком партии талантливого организатора-большевика назначил членом Военного совета фронта и комиссаром передвижения войск... А. Чумак, командуя бронепоездом «Освободитель», отступил последним, прикрывая отход красногвардейцев и эвакуируемых госпиталей и учреждений в гор. Спасск...»

Отступление было опасным и трудным. Местная беднота, возглавляемая большевиками, уходила в партизанские отряды. Один из них возглавил Чумак. Во время глубокой разведки Андрея схватили каратели. Тюрьма в Благовещенске. Тиф, чуть не закончившийся смертью. Потом дерзкий побег. И снова — подпольная работа и партизанский отряд. В неравной борьбе он попадает в руки врагов.

Его, Петра Зубка, Прокопия Вшивкова, Василия Повилихина, Якова Шафира и еще 11 комиссаров повели на расстрел в ночь на 26 марта 1919 г. У глиняного карьера палачи кололи их штыками, били шомполами, все ближе подталкивая к могиле. Только затем раздались выстрелы...

Журналист З. Шейнис, разыскав детей А. К. Чумака, восстановил новые страницы из жизни и героического пути революционера-большевика (см.: Юность, 1974, № 2, с. 90—102). Последнее письмо героя было опубликовано в «Правде» в 1924 г.

Иван Иванович Корытин

1890—27 марта 1919

Последние стихи, написанные в благовещенской тюрьме перед расстрелом

Середина и конец марта 1919 г.

I

Разрушен мир... Поруганы святыни.
Погасла мысль под лезвием меча:
Где был прекрасный мир, там мертвые
пустыни.
Будь проклят меч — оружье палача.
Тобой разрушена великая культура.
Тобою пролита страдальческая кровь...
Тобою попрана вся красота Амура,
Поругана безжалостно любовь.
Не ты ль принес нам ужасы и стоны,
И вопль людей, и скрежеты зубов,
И жертв, калек и сирот миллионы?
Все перечесть нет сил и нету слов.
Не спорю я — помог ты пробудиться
Рабу от летаргического сна.
Но все ж я не могу с тобою примириться —
Будь проклят меч! Будь проклята война!

II

Вставайте, братья бедняки!
Идите, честные народы,
На пир красавицы свободы.
Долой булаты и штыки!..

III

Гори, божественный костер!
Гори и превращайся в пламя!
Лети в трущобы и простор,
Неси свое святое знамя.
Неси во тьму свой яркий свет,
Лети Эфиром по селенью,
Неси трудящимся совет,
Зови их всех к объединенью...

В застенках благовещенской тюрьмы томились десятки обреченных, не склонивших головы перед палачами. Среди них находился и Иван Корытин [1], схваченный белогвардейской контрразведкой в конце 1918 г. по доносу провокатора.

Обвинение было обычным: сочувствие Советской власти и скрытая деятельность в ее пользу. Контрразведке удалось установить, что Иван Корытин имел связи с партизанами, участвовал в распространении большевистских листовок, а до падения Советской власти являлся пламенным агитатором среди населения.

Допросы длились больше месяца, но так и не удалось вырвать признания. Но вот на столе у следователя появились экземпляры благовещенской газеты «Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» за первые месяцы 1918 г. На страницах газеты было немало политически острых, обличающих врагов

[1] В литературе встречается иное написание фамилии этого большевика: Корытов. Мы употребляем фамилию так, как сообщили ее С. Лазо и М. Губельман в своем письме от 18 февраля 1920 г. в числе фамилий других товарищей, «казненных за рабоче-крестьянское дело в Благовещенске». См. об этом: «Октябрь на Амуре. 1917—1922 гг.» (Благовещенск, 1961, с. 185).

Советской власти статей и стихотворений, и под ними подпись «Виктор Совкредепов».

— Кончайте ломать комедию,— кричал следователь.— Это ваша писанина, и Виктор Совкредепов — это вы и только вы...

После одного такого допроса Иван сказал товарищу по камере: «Чувствую, что меня расстреляют, хотя мой псевдоним не раскрыт еще, но его раскроют».

Большевик Иван Корытин являлся партийным пропагандистом, публицистом и поэтом. Будучи сотрудником благовещенских «Известий», весь свой талант он отдавал укреплению власти рабочих и крестьян, проведению в жизнь идей Коммунистической партии.

В ночь на 27 марта 1919 г. Ивана Корытина расстреляли японские офицеры.

Некоторые предсмертные стихи И. И. Корытина попали в руки товарищей и были впервые опубликованы в сборнике «Красная Голгофа» (Благовещенск, 1920, с. 62—64).

Георгий Александрович Микеладзе

23 июня 1900 — март 1919

Записка Ф. Н. Жарковой

Март 1919 г.

Фея, дорогая, будьте мужественны, как всегда. Знайте — я и моя любовь всегда с вами. Привет всем от всех.

Георгий.

Он родился в Грузии, в селении Кулаши, что под Кутаиси, в княжеской семье. С детства стремился избавиться от родительской опеки, от беззаботности именитого тунеядца; мучительно искал свое место в жизни.

В 16 лет Георгий уехал в Харьков, стал работать в паровозном депо. Весной 1917 г. добрался до Питера, выдержал экзамен в военно-медицинскую академию; здесь он вошел в большевистскую ячейку, принял участие в бурных революционных событиях.

Под новый, 1918 год Георгий переезжает в Томск, с тем чтобы продолжить учебу на медицинском факультете университета. Здесь он знакомится с юной Феей Жарковой, возглавлявшей медико-санитарный отдел местного Совета, с Владимиром Чепаловым [1] и другими большевиками. В марте 1918 г. он вступает в партию большевиков. Его назначают на работу в военный отдел Совета, поручают создать надежные красногвардейские отряды в Томске и окрестностях.

Строительство Советской власти в этом регионе проходило в сложной обстановке, которая еще более обострилась весной 1918 г. из-за мятежа чешских легионеров. По заданию обкома партии первый отряд добровольцев, сформированный Георгием

[1] См. с. 196—197.

Микеладзе, был брошен на подавление контрреволюционеров, действовавших в Кузнецком уезде. Отряд выполнил задание, однако при возвращении в Томск был внезапно атакован белочехами и принял неравный бой. Чтобы задержать продвижение противника, Микеладзе отдал приказ взорвать мост через реку Большая Камышенная. Но это помогло ненадолго, враг наседал.

Расстреляв все патроны, горстка бойцов во главе с Георгием отошла в тайгу. Здесь их и схватил противник...

Томская тюрьма, затем екатеринбургская: допросы, пытки, ожидание смерти. Один из узников (его имя не установлено) писал о тех днях пребывания в екатеринбургской тюрьме: «Днем приходят чехи, казаки... и бьют. Ночью приходят и уводят на расстрел; некоторые возвращаются избитые, полумертвые. Кормят плохо: три четверти черного сырого хлеба, похлебка с одной картошиной, три раза кипяток. Кошмарные будни становятся все хуже и хуже. От переполнения камер, голодовки и сырости по тюрьме идет эпидемия сыпного тифа...» [1]

Несколько раз Георгию удалось увидеть Фею Жаркову [2], обменяться с нею ободряющими взмахами носовых платков. Незадолго до расстрела с большим трудом ему удалось передать ей записку, аккуратно написанную чернильным карандашом на клочке газеты. Записка эта всю жизнь хранилась у Ф. Н. Жарковой.

Феоктисту Николаевну в апреле 1919 г. спасла Красная Армия. Она рассказала о последних минутах жизни своего друга:

— Георгий был герой, и из жизни он ушел геройски... Умирая, он спас от смерти отважную участницу подполья учительницу Зотову, выведенную тоже на расстрел. Когда они стояли под прицелом белогвардейцев, Георгий предложил по команде «пли» сгрудиться вместе. Так и сделали. Он своим телом защитил девушку, которая оказалась под убитыми. Ночью ей удалось выбраться на волю...

Рассказ Ф. Н. Жарковой дополнила томская партийная газета «Знамя революции»: 13 февраля 1920 г. она опубликовала материал о зверствах белогвардейцев под Екатеринбургом, о геройской гибели Георгия Микеладзе, Исая Нахановича, Владимира Чепалова и других большевиков.

[1] Государственный архив Свердловской области, ф. Р-313, оп. 1, д. 28.

[2] Ф. Жаркова была арестована в Томске; так же, как и Георгий и другие томские большевики, перевезена в Екатеринбург.

Александр Александрович Масленников

10 июня 1890—18 апреля 1919

Письмо из омской тюрьмы

17 апреля 1919 г.

Умирая на заре всемирной революции, мы с радостью прошли тернистый путь и отдаем свои жизни за дело. Американский рабочий класс и крестьянство уже стали понимать цели доморощенных демократов, носящихся с торбой «лиги народов», и их приспешников Гомперсов и также предъявлять свои права.

Революционное движение не оставляет Китай, Японию и Индию, где происходят восстания против власти насильников.

Мы верим, что недалек тот час, когда весь мир сольется в общей борьбе с Великой российской революцией против угнетателей и паразитов.

Мы верим, несмотря на то, что царские холопы во главе с Колчаком железом и кровью стремятся задушить малейшее проявление живого дела освобождения... Скоро кровавому владычеству будет конец.

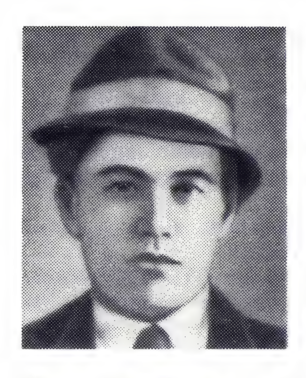
Уже сейчас вся Сибирь покрыта сетью восстаний крестьянских масс. Несмотря на дикую расправу белогвардейской сволочи, вплоть до сжигания и уничтожения целых семей, революционное движение растет все шире и шире!..

Умирая в момент напряженной борьбы рабочего класса с мировой буржуазией, зная, что через день нас уже

не будет в живых, мы с радостью умираем за рабочее дело освобождения рабочих и крестьян.

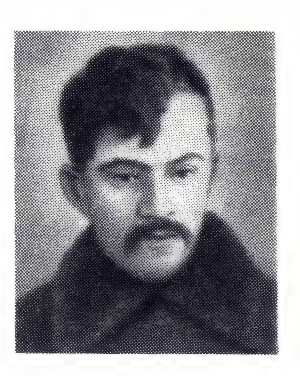
Мы знаем, что борьба требует жертв, и мы жертвуем себя: нисколько не жалеем своих жизней, ибо глубоко верим в грядущую Всемирную социалистическую революцию и в конечную победу рабочего класса...

Веря в победу пролетарской революции, мы с тем большей легкостью умираем, что чувствуем себя не в долгу у товарищей. Мы отдали все для служения великому идеалу, что могли, и даже жизнь — самое ценное.

Павел Андреевич Вавилов

12 июня 1892—18 апреля 1919

Михаил Моисеевич Рабинович

1892—18 апреля 1919

Просим товарищей не скорбеть о нашем уходе из мира сего, а просим продолжать наше будущее дело борьбы с буржуазной сволочью.

Да здравствует власть Советов!

Да здравствует Всемирная социалистическая революция!

Этих трех коммунистов свела не только смерть, не только эти строки, написанные за несколько часов до казни в колчаковском застенке. Их жизненные пути сошлись значительно раньше, еще в начале XX в., когда юношами они вступили на путь революционной борьбы с самодержавием и буржуазией. Правда, судьба каждого из них была по-своему особенной, но взгляды на жизнь у всех были едины.

Александр Александрович Масленников родился в 1890 г. в Петербурге в семье мелкого чиновника. Павел Андреевич Вавилов был сыном бедняка крестьянина из рязанской деревушки Перевлес. Михаил Моисеевич Рабинович вышел из бедной семьи, проживавшей в Екатеринославе.

В 1905—1907 гг. они впервые приняли участие в забастовках и демонстрациях. Первый из них был связан с рабочими Путиловского завода, второй работал на заводах Самары, затем Уфы, а третий в поисках работы кочевал по городам Украины и Белоруссии.

Еще студентом Петербургского университета Александр Масленников в 1909 г. вступил в ряды большевистской партии; Павел Вавилов стал членом партии в 1911 г.; Михаил Рабинович становится большевиком в 1914 г., когда попадает в ссылку в Туруханский край.

Темной осенней ночью 1910 г. Александр Масленников прямо на улице был схвачен петербургской полицией.

«...Александр Масленников является членом Петербургского комитета РСДРП,— сообщалось в департамент полиции.— Он организатор 1-го Городского района, руководитель подготовительной школы партийных пропагандистов».

Это «один из особо активных и серьезных представителей РСДРП,— читаем мы в других полицейских документах,— известен в подпольной среде как исключительно опытный и популярный пропагандист — организатор и техник» [1].

Новый, 1911 г. Александр Масленников встречает в пересыльной тюрьме, а вскоре отправляется под надзор полиции в захолустный городок Вологодской губернии. Несколько месяцев ссылки, дерзкий побег, нелегальная работа в Москве, в большевистской организации Замоскворечья.

Московская охранка, обеспокоенная ростом революционного

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 5-е дел-во, 1912 г., д. 286, л. 17 об.

движения в городе, поставила на ноги всех своих агентов. Их внимание привлек молодой рабочий по фамилии Монахов. Случайно удалось выяснить, что это и есть Александр Масленников...

Приехав в Москву, доносили местные власти в Петербург, Масленников «начал формирование партийных ячеек среди рабочих, организовывал пропагандистские кружки, устраивал неразрешенные собрания связавшихся с ним сознательных рабочих, популяризировал среди них платформу партии и, создав особую техническую группу, начал размножение на гектографе «листков» собственного сочинения, в коих в самой резкой и неуважительно-преступной форме стремился дискредитировать авторитет власти и, возбуждая в рабочей среде недовольство существующим строем, призывал недовольных к объединению под знаменем РСДРП...».

Одним из доказательств пропагандистской деятельности Масленникова служила написанная им листовка «Голод», изданная Московским комитетом РСДРП.

Следуют один за другим аресты, побеги...

В ссылке Александр близко сошелся с Яковом Свердловым и Михаилом Рабиновичем. А с Вавиловым познакомился в Самаре, куда приехал в середине 1917 г. Вавилов был членом Самарского комитета РСДРП.

В конце октября 1917 г. в Самаре состоялись новые выборы в Совет рабочих и солдатских депутатов. Председатель исполнительного комитета Совета — В. В. Куйбышев, члены исполкома — Александр Масленников и Павел Вавилов. С именами этих большевиков были связаны самые важные мероприятия Советской власти в Самаре и близлежащих к ней районах, в том числе подавление контрреволюционных мятежей кулачества и белоказаков под командованием атамана Дутова, организация первых отрядов Красной гвардии.

Летом 1918 г. в результате мятежа чехословацкого корпуса Самара оказалась в кольце врага.

Александр Масленников во главе боевой дружины рабочих сражался до последнего патрона. Так же мужественно сражался и комиссар Самаро-Златоустовской железной дороги Павел Вавилов, защищавший с отрядом железнодорожников городской вокзал.

Но силы были неравны...

Александр Масленников и Павел Вавилов были схвачены, избиты и заключены в тюрьму.

Через две недели их вместе с другими пленниками посадили в «поезд смерти» и повезли на восток, в Омск, куда они и прибыли в июле 1918 г. Друзья пытались бежать, но безуспешно и вскоре оказались в лагере для пленных.

Омские большевики приложили немало усилий, чтобы вызволить из лагеря отважных революционеров. Дерзкий план побега наконец удался, и Александр Масленников вместе с Павлом Вавиловым оказались на воле, в рядах омской партийной организации. Вскоре они стали видными руководителями подполья: А. Масленников возглавил Омский городской комитет партии, а П. Вавилов повел энергичную работу в военно-революционном штабе, созданном для руководства готовящимся восстанием.

Деятельность большевистского подполья в Сибири осуществлялась под руководством ЦК РКП(б) и его Урало-Сибирского бюро. В ноябре 1918 г. в Томске состоялась 1-я общесибирская конференция большевиков. Одним из центральных был вопрос о вооруженном выступлении против колчаковцев. На этой конференции встретились все трое: А. А. Масленников, П. А. Вавилов и М. М. Рабинович, принявшие самое активное участие в ее работе.

Подпольная конференция большевиков в принятых решениях указала, что «в настоящий момент весь рабочий класс Сибири в целом ясно понимает неизбежность и необходимость восстания пролетариата и беднейшего крестьянства для свержения буржуазной диктатуры», и наметила ряд мер по подготовке местных восстаний против колчаковского правительства.

После конференции омские большевики развернули огромную работу по мобилизации революционных сил. Масленников и Вавилов непосредственно занимались разработкой плана вооруженного восстания, назначенного на декабрь 1918 г. Рабинович выезжал в Барнаул и другие города и на железнодорожные станции, налаживая связи с подпольными группами и партизанскими отрядами.

Восстание в декабре 1918 г. было подавлено. Но поражение не могло остановить большевиков. Развернулась подготовка нового вооруженного восстания. В феврале 1919 г. выступили солдаты Ново-Николаевского полка. Одним из организаторов выступления был Павел Вавилов.

В самый разгар подготовки вооруженного восстания колчаковской контрразведке удалось арестовать значительную группу

большевиков. Масленников, Вавилов и Рабинович, избежав ареста, продолжали сплачивать силы подполья.

В конце марта 1919 г. в Омске состоялась очередная всесибирская конференция большевиков. Обобщив опыт революционной борьбы в тылу Колчака, делегаты единодушно высказались за продолжение борьбы, за объединение партизанских отрядов в более крупные соединения, за дальнейший подъем всенародной войны с белогвардейцами и оккупантами.

Конференция проходила в строгой тайне. Но едва делегаты стали разъезжаться по местам, как начались повальные аресты. Это было делом рук провокатора, затесавшегося на конференцию с подложным мандатом.

2 апреля 1919 г. в колчаковскую тюрьму попали Александр Масленников, Павел Вавилов и Михаил Рабинович. Незадолго до казни они написали публикуемое письмо.

Письмо было впервые опубликовано в заметке «Последние строчки» в газете «Советская Сибирь» 3 декабря 1919 г., через несколько дней после освобождения Омска Красной Армией. Позже это письмо в сокращении перепечатывалось в ряде сборников, в том числе в сборниках «Омские большевики в борьбе за власть Советов» (Омск, 1952, с. 178—179) и «Из истории гражданской войны в СССР» (М., 1961, т. 2, с. 273—274).

Именами погибших героев названы улицы и предприятия в ряде городов Поволжья, Урала и Сибири.

Георгий Александрович Цаголов

29 июня 1897—29 апреля 1919

Последние слова перед расстрелом

29 апреля 1919 г.

Я — идейный большевик Георгий Цаголов, сын присяжного поверенного, воспитывался в самых лучших условиях... Но, отдавшись коммунизму, я поклялся еще на гимназической скамье бороться за равенство народов. Это равенство наступит лишь тогда, когда в жизни людей проведены будут коммунистические начала, за которые борются большевики.

Раскрепощение народам дадут только они; они же раскрепостят и вас, трудовых казаков. Сейчас же вы боретесь против ваших освободителей — большевиков. Вы ослеплены мироедами-капиталистами, помещиками и вашими офицерами-белопогонниками, живущими за ваш счет и старающимися вновь поработить вас...

Прощальная записка товарищам по борьбе

29 апреля 1919 г.

На моей и на крови других товарищей-борцов будет создано коммунистическое общество.

Георгий родился в селе Ди́гора, в Северной Осетии, в семье священника. Отец пытался направить сына по своим стопам, но юноша выбрал иной путь. Как отступника от церкви, его заключили в Кизлярский монастырь, лишили книг и общения с товарищами.

С большим трудом ему удается вырваться в Москву, поступить на юридический факультет университета. В Москве он становится членом большевистской партии, выполняет поручения МК, активно участвует в Февральской буржуазно-демократической революции...

После победы Великого Октября Георгий Цаголов — адвокат и учитель — среди организаторов Советской власти в Пятигорске, Владикавказе, Очамчире. В декабре 1917 г. на краевом съезде большевиков Кавказа его избирают в краевой комитет. Георгий близко знакомится со Степаном Шаумяном, Алешей Джапаридзе, Серго Орджоникидзе и другими кавказскими большевиками.

По поручению партии возглавляет Реввоенсовет Осетии и революционные отряды по обороне Владикавказа от белогвардейцев.

...Его схватили раненым и зверски уничтожили головорезы-деникинцы.

О жизни и героической гибели Георгия Цаголова рассказали его боевые товарищи в статье «Один из организаторов Советской власти на Северном Кавказе», опубликованной в «Пролетарской революции» (1922, № 4, с. 61—66).

8 Заказ 2210

Нина
Горлина-Зубкова

1900 — апрель 1919

Записка товарищам по подполью

Апрель 1919 г.

Я хочу жить и бороться. Но жить мне не дают. Меня казнят. Знайте, товарищи, что я была и умираю революционеркой-коммунисткой...

Нина являлась активной подпольщицей во Владикавказе (ныне Орджоникидзе), захваченном бандами Деникина. Белые схватили ее в тот момент, когда она, выполняя очередное задание подпольного комитета, пробралась к вражескому эшелону, чтобы подорвать его. Нину долго пытали. Но ничто не могло сломить мужественную патриотку. Перед казнью ей удалось передать товарищам эту записку.

Записка публикуется по книге «Славные традиции» (М., 1960).

Павел Федорович Бузолин

1899—6 мая 1919

Письмо родным

6 мая 1919 г.

Шлю привет дорогим родителям, братьям, сестрам, жене и дочке. Но прошу вас: не плачьте обо мне, дорогая семья... Я гибну не за убийства, не за преступления.

Смертный приговор я выслушал спокойно и иду на казнь с открытой душой.

Трудно прожить это время. И многие положат здесь свои головы. Прощайте!

Ваш сын и брат
Павел Бузолин.

Моя могила в лесу под Челябинском.

...Простым крестьянским парнем приехал Павел Бузолин в Тюмень. В городе только что была провозглашена Советская власть. Вместе со всеми он радовался наступившим переменам в жизни, жадно впитывал в себя все новое, что его окружало.

В земельном отделе местного Совета Павел получил текст ленинского Декрета о земле, большевистские газеты и листовки и вместе с ними возвратился в родную деревню Яр, затерявшуюся среди лесов и болот.

В те дни происходили жаркие споры на сходках крестьян. В селе, несмотря на сопротивление кулаков, произошел передел земли, появились первые бедняцкие коммуны. Молодой крестьянин Павел Бузолин был в центре этих событий.

И успехи новой жизни в деревне не замедлили бы сказаться, но контрреволюционный мятеж в Сибири и Поволжье летом 1918 г. изменил все. Вскоре Тюмень оказалась в руках белогвардейцев, а затем началась мобилизация в армию новоявленного диктатора — Колчака. Не сумев избежать этой участи, Павел Бузолин решил развернуть в армии работу против колчаковцев и интервентов. За короткое время он сумел сплотить вокруг себя группу единомышленников. В части появились нелегальные листовки — дело рук мужественного солдата-большевика.

Колчаковцам удалось схватить Бузолина. Вместе с пятью другими солдатами его повели на расстрел. На опушке леса их заставили рыть для себя могилы...

Иван за несколько минут до смерти написал свое последнее письмо. Оно публиковалось в периодической печати, а также в сборнике «Бессмертие» (М., 1936, с. 12).

Саша и Кирилл

?—31 мая 1919

Записка из омской тюрьмы

31 мая 1919 г.

Умирая за социалистическое будущее, идем на эшафот в полной надежде, что мы своей смертью только подбодрим вас, товарищи, в борьбе против несправедливости и гнусности.

Мое к вам посмертное слово: бодрствуйте, не складывайте оружия. Час уже пробил...

Военная диктатура, защищающая толстые карманы богачей, неизбежно должна пасть под дружным натиском мирового пролетариата.

Мужайтесь, товарищи! Мы выбываем из ваших рядов, но эти места не должны оставаться пустыми. Нас много. Победа обеспечена за нами.

Итак, товарищи, вперед, к вооруженной борьбе!

31.V.19 г.

Фамилии героев до сих пор не удалось установить. В подполье их звали Саша и Кирилл. Это были мужественные и преданные делу партии люди.

Смерть от рук белогвардейцев оборвала светлые жизни этих замечательных молодых коммунистов.

Предсмертная записка Саши и Кирилла была впервые опубликована в газете «Советская Сибирь» 3 декабря 1919 г.

Карой Лигети

1890—2 июня 1919

Завещание

1—2 июня 1919 г.

Пусть я умру, пусть
не увижу вас;
Вперед стремитесь, красные
мадьяры,
Покамест в душах молодых
и ярых
Неукротимый пламень не погас.
Свободы не купить за грошик
медный,
В крови, в слезах — цена
ее тяжка.
Благословен, кто в битве пал
победной,
А трусов смоет времени река.
Вас ждут объятья в красном Будапеште,
Вас ждут улыбки, песни и цветы.
Прославит вас Восток, где шли вы прежде,
Весь мир людской вселенной теплоты.
Останусь я в могиле безымянной,
Но пламя сердца вам, друзья, отдам,
Чтоб, словно факел яростно-багряный,
Могучее, оно светило вам.

В последней битве буду вместе с вами,
Мадьяры, Красной Венгрии сыны!
Мы умерли отважными бойцами,
Вы воскресить нас в подвигах должны!

Эти строки были написаны по-венгерски. Венгерский коммунист-интернационалист Карой Лигети погиб, сражаясь за Советскую власть в Западной Сибири.

...Он был младшим офицером австро-венгерской армии, когда попал в плен, затем заключен в лагерь военнопленных недалеко от Омска. Довольно быстро установил связь с местными большевиками, а после Февральской революции стал руководителем всех революционно настроенных военнопленных лагеря. В середине декабря 1917 г. от имени тысяч австро-венгерских солдат и офицеров он писал в Петроград:

«В Совет Народных Комиссаров, товарищу Ленину. Товарищи, поздравляем Вас со славной победой! Товарищи, мы попали сюда еще во время низвергнутого режима, относившегося к нам крайне враждебно, так как мы могли чувствовать только ту ненависть к русскому народу, которую нам внушали в сердце наши же угнетатели. Но теперь мы уже поняли через наши страдания значение победы русского народа, и прежнее место ненависти в наших сердцах заняли любовь и сочувствие... Мы стали союзниками русской революции и идем теперь вместе с Вами. Мы не допустим, чтобы нас обманывали бывшие наши эксплуататоры... Да здравствует свободный русский народ! Да здравствует всемирная революция рабочих и крестьян! Да здравствует венгерская революция!»

В дни, когда в Сибири разгорелись бои с белогвардейцами, Карой Лигети возглавил Комитет иностранного пролетариата и продолжал вести работу среди бывших военнопленных.

В конце мая 1918 г. над Омском нависла угроза захвата частями мятежного чехословацкого корпуса.

По призыву губернского Совета и Западно-Сибирского военно-оперативного штаба на защиту Омска встали трудящиеся города. Иностранным интернационалистам выдали тысячу винтовок. «Эту тысячу винтовок,— заявили они,— мы должны использовать как следует, если хотим спасти себя и русскую революцию, которая является нашим союзником, оплотом грядущей венгерской революции...»

Под ударами превосходящих сил противника советские войска оставили Омск. У небольшого села Карташева интернационалисты попали в окружение, и Лигети, раненный в ногу, находясь без сознания, был взят в плен. Его бросили в тюрьму в Тобольске, а затем перевезли в Омск, где подвергли допросам и пыткам.

В тюрьме, несмотря на строгий режим, частые допросы, Лигети сумел связаться с другими политическими заключенными, а также с интернационалистами, действовавшими в городе.

После неудавшейся попытки побега мужественного венгра-интернационалиста посадили в одиночку. Однажды к нему явился подполковник, начальник контрразведки.

— Мы могли бы выпустить тебя на свободу,— сказал он,— беги в Тюмень, проникни в штаб красных и сделай так, чтобы гарнизон был разоружен.

Лигети поднялся с нар, близко подошел к контрразведчику и стоявшим за ним другим офицерам.

— Ты нам не веришь? Иди хоть сейчас. Только оставь свою жену в залог.

В ответ Лигети дал подполковнику пощечину.

Что произошло потом, он не помнил. Все тело ныло, в глазах стояли круги. В мозгу проносились отрывочные мысли... Я правильно сделал, правильно... Если бы бежал и не вернулся обратно? Нет, моим ответом могла быть только пощечина... Пусть знают, что для нас, дерущихся под знаменем партии коммунистов, невозможна не только измена, а и сама мысль о ней...

22 декабря 1918 г. по сигналу Омского военно-революционного комитета восстали рабочие. Их попытки освободить из тюрьмы заключенных, в том числе Кароя Лигети, оказались безуспешными.

Кароя Лигети расстреляли 2 июня 1919 г., когда на его родине развевались красные знамена Венгерской Советской республики, а Красная Армия в России одерживала на фронтах гражданской войны одну победу за другой. Лигети умер с верой в победу дела революции, этим были пронизаны его последние мысли, об этом же говорит его стихотворение, написанное накануне казни.

Имя Кароя Лигети стало легендарным, о нем написаны книги. Предсмертное стихотворение, впервые опубликованное 28 февраля 1920 г. в венгерской газете в Иркутске, помещено во многих изданиях, в частности, в книге «Братья по оружию» (М., 1960, с. 105—110).

Марк Семенович Никифоров

1888—2 июня 1919

Записка из застенка омской тюрьмы

2 июня 1919 г.

Товарищи!

Вчера, в 12 часов ночи, увели на расстрел пять наших товарищей. Мы — еще трое мужчин и три женщины — остались. Сегодня и нас увезут. Подлые они трусы! Даже расстреливать всех вместе трусят. Выводят небольшими партиями.

Товарищи, мы погибаем с надеждой на победу. Они захлебнутся в нашей крови.

2—VI *Никифоров.*

Трудный жизненный путь прошел Марк Семенович Никифоров. Рано начал свою трудовую деятельность. Его рабочим университетом были главные железнодорожные мастерские в Омске.

Вынужденный эмигрировать в Америку, ни на минуту не забывал о товарищах, боровшихся против царского самодержавия. Вернулся Никифоров в Россию только в 1917 г. По заданию партии в 1917—1918 гг. работал в партийных организациях Дальнего Востока, сражался против белогвардейцев и интервентов.

В марте 1919 г. он становится одним из организаторов омского подполья.

Контрразведке удалось напасть на след Никифорова. 22 апреля его арестовали, а затем — после долгих пыток — расстреляли.

Записка впервые была напечатана 3 декабря 1919 г. в газете «Советская Сибирь».

Иван Афанасьевич Бутин

1888—17 июня 1919

Письмо родным и товарищам

16 июня 1919 г.

Милые, дорогие, все мои родные и товарищи!

Вне всякого сомнения сегодня я буду убит без всякого «суда и следствия». По-видимому, даже в[оенно]*-п*[олевой] *«суд» для меня в Чите не назначен. Ну, что же?*

Прощайте, прощайте, милые. Конец! Я совершенно спокоен. Смотрю в последний раз на заходящее солнце и благословляю жизнь — да, даже эту кошмарную жизнь этого времени. Знаю, глубоко верю, что она будет такой же яркой и светлой, как это солнышко.

Завещаю всем не грустить по мне, а мужественно бороться до заветного конца. Обнимаю всех и крепко-крепко целую.

Весь ваш Иван.

16 июня 1919 г.

Ивану Бутину было 20 лет, когда царская охранка первый раз арестовала его за принадлежность к организации социал-демократов большевиков. А через год, в 1909 г., продержав в «Крестах» — одной из страшных тюрем Петербурга, отправила в сибирскую ссылку.

Суровая жизнь ссыльнопоселенца в Сибири, общение с другими революционерами стали для молодого большевика хорошей школой возмужания и идейной закалки.

Иван Афанасьевич был прирожденным чтецом и талантливым поэтом. Стихи его, по свидетельству современников, были глубоко гражданственны и вместе с тем лиричны. Но они, к сожалению, до нас не дошли.

В бурный революционный 1917 г. Иван Бутин — в самой гуще политических событий в Чите.

В марте 1918 г. участвует в работе съезда представителей трудящихся Забайкалья; избирается членом Забайкальского областного исполнительного комитета, а затем становится его председателем.

Летом 1918 г., когда отряды белогвардейцев и белочешских мятежников повели наступление на Читу, Иван Бутин — один из организаторов обороны города. С оружием в руках, отстреливаясь, он последним покидает Читу и переходит на нелегальное положение.

Семеновская контрразведка долго охотилась за неуловимым подпольщиком. Ивана Афанасьевича схватили в начале 1919 г. в дальневосточном городе Благовещенске. Заковали в кандалы и заключили в Макавеевский застенок под Читой, через который прошло уже немало осужденных на смерть коммунистов.

Бутина, как и остальных заключенных-большевиков, морили голодом, били, жгли раскаленным железом. Иван мужественно перенес все издевательства и пытки до конца.

В жаркий июньский день 1919 г. его казнили.

Незадолго до казни Иван Афанасьевич написал прощальное письмо.

Где похоронен герой, неизвестно. Предполагают, что семеновцы сожгли его живым в топке паровоза.

В 1920 г. в Благовещенске вышла книга «Красная Голгофа», в которой приводится предсмертное письмо И. А. Бутина.

Виктор Гепп

1902—30 июня 1919

Письмо товарищам из златоустовской тюрьмы

Конец мая 1919 г. [1]

Здравствуйте все!

Вследствие движения фронта, возможно, что мы будем эвакуированы...

Смертной казни мне, как несовершеннолетнему, не будет, а потому прошу и умоляю: не беспокойтесь, помня, что здоров телом, а особенно духом. В первый день, 18 мая, «культурные» люди в числе всех пороли и меня. Но пора придет, она уже близко. В тюрьме же живется ничего, сносно, получаю 2 раза суп и 1,5 фунта приличного хлеба.

Пришлите с деньгами письмо и карандашик, напишите, где фронт, и новости. С надзирателем расплачусь сам. Об отправке не думайте, возможно, не будет, это просто на всякий случай. Не беспокойтесь, помните, что сейчас страдает весь мир и что я иду бодро. Кланяйтесь Феде, слухам не верьте.

Еще раз прошу: не беспокойтесь. Деньги, подушку и одеяло возьмите обязательно, а то пропадут.

Безумству храбрых пою я славу!

Спасибо.

Виктор.

[1] Датируется по содержанию письма.

Страницы последних писем Виктора Геппа.

Письма матери

Июнь 1919 г.

Здравствуй, мама!

Я уже писал тебе, чтобы ты не беспокоилась обо мне, плюнула на все, и только. Ведь пойми же наконец, что своим плаканьем, стоянием у тюрьмы ты делу не поможешь, а потому должна махнуть на все рукой, дожидаться приговора. Вчера около 12 часов был суд в составе 5 человек, среди которых был и сербский офицер, сегодня или завтра будет объявлен приговор, что будет — не знаю...

Сижу сейчас с Теплоуховым, Пролубниковым и Белоусовым. Живем ничего, хорошо, не заботясь о том, что будет, не думаем, что советую и тебе. Не беспокойся, покорись судьбе.

Пока до свидания.

В. Гепп.

Не позднее 30 июня 1919 г.

Здравствуй, мама!

Ты, наверное, с часу на час ждешь, что я напишу, какой получил приговор, но оказалось, что я и сам-то его не знаю. Почему так — не знаю, скажу лишь то, что после того, как приговор в суде был вынесен, нас, ничего не сказав, разместили по одному в 3 одиночках. Сначала после суда я с большим напряжением ждал, что вынесет он, но теперь не беспокоюсь, потому что, по моему мнению, мне может быть лишь два приговора: каторга или, что я все же не жду, расстрел. Как к тому, так и к другому отношусь хладнокровно, ибо чувствую себя правым перед своей совестью, а это ведь самое главное. Мое сообщение является не фактом, а лишь личным предположением, так что ты ему не придавай серьезного значения.

Обо мне не беспокойся; если узнаешь приговор, то, какой бы он ни был, сообщи мне, если будет возможно. Белья не надо много, пишу осколком карандаша, так как очинить нечем.

Кланяйся всем своим и знакомым...

Виктор.

Еще учеником реального училища Виктор Гепп участвовал в революционных событиях в конце 1917 — начале 1918 г. Затем стал признанным вожаком Союза рабочей молодежи в Златоусте. Его хорошо знали в большевистской организации. Под руководством И. В. Теплоухова — секретаря подпольного партийного комитета — он выполняет ответственные задания по вовлечению рабочей молодежи в подпольную работу. Комитет организовал нелегальную типографию, доставал оружие, вел разведку, поддерживал связи с партизанскими отрядами, распространял листовки, вел революционную агитацию среди рабочих, участвовал в подготовке вооруженных выступлений против белогвардейцев.

В начале мая 1919 г. И. В. Теплоухов, Виктор Гепп, Ф. М. Белоусов, Пролубников, Шилов, Уткин и другие попали в руки белогвардейцев.

Полтора месяца длились пытки. Ослабленный побоями и издевательствами, Виктор находил в себе мужество писать на волю полные оптимизма записки и письма. 30 июня в лесу за тюрьмой белогвардейцы расправились с бесстрашными коммунистами. Среди 27 расстрелянных был и Виктор Гепп.

Письма Виктора Геппа хранятся в филиале Государственного архива Челябинской области в Златоусте (ф. 208, оп. 1, д. 9, л. 189—194). Их последняя публикация сделана в сборнике «Гражданская война на Южном Урале. 1918—1919 гг.» (Челябинск, 1962, с. 294—298).

Маргарита Костяновская

1897—4 августа 1919

Письмо любимому из омской тюрьмы

Не позднее 4 августа 1919 г. [1]

Дорогой Наум!

Пишу тебе последнее письмо. Дорогой, знай, что я умираю, как и подобает революционеру, без страха и с верой в будущее, что через несколько дней над всеми вами засияет знамя коммунизма, это долгожданное знамя, за которое мы умираем.

Я уверена, что ни одна жизнь, ни одна капля крови павших борцов за свободу не пропадет даром.

Меня, дорогой, не жалей и только продолжай то дело, за которое я умираю. Я жалею, что слишком мало сделала до сих пор, но этого не вернешь. Если бы мне пришлось жить снова, то я бы сделала гораздо больше.

Итак, дорогой, прощай!..

Прощайте все.

Целую вас всех крепко, крепко.

Ваша Рита.

[1] 4 августа 1919 г. М. А. Костяновская была расстреляна.

Письмо тете

Не позднее 4 августа 1919 г.

Дорогая Марьяся!

Пишу тебе последнее, прощальное письмо. Через несколько часов меня расстреляют. Дорогая, не плачь и забудь меня. Я знаю, что я этим тебе много горя принесу, но ты не сердись на меня.

Другой я не могла быть, я умираю за правду и потому нисколько не унываю.

Дорогая, тебе, наверное, известно, что теперь расстреливают людей тысячами, и самых лучших борцов за свободу, я лично сделала очень мало, казалось бы, что не должны меня расстрелять, но, как видишь, так хочется палачам.

Прощай и прости; еще раз прошу тебя: забудь меня. Поцелуй за меня всех моих родных. Если они люди сознательные, то они не будут меня обвинять.

Это был мой идеал, за который я и умираю. Целую тебя много раз.

Коммунистка Рита Костяновская.

Письмо братьям и сестрам

4 августа 1919 г.

Дорогие братья и сестры!

Я умираю. Прощайте все. Я думаю, что вы меня поймете и не осудите. Ведь вы — бедняки рабочие, и вы должны меня понять.

Ваша сестра Рита.

Рита Костяновская погибла летом 1919 г. от рук белогвардейских палачей в Омске, куда она приехала по заданию большевистского подполья из Челябинска. Свою судьбу с большевиками связала в октябрьские дни 1917 г.

Рита Костяновская вела на первый взгляд скромную работу: организовывала деятельность Красного Креста. Но это означало — вовремя оказать помощь преследуемым подпольщикам, снабдить их деньгами, надежными явками, паспортами.

В самый разгар подготовки вооруженного восстания колчаковская контрразведка начала аресты подпольщиков.

Пренебрегая опасностью, Рита пробирается через белогвардейские патрули, едет в другие города Урала, предупреждая большевиков о провале в Челябинске.

В апреле 1919 г. М. Костяновская попала в руки омской контрразведки. В тюрьме, куда ее тут же доставили, начались допросы и очные ставки с арестованными. Вскоре личность задержанной была установлена, а затем из Челябинска поступили сведения о ее активной подпольной деятельности.

В тюрьме Рита написала несколько писем и записок своим родным и товарищам по борьбе.

4 августа, на рассвете, колчаковские офицеры расстреляли коммунистку.

Публикуемые письма помещены в сборнике «Гражданская война на Южном Урале» (Челябинск, 1962, с. 258—259).

Уллубий Даниялович Буйнакский

27 августа 1890 — 16 августа 1919

Письма любимой из порт-петровской тюрьмы

18 июля 1919 г.

Дорогая Тату!

Вчера и сегодня мы получили массу сведений из газет и записками. Все это так радостно, что все начинаешь забывать!

Харьков пал, идет бой за овладение Екатеринославом, Ашхабад пал, идет наступление на Красноводск; Колчак, разбиваемый повсюду, отступает в беспорядке, есть даже слух, что он застрелился, дабы не попасть в плен; наши подошли к Златоусту.

Началось революционное движение в Италии и Франции; английские рабочие решительно высказались против вмешательства в наши российские дела. Ну как при этом не радоваться?

О Тату, милая, если бы Вы знали, как хочется выйти на свободу и работать, работать и работать. В такой великий момент быть вдали от всего — как ужасно!..

Так дольше не может продолжаться: или пан, или пропал; сделаю все, чтобы вырваться из мешка каменного. Охрана для нашей камеры специальная — это сильно мешает. Да! Ведь получил весточку и о дженгутаевском деле! Отлично! Первый удар — первая удача! Это замечательно, это придаст неслыханную бодрость нашим и опустит в воду врагов.

Что делается у вас в Шуре[1]*? Будет ли столкновение?..*

Пишу к тебе каждый день, не всегда удается послать, а потому приходится несколько писем посылать сразу. Дорогая, постарайся написать.

Уллубий.

Начало августа 1919 г.

Дорогая Тату!

Разреши напоследок назвать тебя на ты, ведь мы до сих пор были на вы. Я старался, как мог, пройти свой недлинный жизненный путь. Никто не скажет, не смеет сказать, что я был нечестен и т. д., не смеет меня поносить. Этого вполне для меня достаточно. Какова была моя жизнь? Поверь мне, не видел я радостей с самых малых лет; и вот теперь, оказывается, на закате я нашел себе солнце, улыбнулось мне ясное, чистое небо, и эта улыбка была твоя. Да, твои дивные глаза говорили, чтобы я шел радостно и смело, что отныне имею милое, дорогое существо. Ты очень хорошо на мое письмо ответила: «Ведь я люблю Вас». Этого мне достаточно, я счастлив с той минуты. Но разлука, и вечная, так скоро нас с тобой настигла! Зачем? Не судьба!

Будь ты смела и решительна, как всегда. Посуди, молодость, обновляющаяся жизнь, мировая борьба в разгаре; запомни, что на мне свет клином не сошелся! Будь тверда и с гордо поднятой, чудной своей головой шагай к светлому будущему, ведь в нем бездна возможностей. Если ты меня любишь всей душой, не проливай ни единой слезы — пусть злые вороги не надсмеются. Если ты меня любишь всеми своими помыслами, не опускай долу глаз своих, пусть никто из них не заметит твоей слабости, напротив — пусть каждый встретит молнию в твоих глазах и заерзает, как преступник.

[1] То есть в Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск).

Адвокат говорил, что я могу подать прошение. Милая Татуша, я подам прошение? Да никогда! Ты бы тогда не признала во мне Уллубия. Жаль остальных товарищей; их напрасно со мной связали...

Итак, милая, смотри вперед и живи на благо нашего народа, который ты так любишь. Не делай никаких глупостей. Ну, прощай, целую далеким и таким близким поцелуем...

Люби, милая Тату, и мою дорогу.

Твой Уллубий.

16 августа 1919 г.

Дорогая Тату!

Пишу в Петр[*овске*]*, на станции, в вагоне. Могу быть расстрелян, ничуть не боюсь. Я Вас люблю.*

Уллубий.

Последние слова, сказанные карателям-судьям

Не позднее 16 августа 1919 г.

В своем показании на предварительном следствии я уже говорил, что принадлежу к коммунистам и работал для передачи власти трудовому народу.

Быть может, суду интересно, почему я примкнул к коммунистам. В течение веков мы наблюдаем, что мысль человеческая работает в одном направлении, в развитии социальных и национальных вопросов... В настоящее время социально-экономические вопросы приходится сочетать с национальными. Национальные вопросы в России зачастую разрешались погромами и резней, и потому-то мне, работающему в Дагестане над созданием федерации горских народов на платформе Советской власти, приходилось все время лавировать среди подобных явлений; останавливаться на паллиативных мерах не представлялось возможным. Мысль беспрестанно работает и чего-то ищет. На вопрос о конечной

победе с разных точек зрения смотрят различно. Мое личное мнение, что власть трудового народа в конечном итоге восторжествует...

Вы расстреляете меня и еще тысячу подобных мне, но ту идею, которая живет уже в нашем народе, ее вы не сумеете расстрелять... Я твердо убежден в победе Советской власти и Коммунистической партии и готов умереть за их торжество...

Имя Уллубия Буйнакского широко известно. Этого видного дагестанского коммуниста знал Ленин. Уллубий рано встал на революционный путь. За участие в революционном движении в 1905—1907 гг. его исключили из гимназии, а в феврале 1911 г. и из Московского университета. К тому времени Уллубий Буйнакский уже являлся членом большевистской партии и выполнял поручения МК РСДРП.

Лишенный возможности учиться в высшем учебном заведении, он усиленно занимается самообразованием, читает Маркса, Ленина, Плеханова, изучает иностранный язык.

Начитанность Уллубия, его высокая образованность и серьезная теоретическая подготовка выдвигали его в ряды видных партийных пропагандистов. Именно ему поручалось писать тексты листовок, переводить нелегальную русскую литературу, выступать на собраниях и вести просветительную работу среди молодежи.

В дни борьбы трудящихся за Советскую власть Уллубий Буйнакский стал признанным вожаком бедняков Дагестана, которые избрали его первым руководителем Дагестанского военно-революционного комитета. А когда в Дагестан ворвались интервенты и Советская власть там пала, Уллубий, работавший в Наркомате по делам национальностей, добивается назначения в тыл деникинских армий, туда, где в подполье сражались его боевые соратники. В 1919 г. он прибывает в Астрахань, где встречается с С. М. Кировым — руководителем революционной борьбы трудящихся Северного Кавказа. Уллубий формирует революционный Дагестанский конный полк, ведет его на прорыв фронта белых. Прорыв осуществляется успешно...

Перейдя линию Северо-Кавказского фронта, Уллубий Буйнакский останавливается в небольшом местечке Кумторкала, в 20 ки-

лометрах от Порт-Петровска (ныне г. Махачкала), налаживает связи с местными подпольщиками, организуя прежде всего военно-политическую работу.

В разгар подготовки вооруженного восстания против белогвардейщины Уллубий попадает в руки врагов. Это случилось 13 мая 1919 г.

В белогвардейском застенке Порт-Петровска Уллубий написал несколько писем любимой девушке Тату Булач, ставшей его соратницей по общему революционному делу.

Белогвардейская контрразведка и главный военно-шариатский суд решили придать расправе над арестованными коммунистами «законную» форму. Уллубия Буйнакского и его товарищей дагестанцев предали военно-шариатскому суду, а русских коммунистов — военному суду деникинцев.

«Уллубий Буйнакский,— читаем в судебном протоколе,— показал, что он принадлежит к партии коммунистов и работает в Дагестане в интересах Советской власти. Работа его состоит в том, чтобы передать власть в руки трудового народа. С этой целью он и другие, которых он назвать отказывается, ведут пропаганду в аулах и городах, попутно ведя запись в Красную Армию, которая должна быть правильно организована. Он старается привлечь в свои ряды интеллигентных гражданских и военных лиц, тем более что в России произошел переворот в интеллигентских кругах в пользу Советской власти.

В Темир-Хан-Шуру он прибыл из России и составил комитет Коммунистической партии, ближайшая задача которого — свергнуть власть горского правительства и составить федерацию горских народов на платформе Советской власти. В победу Советской власти он верит абсолютно, ибо видит это на фронтах в России» [1].

Из речи прокурора: «Самая крупная личность в процессе — Уллубий Буйнакский».

16 августа 1919 г. Уллубий Буйнакский был расстрелян в степи недалеко от станции Темиргое.

Письма героя, сбереженные Т. Булач, в копиях хранятся в Центральном государственном архиве Дагестанской АССР, в фонде 535-р, и публиковались в журнале «Исторический архив» (1960, № 4).

[1] ЦГА Дагестанской АССР, ф. 535, оп. 1, д. 14, л. 23, 27, 38.

Дмитрий Спиридонович Самохвалов

1890 — 16 августа 1919

Письма жене из тюрьмы

3 августа 1919 г.

Лида!

Сегодня меня везут в Ачинск. Судя по тому, как поступили с первой партией, мы ждем, что и с нами будет то же.

Быть может, я больше не увижу ни тебя, ни детей; быть может, перед смертью мне не удастся написать тебе. Пусть это письмо отчасти заменит тебе наше последнее прощание.

Но увидеться, пожалуй, не удастся. Прости же все, моя дорогая, и не поминай лихом. Хоть и очень хочется еще жить, но смерти я не боюсь и надеюсь, что у меня хватит вполне мужества смело и прямо взглянуть в лицо смерти. За себя я совершенно спокоен. Для меня с прекращением жизни кончается все. А вот за вас, мои дорогие, болею душой. Что будет с вами? Что ждет вас? Как ты, Лидочка, справишься с теми задачами, которые падают теперь на одну тебя? Трудно будет тебе, но не падай духом, моя дорогая, и береги себя для детей.

Прости и прощай. Последняя моя мысль будет о тебе и детях.

Мысленно целую вас всех.

Твой Дмитрий.

Не позднее 16 августа 1919 г.

Дорогая Лидочка!

После сегодняшнего свидания я стал почти совсем спокоен. Это не потому, что я верю в возможность счастливого для меня исхода. Нет, в это я почти совсем не верю. Но я рад, моя дорогая, что ты стала сравнительно спокойнее, что у тебя не стало на лице того выражения ужаса, которое было в день приговора. Как я боялся за тебя. И, признаюсь, Лидочка, теперь еще боюсь за тебя. Боюсь, что у тебя не хватит силы воли с достаточным мужеством перенести мою смерть. Крепись, моя родная, помни, что у тебя на руках наши дети и ты обязана беречь себя для них. За себя я теперь нисколько не беспокоюсь... У меня с избытком хватит мужества умереть с достоинством.

Правда, хотелось бы пожить еще, ведь много еще не изжитых сил... Пусть мысль о том, что я жил и умер человеком, что я никогда не вступал в сделку со своей совестью, укрепит тебя в трудную минуту. Да, я, будучи человеком, возможно, заблуждался. Но я никогда не был подлецом, и краснеть за меня тебе ни при каких обстоятельствах не придется. Мне кажется, что это обстоятельство и делает последние часы моей жизни такими легкими. Кроме того, в общем потоке человеческого горя, протекающем в настоящее время, моя личная трагедия кажется такой маленькой, маленькой, что уделять ей слишком много внимания не следует.

Твой Дмитрий.

Сегодня опять дают свидание. Мы это понимаем как последнее прощание. Хотел я много тебе написать, но, очевидно, не успею. Прощай же, моя дорогая. Береги детей. А когда они подрастут, тогда скажи им, кто был их отец...

Крепко целую вас всех. Дмитрий.

Детские и юношеские годы Дмитрия Самохвалова прошли на хуторах Таганрогского округа.

Судьба свела его с большевиком П. Г. Полторацким [1] — членом городского подпольного комитета РСДРП и активным корреспондентом большевистской «Правды».

За связи с подпольщиками Дмитрия дважды арестовывали.

В годы революционного подъема Дмитрий Спиридонович — один из активных организаторов рабочих выступлений. Его имя часто упоминается в документах охранки. В 1914 г. департамент полиции составил справку. В ней читаем такие строки: «Ростовская на Дону группа РСДРП во главе с Самохваловым, сорганизовав кружки по разным ремесленным предприятиям, создала центр группы из кружковых представителей, которые, руководя действиями группы и стремясь к активному проявлению своего существования, избрали на целом ряде собраний комиссии: страховую, больничных касс, литературную, исполнительную и т. д.

Кроме того, группою намечен был ряд забастовок: в память Ленских событий, в ознаменование Дня рабочей печати и дня Первого мая.

Вместе с тем группою предположено было войти в сношения с иногородними партийными организациями.

Во главе этой группы стоял, как указано выше, Самохвалов, который принимал участие в ряде партийных собраний в первой половине текущего года, собирал деньги на рабочую газету [2], состоял членом комиссии, заведовавшей технической частью группы, и вообще принимал выдающееся участие в деятельности этой группы...» [3]

В апреле 1914 г. его вновь арестовали и сослали в Енисейскую губернию на три года.

Здесь и застала Самохвалова Октябрьская революция...

Дмитрия Спиридоновича избирают в исполком Ачинского Совета. По заданию городского комитета партии он активно работал в тылу Колчака, пока не был схвачен контрразведкой.

Предсмертные письма героя были обнаружены в Государственном архиве Ростовской области. При помощи дочери Дмитрия Спиридоновича — Валентины Дмитриевны опубликованы в журнале «Дон» № 6 за 1963 г.

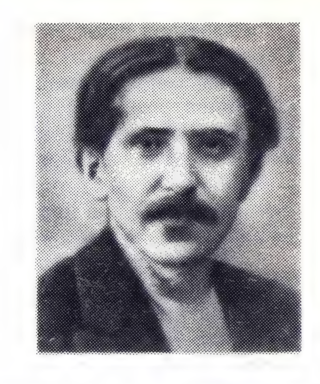
[1] См. с. 128.

[2] То есть на «Правду».

[3] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 5-е дел-во, 1914 г., д. 312, ч. 2, л. 3 и об.

Александр Александрович Вермишев

29 августа 1879—31 августа 1919

Записка двоюродному брату А. Патватканову перед уходом на фронт

Середина мая 1919 г.

Оставаясь в тылу, продолжай свою полезную работу с полной уверенностью, что каждая вывезенная тобой тачка мусора является одним из кирпичей великой постройки рабоче-крестьянского всемирного дворца.

Пусть каждый трудится по мере сил и разумению своему.

Да здравствует каждый честный сотрудник Советской власти! Смерть белогвардейцам и всем паразитам!

Если мне не суждено увидеть Кавказ, передай нашим, что я до последних минут не изменю идеалам далекой юности.

Александр.

Александр Александрович Вермишев прожил яркую, героическую жизнь...

В годы гражданской войны политработник, он был известен как автор пьесы «Красная правда», которую написал в 1919 г.

С рукописью, рассказывающей о героических буднях гражданской войны, были знакомы А. М. Горький, А. В. Луначарский. Драгоценно документальное свидетельство о том, что пьесу читал В. И. Ленин. «Нужна для народной гущи как агитационная вещь» [1] — такова оценка вождя.

[1] См.: Советская Башкирия (Уфа), 1970, 24 мая.

«Красную правду» с успехом ставили в Москве, Петрограде, Саратове, во многих других городах, во фронтовых агиттеатрах.

Александр Вермишев приехал на Южный фронт с мандатом «организатора Советской власти на Дону» и уполномоченного ЦК РКП(б) при Донкоме РКП(б). В штабе фронта заполнил, как и другие прибывавшие коммунисты, специальную анкету: родился в Петербурге, закончил юридический факультет университета, с 1903 г. в партии, неоднократно арестовывался, имел две ссылки, был боевиком в 1905—1907 гг., сидел в «Крестах».

...Царская полиция начала преследовать Александра с 1902 г. Еще студентом он вел нелегальную работу в кружках мастеровых Путиловского завода, среди железнодорожников Николаевского вокзала; участвовал в составлении и распространении социал-демократических листовок и марксистской литературы. После одного из арестов его выслали в Тифлис.

В одном из донесений департамента полиции сообщалось: «Студент С.-Петербургского университета Александр Александров Вермишов (так в документе.— *В. К.*) обыскан и арестован 14-го сего декабря 1905 г., так как, по агентурным данным, он вел противоправительственную пропаганду среди рабочих...» [1]

На Кавказе после долгих хлопот ему удается устроиться репортером местной газеты. Это был период активной творческой деятельности Александра.

Александр — непременный участник нелегальных сходок, выполняет поручения кавказских большевистских организаций, участвует в пропаганде революционных идей, передовых традиций русской и кавказской литератур.

В 1912 г.— он в Петербурге, в качестве присяжного поверенного выигрывает ряд судебных процессов, приглашается в думские консультанты по искам рабочих к предпринимателям. Вермишев продолжает нелегальную работу, поддерживает тесные связи с большевистской фракцией Думы, встречается с ее председателем А. Е. Бадаевым.

В феврале 1917 г. во главе рабочего отряда арестовывает и разоружает полицейских чинов, организует выпуск большевистских воззваний. 3 апреля на Финляндском вокзале встречает В. И. Ленина. Его избирают в исполком Петросовета, в Петроградский комитет РСДРП(б). В Октябрьские дни — комиссар ВРК.

[1] ЦГАОР СССР, ф. ДП, 7-е дел-во, 1905 г., д. 4672, л. 1—2.

Уходя на фронт, Вермишев понимал, что может не вернуться. Он пишет жене на своей последней фотографии: «Каждое утро и вечер показывай папу моему мальчику и не забывай меня». В те же дни были написаны и обращенные к брату строки...

Под Ельцом 31 августа 1919 г. во время одной из схваток с мамонтовцами раненого комиссара Вермишева пленили белоказаки. От боли он терял сознание. А когда приходил в себя, молчал, сдерживая стоны. Его зверски убили...

О славном комиссаре написаны книги, очерки, статьи (см.: *Дубинская А.* Быль о легендарном комиссаре. М., 1968; Человеку и пароходу.— Советская Башкирия, 1970, 24 мая; Комиссар из легенды.— Советская культура, 1979, 28 августа; и др.). Его сын А. А. Вермишев собрал ценную коллекцию документов, материалов, фотографий, книг об отце. Именем Вермишева названы улицы, пароходы, клубы, Дома культуры. Изданы его произведения. В Ельце ему установлен памятник.

Никифор Васильевич Левачев

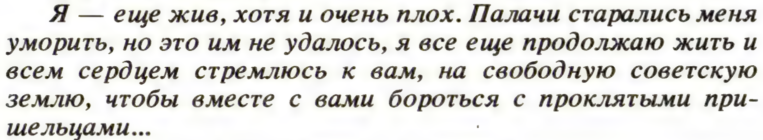
12 марта 1896—9 сентября 1919

Последнее письмо товарищам из архангельского белогвардейского застенка

8 сентября 1919 г.

Дорогие товарищи!

Я — еще жив, хотя и очень плох. Палачи старались меня уморить, но это им не удалось, я все еще продолжаю жить и всем сердцем стремлюсь к вам, на свободную советскую землю, чтобы вместе с вами бороться с проклятыми пришельцами...

Я — еще жив и надеюсь на встречу.

Ваш Никифор Левачев.

Крестьянский сын Никифор Левачев в 16 лет пришел в Архангельск. Устроился на местный лесопильный завод. Первую получку — 8 рублей переслал домой, а на рубль купил впервые в своей жизни книги.

Весной 1912 г. в знак протеста против расстрела рабочих на Ленских приисках лесопильщики Архангельска вышли на демонстрацию под красным знаменем. В первых рядах шагал Никифор. Затем — арест, высылка из Архангельска под надзор полиции. Но не прошло и полугода, как Никифора снова арестовали — на сей раз за участие в нелегальной сходке большевиков; почти год отсидел он в губернской тюрьме...

Устроиться на работу неблагонадежному оказалось сложно: с трудом нашелся лишь временный заработок. Проведенный вскоре обыск на квартире Левачева дал в руки полиции новые улики

против него. «Целый ряд преступного содержания книг, возбуждающих к ниспровержению существующего в России государственного строя» — так было зафиксировано в донесении жандармов, производивших обыск. В наказание — снова губернская тюрьма и предписание «выслать под надзор полиции в Шенкурск на два года».

После февраля 1917 г. Никифор Левачев — постоянно среди рабочих родного Архангельска. Его знали во всех уголках города как пламенного агитатора и оратора.

Н. В. Левачев избирается вожаком профсоюза лесопромышленных рабочих Архангельска — самого крупного в городе. По его инициативе на лесопильных заводах с весны 1917 г. началось создание первых отрядов Красной гвардии, массовое вооружение рабочих.

Избранный в состав исполкома Архангельского Совета, Никифор Васильевич и здесь проявил свой бойцовский характер — не упускал ни одного случая для разоблачения контрреволюционных махинаций эсеро-меньшевистских деятелей Совета. Когда они протащили решение о запрещении продолжать вооружение рабочих, он выступил с резким протестом и заявил, что доставал и будет доставать оружие для рабочих, следуя примеру Питера и Москвы, где назревают «важные революционные перемены».

После Октября на север России, где еще не до конца были сломлены силы контрреволюции, устремили свои взгляды иностранные интервенты: вкупе с внутренней контрреволюцией они надеялись быстрее задушить Советское государство.

2 августа 1918 г. город был захвачен английскими, американскими и французскими интервентами. Опасаясь активизации действий большевиков, они немедленно приступили к арестам «смутьянов». Одним из первых был схвачен Н. В. Левачев. Это вызвало волну протеста среди трудящихся. Рабочие завода Кыркалова предъявили оккупантам коллективный ультиматум, угрожая забастовкой. Чтобы избежать конфликта, арестованного тайно вывезли из города на остров Мудьюг, превращенный в концентрационный лагерь. Здесь томились многие революционеры.

Узники Мудьюга мужественно переносили голод и жажду, допросы и пытки. Но и здесь они не прекращали сопротивления, вели тайную подготовку к восстанию. Среди организаторов коллективного выступления были Н. В. Левачев, еще несколько стойких товарищей. Восстание было назначено на 15 сентября 1918 г.

В этот день на остров должны были прибыть крестьянские баркасы с сеном и продовольствием, а в охрану заступить русские солдаты, сочувствующие революционерам. К сожалению, восстание было жестоко подавлено. Обезоруженного Левачева, избитого и измученного, бросили в полузатопленный карцер. Зимой более 60 суток продержали в ледяном карцере...

Ничто не сломило волю большевика. Тогда тюремщики перевезли его в Архангельск, передали в белогвардейскую контрразведку.

Всего за несколько часов до смерти, в предчувствии своего последнего часа, Никифор Васильевич сумел передать небольшую весточку на волю. В ночь на 9 сентября 1919 г. его расстреляли на окраине Архангельска, на Мхах, где в советское время установили памятные обелиски в честь погибших здесь борцов за рабочее дело.

Последнее, прощальное, письмо Н. В. Левачева хранится в Партийном архиве Архангельского обкома КПСС, оно публиковалось в книге «Незабываемые имена», Архангельск, 1967. Именем героя названа одна из улиц Архангельска.

Асланбек Шерипов

Март 1897—11 сентября 1919

Из письма невесте

Начало июля 1918 г.

Ваши справедливые и вполне возможные предсказания и мрачные перспективы меня не испугают. Я уже поставил свою голову на карту и единственно, что я хочу,— это не пролить братской крови и не пасть от братской руки. Чем все это кончится, не знаю, но отойти в сторону и оказаться безучастным зрителем событий, имеющих решающее значение для нашей Родины, я не могу и не хочу самым категорическим образом.

Остаюсь

Ваш Асланбек Шерипов.

Заявление о вступлении в ряды большевистской партии

15 июля 1918 г.

Я знаю, что с оставлением Грозного и других городов Северного Кавказа Советская власть не ликвидируется, и я глубоко верю в победу Советской власти.

Я прошу принять меня в Коммунистическую партию большевиков, в рядах которой буду бороться против контрреволюционной армии Деникина за Советскую власть. Клянусь, я отдам свою жизнь на дело Октябрьской революции.

Асланбек Шерипов.

Последнее письмо-обращение [1]

10 сентября 1919 г.

Солдатам Воздвиженского гарнизона!

Тов. солдаты. Опомнитесь!

Контрреволюция Деникина и казаков ведет вас на борьбу с красными чеченцами и вашими братьями-красноармейцами.

Вашей кровью враги революции хотят залить революцию и ее завоевания.

На всех фронтах Советские войска гонят казаков. В Англии и Италии разгорается пламя всемирной революции — и английские войска уже ушли из России и Кавказа.

Остатки 11-й армии оправились и наступают в направлении на Червленную. В Грозном и др. городах тайные организации Сов. власти поднимут восстания.

От имени Советской власти обращаюсь к вам — перебейте своих офицеров и казаков и переходите к нам. Гарантируется безопасность и неприкосновенность всем вам. Иначе под натиском красных чеченцев и красноармейцев погибнете и вы.

Помните — в наступление не ходите; если будут наступать на Воздвиженскую — перебейте офицеров и с белыми флагами идите к нам. Тогда получите прощение и наравне со своими братьями будете биться за Советскую власть.

Будьте на страже — скоро, на днях, будем наступать.

От имени Советской власти объявляю, что невыполнившие настоящий приказ понесут самую тяжкую кару.

Командующий Чеченской Красной Армией
А. Шерипов.

[1] Асланбек не успел передать письмо по назначению. Он был убит во время внезапно завязавшегося боя. При нем обнаружили это залитое кровью письмо.

Асланбеку, родившемуся в Грозном, в семье офицера, с детства прочили военную карьеру. Но юноша предпочел изучение национальной и великорусской литературы и культуры. В 17 лет он прекрасно знал местные диалекты, фольклор, свободно читал и писал по-русски, мечтал получить университетское образование в Петербурге или Москве. Но вместо этого пришлось идти на краткосрочные офицерские курсы: началась первая мировая война.

Свержение царского самодержавия, свежий ветер освободительных перемен из центральной России, распространение книг В. И. Ленина — все это революционизировало жизнь Кавказа, многое изменило во взглядах Асланбека Шерипова. Молодой, энергичный, он уже тогда притягивал к себе людей незаурядностью суждений, глубоким пониманием происходивших в России исторических событий. Он был известен и как многообещающий автор. Особой популярностью пользовалась его стихотворная поэма о борьбе за народное счастье национального героя абрека Геха: подобно горьковскому Соколу, он погибает в неравном сражении, но добивается свободы жителям гор...

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, триумфальное шествие Советской власти привели к созданию в марте 1918 г. Терской Советской республики. Асланбека избирают в состав ЦИК Терской республики. Главная его забота с этого времени — разъяснение массам сущности и задач Советской власти, разоблачение действий местной буржуазной верхушки, демагогии эсеров и меньшевиков. Он выступает последовательным и верным соратником С. М. Кирова и Г. К. Орджоникидзе — посланцев В. И. Ленина на Кавказе.

Летом 1918 г. по всей Чечне развернулось создание вооруженных отрядов защитников Советской власти. Рабочие Грозного, сплоченные в отряды Красной Армии, под руководством большевиков А. Шерипова, Н. Ф. Гикало, И. И. Кравцова обеспечили 100-дневную — с 11 августа по 12 ноября — героическую оборону Грозного, не позволили врагам Советской власти укрепить свои позиции на Северном Кавказе.

Весной 1919 г. генерал Деникин при поддержке иностранных интервентов начал новый «крестовый» поход против республики Советов. На Северном Кавказе вновь разразились ожесточенные сражения. На время пришлось оставить Грозный. Но в тылу деникинцев множились партизанские отряды, общая численность которых за короткое время возросла до 15 тысяч бойцов.

В первых числах сентября 1919 г. между белоказаками и деникинцами, с одной стороны, и красноармейскими отрядами — с другой, в районе станиц Воздвиженская и Червленная установилась временная передышка. Отряды Чеченской Красной Армии, возглавляемые А. Шериповым, готовились к новому наступлению. К этому времени Асланбек знал немало фактов, свидетельствующих о разложении деникинских солдат. Поэтому он и обратился к ним с воззванием; предупреждал о бессмысленности кровопролития и предстоящем наступлении Красной Армии, предлагал возможность перехода на сторону Красной Армии. Но гуманный призыв не дошел до солдат: утром 11 сентября вспыхнула решающая схватка. Боевое донесение свидетельствует: «Встревоженные неожиданностью нападения, добровольческие части оказали сопротивление, засев у кладбища и казарм. Перестрелка длилась несколько часов, но к полудню казачье-добровольческие части под растущим натиском чеченцев, будучи стиснутыми со всех сторон, в панике начали отступать... Только немногим удалось уйти, оставляя своих раненых, снаряжение и патроны...» Воздвиженка была освобождена, открылся путь на Грозный. Но радость долгожданной победы омрачила гибель любимого командира, которому шел всего 23-й год.

Письма А. Шерипова выявлены по фондам ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС и Партийного архива Ростовского обкома КПСС; предсмертное письмо его впервые было опубликовано в брошюре: *Э. А. Эшба.* Асланбек Шерипов. Грозный, 1927; а также в книге: *Асланбек Шерипов.* Статьи и речи. Грозный, 1967. Славному борцу за власть Советов воздвигнут памятник в Грозном, именем его названы многие улицы и учреждения Северного Кавказа.

Порфирий Серый

1897 — конец октября 1919

Письмо другу из тюремной больницы

25 октября 1919 г.

Дорогой Леня!

Я чувствую, как смерть своей властной костлявой рукой сжимает мое горло, парализует мою волю, заставляет спешить более сознательно прожить оставшиеся часы.

Я уже знаю, да и сам чувствую, что мне не видеть тех светлых, хороших дней, за которые я отдал свою жизнь. Да, наконец, это не так важно. Важно чувствовать себя честным человеком, на совести которого осталось лишь одно — это то, что я очень мало сделал для блага революции, для народа, для укрепления Советской власти на Дону...

Дорогой друг! Если можешь найти способ, то передай моей старушке, что она может гордиться своим сыном, который в самые тяжелые минуты истязаний и пыток остался до конца верным и преданным большевиком.

Передай привет всем товарищам по партии. Крепко обнимаю и целую тебя.

Порфирий.

25 октября 1919 г. Ростовская тюремная больница.

P. S. Это письмо ты получишь тогда, когда меня уже не будет в живых. Я умираю. Да здравствует партия!

25 октября 1919 г. *Твой Порфирий.*

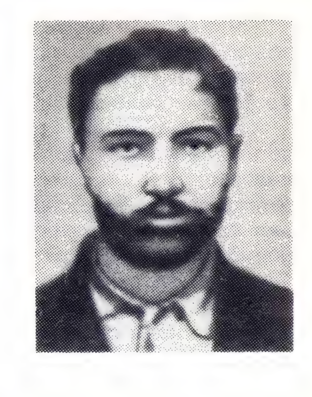
Порфирий Серый был одним из тех бойцов подполья в тылу деникинцев, которые не давали врагу покоя ни днем, ни ночью. Белогвардейской контрразведке удалось схватить его.

Теряя последние силы, герой-большевик написал другу прощальное письмо.

Его сохранил старый большевик Л. Погорелов, сидевший тогда же в подвалах донской контрразведки. Опубликовано оно в газете «Комсомолец» (Ростов-на-Дону) 9 апреля 1957 г.

Михаил Черный

1890—31 октября 1919

Записка товарищам по подполью из застенка белогвардейской контрразведки

Конец сентября 1919 г.

Товарищи!

Нас несколько раз жестоко били. Контрразведка хорошо знает наше прошлое, наши задачи. Они нас не оставят в покое. Нас били, пытали и еще будут мучения. Боритесь изо всех сил с врагом, берегите себя. Вы скоро увидите Советскую власть на Украине!

Прощайте.

Михаил.

Последняя записка накануне казни

29 октября 1919 г.

Дорогие! Вчера, 28 октября, в конторе тюрьмы был военно-полевой суд. Приговорили 22 человека к смертной казни, в том числе меня и мою половину [1]*. Сегодня, вероятно, расстреляют нас. Я спокоен, давно готов к этому. Сообщите об этом моим родным.*

Привет всем, дорогие друзья. Целую вас.

Берегите себя.

Ваш Леонид [2]*.*

[1] Имеется в виду подпольщик, член ЦК КП(б)У, член ВУЦИК П. Ф. Слинько.

[2] Одна из подпольных кличек М. Черного.

Михаила Черного, Петра Слинько и других товарищей по подполью, измученных, но не сломленных духом, расстреляли в Григоровском бору под Харьковом. Это случилось за несколько дней до бегства белогвардейцев и петлюровцев из города.

Михаил Черный появился в Харькове весной 1919 г., незадолго до обоснования здесь добровольческой армии — ударной силы контрреволюции. В его задачу входила организация подпольной работы в Левобережной Украине. Авторитет Казимира (подпольная кличка М. Черного) вырос после успешных операций, когда подпольщики на деле убедились в его опыте, личной смелости и преданности революции.

К этому времени за плечами Михаила было немало: в поисках смысла жизни он исколесил всю Западную Россию, участвовал в митингах, забастовках, работал в типографиях, помогал в выпуске и распространении листовок...

Во время массовых арестов после убийства Столыпина в 1911 г. попал в руки полиции. Только за подозрение в причастности к убийству суд определил ему... шесть лет каторжных работ с заключением в Рижскую военную тюрьму.

Тюремные годы, постоянное общение с большевиками, которых было немало среди арестованных, обогатили революционера духовно, заставили переосмыслить уроки жизни, определить свое место в пролетарской борьбе.

После освобождения — в марте 1917 г.— Михаил едет в Умань, участвует в установлении Советской власти, активно работает секретарем местного Совета рабочих и солдатских депутатов, входит в подпольную большевистскую группу сопротивления оккупантам. Вынужденный скрываться от ареста, он пробирается в Киев. Здесь родные и товарищи уговаривают его лечь в больницу: нажитый в тюрьме туберкулез прогрессирует. Подлечившись, М. Черный активно работает в Киевском губисполкоме. Когда же деникинские войска, поощряемые Антантой, подобрались к Харькову, нацеливаясь на Москву и Киев, Михаил категорически заявил, что больше в тылу оставаться не может, и добился от Зафронтового бюро ЦК мандата для выполнения «любого и самого опасного задания» в Левобережной Украине, где объединенные силы контрреволюции жестоко расправлялись со сторонниками рабоче-крестьянской власти.

В харьковском подполье Казимир руководил разведывательной службой, лично вербовал агентуру среди деникинских

офицеров, добытые данные быстро переправлял за линию фронта.

И вдруг начались аресты. Одна за другой проваливались явки. Среди первых был взят Петр Слинько. Казимир понимал: в подполье проник провокатор. Опасность быть арестованным усиливалась с каждым днем. Но о прекращении работы он не думал: каждый день был дорог, каждый день приближал окончательный развал добровольческой армии.

В середине сентября 1919 г. Казимира забрал патруль контрразведки по указке наводчика — царского офицера, примкнувшего на время к Советской власти, а затем перешедшего на службу контрреволюции.

Попав в застенок белогвардейской контрразведки, Михаил нашел среди охранников связного, который и передал на волю несколько его записок. «Даже через толстые стены своей одиночной камеры,— свидетельствовали товарищи, продолжавшие борьбу на воле,— Михаил ухитрялся давать товарищам советы и указания, предупреждал от предателей, жертвой которых стал он сам...» Его жестоко пытали, избивали горячими шомполами, но так ничего и не добились.

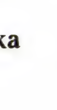
Именем героя-большевика названа одна из улиц Харькова. Его предсмертная записка от 29 октября 1919 г. опубликована в сборнике документов и материалов «Гражданская война на Украине. 1918—1920 гг.», т. 2 (К., 1967, с. 451).

Александр Васильевич Хворостин

1887 — конец декабря 1919

Письмо товарищам из белогвардейского застенка г. Одессы

Конец декабря 1919 г. [1]

Товарищи!

Дело мое очень и очень плохо. При допросе меня били шомполами по пяткам и, только когда на правой ноге лопнула кожа, перестали бить.

Потом били по лицу, по голове, бросали о землю, раскачивали и били о стену, били по сонной артерии, били палкой, шашкой, стулом, били по чем попало.

Теперь у меня трясется все тело и болит грудь.

В избиении принимали участие члены уголовно-розыскного управления (Новосельская, 64): капитан Зубенко, Подгородинецкий, Заблоцкий, Михнович, Губерман и еще несколько мерзавцев, фамилии которых я не знаю.

Потом написали протокол дознания и заставили подписаться.

Дело передано в военно-полевой суд.

А. Хворостин.

Александр Хворостин был рабочим-металлистом.

С 15 лет участвует в революционном движении.

Осенью 1909 г. во время одной из поездок в Бердянский уезд (он выполнял задание партии) его арестовывают. При обыске была

[1] Датируется по времени гибели А. В. Хворостина.

обнаружена подпольная библиотека, в которой находились нелегальные издания, в том числе книги В. И. Ленина.

В апреле 1910 г. новочеркасская судебная палата, рассмотрев дело, приговорила 22-летнего революционера к заключению в одиночке таганрогской тюрьмы.

Выйдя через год на свободу, А. Хворостин продолжал вести партийную работу.

В 1917 г. он один из активнейших работников партии на юге России, главным образом в Крыму.

По путевке партийной организации направляется в органы государственного контроля. С вторжением в Крым объединенных сил контрреволюции Александра Хворостина оставляют в подполье. Он пробирается в Одессу, где выполняет ответственные партийные задания, работает в военном отделе, возглавляет военную и политическую разведку, организует вооруженные выступления в селах Одесщины. Всю активную деятельность он вел под видом старшего агента преуспевающей конторы «Русь», где под официальной вывеской обосновались одесские подпольщики. В служебной конторе висела подробная карта губернии, на которой отмечались торговые перевозки и местоположение компаньонов. Эту же карту подпольщики использовали для военных донесений и наблюдения за расположением сил белых. Подпольщиков выследили и схватили.

Избитого шомполами Хворостина бросили в больницу, а затем расстреляли.

Письма А. В. Хворостина и воспоминания о нем публиковались в газете Одесского губернского комитета КП(б)У «Коммунист» в феврале 1920 г.

Филипп Александрович Александрович

1889— начало января 1920

Записка из тюрьмы

1 ноября 1919 г.

Сегодня, 1 ноября, меня судил военно-полевой суд. Прошу вас, дорогие и славные, не волноваться и не принимать близко к сердцу приговор...

Умирают только раз. Вы знаете лучше, чем кто бы то ни было, что я никому зла не причинял, что я всегда ценил человеческую жизнь и делал все возможное, чтоб спасти людей от смерти.

Я умру с чистой совестью...

Письмо родным

Начало января 1920 г.

...Я спокойно приму смерть... Я знаю: эта весть сильно отразится на вас. Но вот моя к вам последняя просьба. Дорогая мама, крепись. Ты кормилица маленьких детей, на тебя опирается все семейство. Ради детей своих маленьких умоляю тебя: не теряй присутствия духа, пусть моя судьба не омрачит твоего сознания. Собери последние расшатанные силы свои и думай о тех детях, которые нуждаются в твоей помощи.

Филипп.

Много городов и стран пришлось повидать на своем веку Филиппу Александровичу.

Родился Александрович в Белостоке, там же началась его революционная деятельность. Спасаясь от полиции за участие в революции 1905—1907 гг., уехал в Англию, затем во Францию. В Париже завершил образование, занимался журналистикой, выступал с лекциями, пропагандируя идеи большевистской партии.

После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. вернулся на родину, в Петербург. Бурный водоворот событий захватил его. Боролся за Советскую власть. На юге России был председателем Одесского военно-революционного трибунала. Когда Одесщина оказалась захваченной белогвардейцами и иностранными интервентами, ушел в подполье. В октябре 1919 г. был арестован.

Последние письма коммуниста попали на волю. Их текст впервые публиковался в газете «Одесский коммунист» 2 февраля 1920 г., а также в «Известиях Одесского военно-революционного комитета» 19 февраля 1920 г.

Анатолий Александрович Попов

1899 — начало 1920

Из писем родным и любимой

11 ноября 1918 г.

Завтра утром уезжаю на Южный фронт. На Севере ничего особенного не сделал. Командовал артиллерией парохода «Сильный», участвовал во многих речных боях, ездил по деревням, городишкам — агитировал.

Привез осколок снаряда, который чуть не сцапал мою жизнь. Англичане — гады: у них канонерки, и оружие, и даже газовые снаряды.

А у нас баржи, переделанные под линкоры, сапоги вместо валенок, голодные животы да храбрость.

Она-то и выручает.

Калач

12 января 1919 г.

Уже не первый месяц на Южном фронте. Наша восьмая армия наступает с трудом, с потерями, с болезнями, с плохим обмундированием и никуда-никуда не годным продснабжением.

Но наступает.

31 июля 1919 г.

Сейчас получил назначение в часть (все-таки добился, чтобы в запас не посылали).

Через полчаса будет лодка.

Уезжаю не простившись...

Время такое.

Конец 1919 — начало 1920 г.

Так глупо, так смертельно глупо заболеть!

Когда, наконец, Красная Армия начинает наступление, когда, наконец, наша дивизия готовится к взятию Воронежа!..

От слабости ли, от досады у меня капают слезы. Остаюсь в этой заброшенной избе один на один с тифом.

Не может быть, чтобы я умер.

Это невероятно, правда, папа?

Мы сейчас в огне, в дыму, и нам грозит гибель.

Но мы летим в истории.

И я счастлив, счастлив даже сейчас, в тифозном бреду!

Когда прихожу в сознание, я верю, что буду жить, жить...

Сын писателя А. Серафимовича — А. Попов начал революционную борьбу гимназистом. В октябрьские дни 1917 г. явившись в большевистский комитет Городского района Москвы, он сумел получить винтовку и записаться в один из красногвардейских отрядов, посланных в бой с юнкерами к Никитским воротам. Рекомендацией ему послужила активная деятельность в Союзе молодежи «III Интернационала».

В эти дни он записал в дневнике: «В моем мозгу никак не вмещается, что, когда я спал на полу Ревкома с красногвардейской повязкой, когда я ходил к Никитской на разведку, когда мы с Мишкой и Сергеем составляли план расположения юнкеров в районе Арбата, тогда именно и происходила мирового значения социалистическая революция...»

Однажды, уйдя в разведку, Анатолий попал в плен. Разговор был коротким — офицеры из Александровского училища приговорили его к расстрелу как большевистского лазутчика. Но он чудом спасся и потом рассказывал: «Вот когда я почувствовал величие и смертельную силу момента...»

После победы Октябрьского восстания в Москве Анатолий Попов участвует в организации молодежного движения, вступает в большевистскую партию.

В августе 1918 г. в составе группы артиллеристов А. Попов отправляется на Север, на укрепление войск, сражавшихся с интервентами.

Потом был Южный фронт, Конная армия Буденного, легендарный рейд по тылам врага... Госпиталь. И... сразивший Анатолия тиф. Александр Серафимович тяжело пережил гибель сына. В эти дни он получил письмо от В. И. Ленина:

«Дорогой товарищ!

Сестра только что передала мне о страшном несчастье, которое на Вас обрушилось. Позвольте мне крепко, крепко пожать Вам руку и пожелать бодрости и твердости духа. Я крайне сожалею, что мне не удалось осуществить свое желание почаще видеться и поближе познакомиться с Вами. Но Ваши произведения и рассказы сестры внушили мне глубокую симпатию к Вам, и мне очень хочется сказать Вам, как *нужна* рабочим и всем нам Ваша работа и как необходима для Вас твердость теперь, чтобы перебороть тяжелое настроение и *заставить* себя вернуться к работе. Простите, что пишу наскоро. Еще раз крепко, крепко жму руку.

Ваш *Ленин*» [1]

О гибели молодого комиссара гражданской войны А. Попова 9 июня 1920 г. сообщалось в «Правде». Подлинники рукописей Анатолия Попова хранятся в Государственном историческом музее СССР в Москве.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 198—199.

ПИСЬМА И ЗАПИСКИ КОММУНИСТОВ ОДЕССКОГО ПОДПОЛЬЯ

Прощальное письмо 9 коммунистов

4 (17) января 1920 г.[1]

9 коммунистов, осужденных 4 января 1920 г. военно-полевым судом при штабе обороны г. Одессы на смертную казнь, шлют свой предсмертный прощальный привет товарищам. Желаем вам успешно продолжать наше общее дело. Умираем, но торжествуем и приветствуем победоносное наступление Красной Армии. Надеемся и верим в конечное торжество идеалов коммунизма.

Да здравствует Красная Армия!

Да здравствует Коммунистический Интернационал!

Осужденные: Дора Любарская,
Ида Краснощекина,
Яша Ройфман,
Лев Спивак,
Борис Михайлович,
Дуниновский,
Василий Петренко,
Миша Пельцман и
Поля Барг.

[1] В Одессе в период белогвардейщины события датировались по старому стилю.

Михаил Лотов (Зигмунд)

1892 — 5 января 1920

Письмо товарищам по борьбе

Не ранее 18 (31) декабря 1919 г.

Дорогие товарищи!

Я был арестован во вторник, т. е. неделю тому назад. При мне ничего не найдено. При аресте били, не веря, что я поляк. Весь вторник я провел в угол. розыске (Новосельская, 64). Ночь со вторника на среду я провел в Петроп. уч. Утром меня обратно привели в угол. розыск, заменявший собою контрразведку. Приблизительно до полудня я был спокоен, т. е. думал, что меня отпустят скоро. Через полчаса меня позвали на допрос. Там меня били около часа, били резиной, ногами, крутили руки и ноги, одну ногу тянули к лицу, другую к затылку, поднимали за волосы, клали на пол и танцевали по телу, били в лицо, зубы, но так, чтобы не осталось повреждений,— наконец, взбешенный моим молчанием, Иваньковский — первая сволочь в мире, ударил меня револьвером по голове. Я упал, обливаясь кровью. Несколько раз падал в обморок.

Под влиянием нахлынувшей апатии я сознался, что работал. Мне грозит смертная казнь, если до того не случится чего-либо исключительного. Ночью я два раза пытался выброситься из окна 4-го этажа, но меня хватали и снова били. На рассвете меня опять вызвали на допрос, требуя, чтобы я назвал фамилии или адреса товарищей, работавших со мною. Снова били долгое время

и ничего не добились, т. к. на все вопросы я отвечал незнанием.

Велели подписать дознание в том, что я уже сознался. Я подписался, после чего Иваньковский махнул рукой, велел отправить меня в какой-нибудь участок.

Фактически я уже распрощался с жизнью, и, если волею случая останусь жить, это будет для меня приятный и неожиданный подарок — выигрыш жизни. Теперь, когда рана на голове зажила, когда боль во всем теле не так ощутительна и живительные силы снова овладели организмом, а ближайшие перспективы на воле так заманчивы, хочется жить, жить во что бы то ни стало.

Без борьбы я не сдамся, без борьбы не умру, и если все же придется умереть сейчас, то встречу смерть с высоко поднятой головой.

Прощайте. Ваш Зиг.

Записка друзьям

4 (17) января 1920 г.

Я уже писал вам, что пал жертвой провокации. Под влиянием пыток и избиений я сознался. Сегодня предстоит суд скорый, но не правый. Меня, возможно, расстреляют. Ухожу из жизни со спокойной совестью, никого не выдав.

Будьте счастливы и доведите дело до конца, чего мне, к сожалению, не удалось.

Прощайте.
Ваш Зигмунд.

Письмо другу

5 (18) января 1920 г., 3 часа

Нас еще девять. Через несколько часов кончится жизнь, еле расцветшая, не успевшая распуститься тем пышным цветом, каким цветет жирная юность буржуазии. И мы

поем. За «Кузнецом» затягиваем «Интернационал». Мчатся звуки, вырываясь за решетку, и раскатом расплываются по узкому и темному коридору.

И кажется странным, что через несколько часов все окружающие превратятся в ряд висящих зеленых фигур или, в лучшем случае, в кучу почерневшего окровавленного мяса. Но прочь черные мысли. Выше головы, тверже голос. Льются звуки гимна пролетарской победы — и лишь в углу тихо всхлипывает маленькая Таня. Она получила «вечную», но ей жалко нас, жалко девяти юных, здоровых и милых товарищей, погибающих от рук пьяных и грязных скотов.

У многих еще не зажили раны от пыток, не отошли наболевшие места — и снова они будут ныть, но на этот раз, к счастью, в последний раз.

Но прочь, прочь... Шире песня, громче голос.

Тупо уставилась в землю чья-то пара глаз, из которых лучится мрачная, безумная мысль. Вечер приносит радостную весть: виселица заменена нам расстрелом. Шире вздымается грудь, бодрее глядят глаза. Хотя бы без мучений, без издевательства — вот общая мечта, лейтмотив всех чаяний...

Снова затягивается что-то революционное. Над головой гулко бьют часы... Еще сколько? Прочь, прочь...

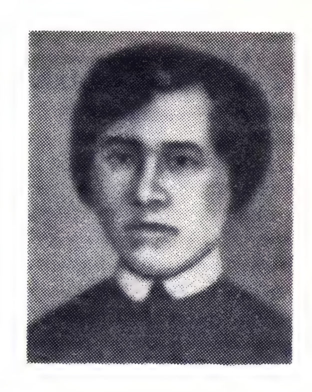
Но чу — идут уже!

Пришли...

Лотов (Зигмунд).

Ида Краснощекина

1900 — 5 января 1920

Письмо родным

4 (17) января 1920 г.

Милые родные!

Через двадцать четыре часа меня повесят «в назидание потомству».

Ухожу из жизни с полным сознанием исполненного долга перед революцией. Не успела много сделать. Что ж! Глубоко убеждена, что процесс 17 человек имеет большее значение для революции, чем смерть 9 человек из их числа.

Милая сестра, не тужи обо мне, будь революционеркой, успокой маму. Завещаю твоему малышу сделать то, чего не успела сделать я на революционном поприще.

Очень бодра, удивительно спокойна, и не только я, а и все остальные. Поем, ведем беседы на политические темы. После двух недель ареста сразу почувствовала себя свободной. Только жалею и тужу, что осудили слишком строго. Мне 20 лет, но я чувствую, что за это время стала гораздо старше.

Мое желание в настоящий момент, чтобы вы все, мне близкие, отнеслись к моей смерти так, как отношусь я,— легко и сознательно.

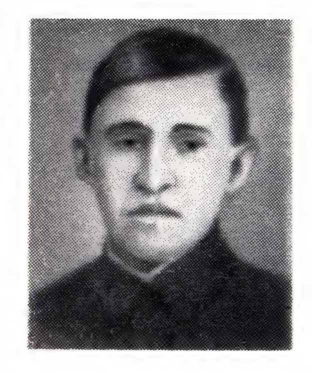
Прощайте.

Да здравствует коммунистическая революция!

Ида Краснощекина.

Борис Туровский-Михайлович

1899 — 5 января 1920

Записка товарищам и родным

4 (17) января 1920 г.

Пишу в то время, когда осталось 24 часа жизни. Только что окончилось заседание военно-полев. суда, который присудил меня и других товарищей к смертной казни через повешение. Настроение очень веселое, бодрое, ибо знаем, за что умираем. Я уверен, что мои младшие братья пойдут по моим стопам и отомстят кому следует.

Писать больше не хочется. Привет всем.

Оставайтесь счастливы.

Борис (Туровский).

Полина Барг

1902 — 5 января 1920

Записка товарищам

4 (17) января 1920 г.

Дорогие товарищи!

Еще 24 часа осталось жить, но мы и не унываем и не падаем духом. Умираем с полным сознанием, что правое дело, за которое мы погибаем, восторжествует. Надеемся, что наша смерть не пройдет даром. Рабочий класс увидит воочию, что принесла им Доброармия.

Прощайте.

Поля Барг.

Дора Любарская

1898 — 5 января 1920

Письмо родным

5 (18) января 1920 г.

Славные товарищи!

Я умираю честно, как честно прожила свою маленькую жизнь. Через 8 дней мне будет 22 года, а вечером меня расстреляют. Мне не жаль, что погибну так,— жаль, что мало мною сделано для революции.

Только теперь я чувствую себя сознательной революционеркой и партийной работницей. Как вела я себя при аресте, приговоре, вам расскажут мои товарищи. Мне говорят, что я была молодцом.

Целую мою старенькую мамочку — товарища. Чувствую себя сознательной и не жалею о таком конце. Ведь я умираю как честная коммунистка. Мы все, приговоренные, держим себя прилично, бодро. Сегодня читаем в последний раз газету. Уже на Берислав, Перекоп наступают. Скоро, скоро вздохнет вся Украина и начнется живая созидательная работа. Жаль, что не могу принять участие в ней.

Ну, прощайте. Будьте счастливы.

Дора Любарская.

Яков Безбожный (Ройфман)

1900 — 5 января 1920

Записка товарищам

5 (18) января 1920 г.

Дорогие товарищи!

Еще несколько часов осталось жить. Бодро идем умирать, сознавая, что на воле остались товарищи, которые продолжают работать, и что дело близится к торжеству.

Яша.

Среди тех, кто мужественно защищал Одессу, а затем продолжал революционную работу в деникинском подполье, находилась группа коммунистов и комсомольцев, которую возглавил Василий Петренко. Его ближайшими помощниками стали коммунистки Ида Краснощекина и Дора Любарская. Первой исполнилось 20 лет, второй — 22 года, но обе уже обладали опытом партийной работы, рано связали свою жизнь с революционной борьбой.

Большое влияние на деятельность группы оказывали опытные коммунисты Петр (Лазарев) и Владимир (Ачкасов), возглавлявшие боевую организацию подпольного партийного комитета. Заметную роль в подполье играл М. Лотов. Это из-под его пера выходили страстные статьи и листовки, звавшие на борьбу с контрреволюцией, рассказывавшие правду о победах Красной Армии.

Смело и мужественно выполняли задания подпольного комитета юные коммунисты Борис Туровский-Михайлович, активный организатор военной работы Лев Спивак, рабочий городской хлебопекарни, политический комиссар и военный организатор пекарей Яков Безбожный (Ройфман), его юная невеста Поля Барг.

Группа подпольщиков достойно продолжала традиции одесских коммунистов, возглавивших революционную борьбу с иностранными интервентами в 1918—1919 гг.

В ноябре — декабре 1919 г. подпольщики развернули подготовку вооруженного восстания. Под руководством Василия Петренко был создан повстанческий штаб, членами которого стали Ида Краснощекина, Дора Любарская и М. Лотов (Зигмунд), а их боевыми помощниками — Борис Туровский, Яков Безбожный и другие.

Активная подпольная деятельность этой группы подняла на ноги всю белогвардейскую контрразведку. В середине декабря 1919 г. начались аресты. В тюрьме оказались Ида Краснощекина, Дора Любарская, М. Лотов (Зигмунд), Михаил Пельцман и другие товарищи.

Комедия суда продолжалась двое суток. 4 января 1920 г. девяти коммунистам был вынесен смертный приговор, семерых приговорили к каторге, одного отправили на фронт.

Подпольная газета «Одесский коммунист» писала в связи с этим: «Кошмарный процесс 17-ти завершился исключительным по своей дикости и гнусности судом и зверской расправой... Следствие велось ускоренным темпом, по предписанию, секретнейшим образом».

Приговор суда подсудимые выслушали спокойно. В своем последнем слове Ида Краснощекина от имени остальных осужденных заявила:

— Знайте же, хотя бы вы каждый день убивали по 10 человек, наши товарищи берут по станции и доберутся до вас. Мы умираем молодыми, умираем спокойно, так как за нами и за нас пойдут новые сотни стойких борцов.

Попытка подпольного комитета партии освободить заключенных не удалась.

Торопясь закончить свое гнусное дело до прихода красных, пьяные офицеры ворвались в камеру осужденных и расстреляли их.

Предсмертные письма и записки, оставленные коммунистами, публиковались в ряде номеров газет «Одесский коммунист» и «Известия Одесского военно-революционного комитета» сразу же после освобождения Одессы Красной Армией, а 25 апреля 1920 г.— в «Правде».

Август Мартынович Берзин

5 января 1899 — 8 февраля 1920

Из дневника [1]

18 декабря 1919 —
начало января 1920 г.

Думаю, что надо ехать обязательно как можно скорее в Марково и Усть-Белую, а именно потому, что там творится полный развал. И кроме того, там полный голод...

И мы все-таки начнем разделываться с кулаками и покажем им, где раки зимуют, и тогда чукча, эскимос, камчадал, коряк поймут, в чем состоит большевизм, и я думаю, на будущий год объявить Республику Советов под северным сиянием...

Сегодня утром приехали в 6 часов на Белую. Решили у коммерсантов взыскать до копейки. Тов. Мандриков, что это за социалистическая коалиция там, не выплыла ли там на поверхность родственная сестра авксентьевской директории? Не мешает ведь быть от этих правых эсеров и эсдеков подальше...

Завтра уезжаю в Марково, там население находится в критическом положении. Я буду стараться всеми силами. Присылайте привет и ободрение товарищам Советской России от имени Бельского Совета, а также и Марковского, и от чукчей, которых я стараюсь убедить всеми силами, и они поймут меня. Я здесь действую как комиссар охраны. Ждите меня около 15 февраля. Мы выдержим и докажем всему миру, как чукча работает...

[1] Написано по-латышски; повторено в виде письма на имя М. С. Мандрикова — председателя Анадырского ревкома.

В государственном архиве Магаданской области находится на хранении «Дело об убийстве председателя и членов Анадырского ревкома». В «Деле» имеются документы о прибытии в Анадырь на пароходе «Томск» М. С. Мандрикова (по паспорту С. И. Безрукова) и А. М. Берзина (по паспорту Д. М. Хваана). Сохранилось заявление Д. М. Хваана управляющему Анадырским уездом с просьбой принять его на службу в качестве милиционера.

Здесь, в Анадыри, прибывшие большевики создали революционную группу. Благодаря архивным документам, установлено, что 16 декабря 1919 г. состоялось заседание группы, на котором был образован ревком с председателем М. С. Мандриковым.

К «Делу» подшиты странички из дневника на латышском языке, письма и удостоверения Берзина. В удостоверении № 13, подписанном председателем Мандриковым и секретарем Куркутским, говорится о том, что «А. М. Берзин, М. Галицкий и Н. К. Кулиновский командируются в Белое и Марково для восстановления Советов и ликвидации представителей колчаковской власти. Им предоставляется право конфискации имущества и товаров крупных купцов-мародеров, которые являются противниками рабочей власти. Все конфискованное имущество и товары объявить народным достоянием и присоединить к народной продовольственной организации». Августу Берзину было выдано еще одно удостоверение № 14 с поручением «конфисковать все имущество и ценности, принадлежащие коммерсанту Малкову», владельцу удостоверения предоставлялось «право и с другими спекулянтами поступать, как с контрреволюционерами».

К начинаниям Берзина и его товарищей с пониманием отнеслись жители Усть-Белой. Один из них, М. Мартынов, писал в 1920 г., что «после приезда Берзина началась жизнь». Одновременно в своих показаниях следственной комиссии по расследованию убийства ревкомовцев он сообщал о том, что хорошо знал Берзина, воевал с ним на Дальнем Востоке под Спасском, Свягино, Шмаковкой и Иманом. Берзин командовал тогда ротой в 115 человек.

Из воспоминаний члена ревкома Каморного известно о деятельности Берзина и его товарищей в Марково. Каморный подчеркивает: «В Марково был избран Совет. С приездом Берзина... товары Свенсона были национализированы, были приобретены олени и жители накормлены. При Берзине организация была образцова».

31 января 1920 года в Анадыри заговорщики арестовали Мандрикова и других ревкомовцев. 2 февраля их расстреляли. Ничего не подозревая о контрреволюционном мятеже, рано утром 7 февраля Берзин с товарищами подъехал к Анадырю и был схвачен. На другой день, под вечер, их расстреляли.

Уже летом 1920 года охотники, приехавшие с рек, соорудили на могиле ревкомовцев памятник. Позже в центре Анадыря был воздвигнут краснозвездный монумент — в память о подвиге комиссаров. И вот уже десять лет, начиная с 1977 года, в Анадыри ежегодно 16 декабря проводится день памяти первого ревкома.

Правда, многие годы «загадкой» среди погибших героев Анадыря оставался Август Берзин. Кто он, откуда родом, как пришел в революцию?.. Многие люди искали ответы на эти вопросы. А помогла ответить на них республиканская газета Латвии: 30 декабря 1958 г. «Советская молодежь» поместила статью магаданского журналиста С. Рябова «Август Берзин — член первого ревкома Чукотки». Из районного центра Цесиса за подписью М. М. Берзин пришел взволнованный отклик. В нем говорилось, что погибший в Анадыри латыш-революционер — ее сын, уроженец Цесиса (бывш. Венден) Август Мартынович Берзин, 1899 года рождения, бывший солдат 2-го рижского латышского стрелкового полка. «В 1922 году,— писала 80-летняя Матильда Марцевна,— приехавшая с Дальнего Востока родственница рассказывала о том, что в 1919 году она видела Августа в Хабаровске, где он был комиссаром. И с тех пор о нем мы ничего не знали».

Главное же, Матильда Марцевна вложила в свое письмо фотографию Августа и его фронтовую открытку. Графологическая экспертиза подтвердила: почерк открытки и анадырского дневника идентичны...

Поиск, продолженный журналистами газеты «Советская Чукотка» и красными следопытами, помог выяснить, что Август Берзин находился в центре борьбы за Советскую власть на Дальнем Востоке. Он был сначала в составе Хабаровского Совета рабочих и солдатских депутатов, а потом с установлением власти Советов в Хабаровске избран был в его исполком. Это произошло в середине декабря 1917 г. Тогда же он вступил в Хабаровскую организацию большевиков...

Публикация записи А. М. Берзина воспроизведена по дневнику и письмам, подшитым к «Делу об убийстве председателя и членов Анадырского ревкома» (государственный архив Магаданской области, ф. 69, оп. 1, д. 3 и ф. 77, оп. 1, д. 1).

Андрей Денисович Февралев-Савельев

1888 — 13 февраля 1920

Письмо боевым соратникам из грозненской тюрьмы

13 февраля 1920 г.

Тов. Измайлову.

Сегодня я буду повешен, но смерть мне не страшна. Жаль только, что мало поработал на благо нашего дорогого свободного Советского Отечества. Хотелось бы умереть в бою, как красному командиру, но видно судьба — погибнуть от буржуазной веревки.

Если тебе придется быть дома, разыщи мою семью и скажи, что я честно погиб за великое дело освобождения трудового народа.

А. Февралев-Савельев.

Во время боев за освобождение Северного Кавказа отважно сражался командир одного из полков Красной Армии А. Д. Февралев-Савельев. Раненым он попал в плен. После истязаний его бросили в грозненскую тюрьму, где он и написал предсмертное письмо, адресованное адъютанту полкового штаба Измайлову.

Долго не удавалось выявить обстоятельства гибели командира-коммуниста, установить его биографические данные. Вошедшим в Грозный красноармейцам местный житель сообщил, что семья героя проживала в Благодарном, на Ставропольщине...

После выхода первого издания книги «Письма славы и бессмертия» поиск сведений о Февралеве-Савельеве продолжался. 29 сентября 1974 г. в газете «Ставропольская правда» появилась

заметка под названием «Где семья героя?». А 16 февраля 1975 г. газета опубликовала статью «Новое о герое».

...Еще юношей Андрей включился в революционное движение, в 18 лет вступил в большевистскую организацию. Был учителем, а в 1912 г. призвали в армию. Потом — империалистическая война, окопы, тяжелое ранение, демобилизация в чине штабс-капитана...

В Государственном архиве Ставропольского края обнаружены документы, удостоверяющие, что А. Д. Февралев-Савельев активно участвовал в борьбе за установление Советской власти, был в рядах Красной гвардии. С начала 1918 г.— в Красной Армии, став начальником штаба Благодарненского уезда. Один из его соратников, командир Верхне-Буйволинского отряда А. И. Бурыкин вспоминал:

— Честный, добросовестный, несгибаемый коммунист. Всегда принципиальный, Андрей пользовался непоколебимым авторитетом среди бойцов и комсостава, снискав любовь и глубокое уважение всех близко знавших его.

В боях с белогвардейцами Андрей Денисович командовал оперативными отрядами, а затем был отозван в распоряжение командования XI армией, формировал в Черном Яру, под Астраханью, специальный полк для рейда в тылу у белых. А вот как погиб комполка, пока неизвестно...

Письмо А. Д. Февралева-Савельева было опубликовано в «Известиях Грозненско-Владикавказского Ревкома» 9 апреля 1920 г.

Роза Каспарова

15 января 1897 — 20 февраля 1920

Письмо матери — Татьяне Каспаровой

г. Пятигорск

Страстно не хочется умирать, не пожив! Ну, долой мрачные мысли, а то еще подумают, что я боюсь смерти. Ерунда!

Ни разу со дня ареста я не заплакала, даже не прослезилась, и так будет до конца...

Из письма младшему брату — Леве Каспарову

Целую тебя много раз нежно, нежно. По вечерам я долго вспоминаю всех вас, а пока желаю тебе быть хорошим мальчиком, не лениться...

Леленка! Я хочу тебе много написать, но ты сейчас не поймешь. Смотри только помни меня всегда.

Последняя записка матери

Дорогая мама, снова счастье вернется к нам синей птицей.

Роза.

Роза Каспарова была студенткой Петербургского университета, когда, вернувшись в 1917 г. в Баку, оказалась в водовороте революционных событий. В их доме встречались С. Орджоникидзе, А. Микоян, М. Орахелашвили, С. А. Тер-Петросян (Камо), Ф. Махарадзе, В. Стуруа и другие. Сюда прибывали посланцы из Москвы, от самого В. И. Ленина. На этой же квартире состоялась нелегальная краевая партийная конференция. Здесь хранились оружие, партийные документы, деньги. Развернувшиеся события вовлекли Розу в революционную борьбу бакинского пролетариата. Она выполняет ответственные партийные поручения.

Ее посылают в Армавир, в тыл белогвардейских войск. Вместе с ней на опасную подпольную работу вызвались Катя Румянцева, Сурен Магаузов [1], Тамара Наджарова — подруга детства... Они ведут там большевистскую пропаганду, собирают разведданные, распространяют нелегальные издания.

С большим подъемом Роза выступает перед молодыми рабочими, студенческой молодежью.

В Армавире ее схватили. Уцелевшая от расправы Тамара Наджарова рассказывала впоследствии, как стойко держалась Роза, показывая пример всем заключенным.

...Ее казнили 20 февраля 1920 г. В последнюю минуту Роза крикнула:

— Смерть и презрение вам, тираны. Народ все равно победит!

Письмо Р. Каспаровой впервые напечатал журнал «Юность» (№ 2 за 1969 г.).

[1] См. с. 290—291.

Сурен Магаузов

1898 — 25 февраля 1920

Письма из белогвардейского застенка товарищам по борьбе

Письмо Т. Наджаровой

19 февраля 1920 г.

Милая Тамара. Посылаю последний товарищеский привет. 12 часов. Жду смерти, но чувствую себя бодро.

Жизнь — в полном смысле этого слова неизведанная для меня область. Не успел осуществить свои последние желания, сижу отдельно от Розы[1]*. Она чувствует себя геройски.*

Всех осужденных к повешению 16 человек.

Привет товарищам.

Целую всех крепко.

Сурен.

Письмо товарищам по борьбе

25 февраля 1920 г.

Милые друзья, судьбе моей нужно было быть свидетелем смерти моих славных товарищей. Тяжело мне без моей милой славной Розы. Она погибла смертью храбрых. Смело,

[1] Имеется в виду Р. Каспарова, см. с. 288—289.

без ропота и без страха она шла к эшафоту. Погибла и молодая работница Катя. Вечная светлая память!

Передайте матери Розы мой привет и успокойте ее. Мать такого славного бесстрашного товарища не должна горевать и проливать слезы. Счастлива мать, имеющая таких дочерей.

Сижу в секретной и третьи сутки жду своей участи. Из 15 семь революционеров, наверное, повесят сегодня. Товарищам, как видно, очень понравилась моя физиономия; видя меня, говорят: «Славный парень».

Последую примеру Розочки и других товарищей и смело пойду к месту казни.

Прощайте. Будьте здоровы.

Сурен.

Сурен Магаузов и Тамара Наджарова вместе с Розой Каспаровой в группе молодых бакинцев по заданию Кавказского краевого комитета РКП(б) проводили подпольную работу в Армавире и Баку. Их вместе арестовали.

В феврале 1920 г. С. Магаузов был повешен белогвардейцами.

Письмо Сурена Магаузова опубликовано в книге «Славные традиции» (М., 1960, с. 59).

Сергей Георгиевич Лазо

7 марта 1894 — конец мая 1920

Из письма матери

Иркутск
Конец декабря 1917 г.

Дорогая мама!

Я приехал сюда 10 декабря, в разгар боя революционных солдат с юнкерами... Через несколько часов после приезда я был с винтовкой в руках на передовой линии. 20 декабря был выбран в Военно-революционный комитет и утвержден окружным бюро Советов Восточной Сибири комендантом города... Чем дольше живу в Иркутске, тем больше втягиваюсь в работу и, очевидно, надолго останусь здесь... Когда в городе трещали пулеметы и винтовки, разрушались здания, поднимались пожары, в те дни, когда мирные жители страдали несравненно более, чем мы, военные, в эти дни у меня не было ни жалости, ни страха перед этим разрушением; нет этого чувства и теперь. И не потому, что я человек жестокий, а потому, что мы, социалисты, понимаем, что это — открытая борьба, это — стремление порвать те цепи, которые долгие годы угнетали народ, стремление разрушить те рамки, которые служили источником немыслимых немых страданий.

Мы видим наряду со старым, которое рушится безвозвратно, мощные ростки новой жизни. И пусть все упрекают Советы в тех бедствиях, которые происходят, я не брошу этого упрека им. Наоборот, Советы, лишь они одни, могут дать выход из положения. Идет великое разрушение. Старое

падает тем разрушительнее, чем сильнее и основательнее подточено в своей основе...

А где были те, которые бросают нам упреки, во все годы войны, порожденной противоречиями нашего уклада жизни? Не они ли призывали к новым потокам крови? Ну да все равно. Вопрос решается не спорами, а классовой борьбой.

Как поживают наши бессарабцы, наши славные дворяне, которым, увы, мало помогает геральдика и знатное происхождение? Мне теперь как-то даже странно представить себя в прежней обстановке с ее сложившимся укладом, с ее предрассудками.

Сам я живу скромно, чем когда бы то ни было. Живу в общежитии Центросибири, и сегодня первый день с 4 декабря, когда я смогу лечь раздетым.

Жизнь строится, новая жизнь, и строится как-то иначе, чем ее направляло течение вещей, и ближе к тем душевным мечтам, которые носил с раннего детства.

Из дневника

Январь 1920 г.

В эти напряженные дни подготовки восстания, когда приходилось работать круглые сутки, вырывая случайные свободные часы для сна, в эти дни не чувствовалось усталости, работа захватывала, иногда даже просто было как-то неудобно отдохнуть, когда знаешь, что еще что-то нужно сделать, к кому-то надо сходить. Товарищи по квартире, у которых мы работали, удивлялись такой работоспособности и не раз говорили об этом. Они, простые обыватели, привыкшие в определенные часы ложиться и вставать, привыкшие к определенным часам работы, не испытавшие, наверное, того подъема, тех сил, которые дает работа, подходили и ко мне и к другим с этой обывательской точки зрения. Эти люди твердили мне скучную мораль о восьмичасовом сне и необходимости отдохнуть...

Не раз днем, не раз поздней ночью я садился в стороне, чтобы уйти в себя и обмозговать, осмыслить ход той работы, которая лежала на руках, всевозможные повороты, зигзаги и толчки, которые могут встретиться.

Я не знаю, как лучше передать ощущение этих минут. Я бы сказал, где найден закон, который говорит, что человек должен спать восемь часов, который отрицает возможность сделать завтра в два раза больше, чем было сделано вчера. Но есть другой закон, много раз подтвержденный жизнью, о том, что в работе и борьбе крепнет и растет человек...

Из последнего выступления на заседании Владивостокского Совета

3 апреля 1920 г.

Пусть мы здесь слабы, пусть нас может раздавить один удар японского империализма, пусть этот удар разобьет Совет. Но он не сможет предотвратить неумолимого хода истории. И в глаза угрожающему нам японскому империализму мы смотрим открыто — мы смотрим как победители...

Пусть японский империализм разобьет нас здесь, но тем самым он подпишет себе приговор... Еще новые и новые жертвы будут вырваны из рядов борющегося пролетариата, но это не задержит его победного шествия. Эти жертвы неизгладимыми письменами запишутся в историю этой борьбы.

Сергей Георгиевич Лазо — легендарный герой гражданской войны.

Уроженец Бессарабии, он попал в Красноярск в 1916 г. прапорщиком 10-й роты 15-го Сибирского стрелкового полка. 22-летний юноша уже знал, что такое революционная борьба,— во время учебы в Петербургском технологическом институте он участвовал

в студенческих волнениях и рабочих демонстрациях. Солдаты считали Лазо своим, «хорошим» офицером, а военное командование характеризовало его «непатриотически настроенным».

После Февральской революции солдаты избирают его в Совет, он становится председателем солдатской секции Красноярского Совета. С победой Октября Лазо еще активнее втягивается в общественную жизнь.

К тому времени Лазо формально не состоял в большевистской партии, но все, что он делал, чем жил, о чем мечтал, за что готов был умереть,— все это связывалось с партией большевиков.

Летом 1918 г., когда по всей необъятной России бушевал огонь гражданской войны, Сергей Лазо, будучи командующим Забайкальским фронтом, подал заявление о приеме в РКП(б). «С конца 1916 года я участвовал в революционной работе,— писал он.— После победы революции я с оружием в руках защищал и защищаю Советскую власть. Я давно уже пришел к заключению, что только большевистская партия способна повести за собой массы и закрепить победу революции, в чем я ей всеми силами помогал и помогаю».

Осенью 1918 г., когда вражеские армии, несмотря на героические усилия молодой Красной Армии и добровольческих отрядов рабочих и крестьян, захватили значительную территорию Советской России, в том числе Сибирь и Дальний Восток, Лазо возглавляет партизанскую борьбу, развернул кипучую деятельность по сплочению революционных сил, подбору кадров руководящих работников.

По докладу Лазо на нелегальной конференции, собравшейся во Владивостоке 19 апреля 1919 г., был намечен план дальнейшего расширения революционного движения в крае, действий крупных партизанских соединений. Лазо вошел в состав Дальневосточного подпольного областного комитета РКП(б). Вскоре он стал командующим партизанскими отрядами Приморья, признанным вождем трудящихся Приморья, стратегом партизанских армий, грозой врагов Советской власти.

После победы всенародного вооруженного восстания в конце января 1920 г. Сергей Лазо и его товарищи коммунисты приступили к укреплению завоеванной власти в Приморье. Но обстановка с каждым днем обострялась. Японские интервенты угрожали разгромить революционные силы на Дальнем Востоке. 3 апреля 1920 г. на заседании Владивостокского Совета Лазо произнес

свою последнюю, ставшую знаменитой речь. Он говорил о грозной, смертельной опасности, нависшей над Советом, гневно разоблачал преступные планы империалистов Японии, заведомо обреченные на провал.

— Пусть японский империализм разобьет нас здесь... Это не задержит победного шествия борющегося пролетариата... Жертвы неизгладимыми письменами запишутся в историю этой борьбы...

Спустя сутки, в ночь на 5 апреля, японские интервенты, учинив новую провокацию, захватили власть во Владивостоке и произвели массовые аресты. В числе первых они схватили Лазо.

Расправа была жестокой — С. Г. Лазо и его боевых товарищей А. Н. Луцкого и В. М. Сибирцева бросили в топку паровоза.

...На восточной окраине нашей Родины, в красивом и неузнаваемо изменившемся Владивостоке высится памятник Сергею Георгиевичу Лазо. У пьедестала — всегда живые цветы. С волнением читаем мы слова, высеченные на памятнике:

— Вот за эту русскую землю, на которой я сейчас стою, мы умрем, но не отдадим ее никому.

Вещие слова...

Письма С. Г. Лазо публиковались в книгах: *Немиров И. И.* Жизнь — подвиг. Кишинев, 1967; *Сергей Лазо.* Воспоминания и документы. 2-е изд. М., 1985.

Семен Михайлович Патоличев

Сентябрь 1881 — 19 июля 1920

Письмо жене Прасковье Сергеевне и детям

18 июля 1920 г.

Давно нет писем. Что случилось? Я все время в боях. Скоро возвернусь. Победа за нами. Михаил здоров. Пишите старому адресу.

Семен.

Семен Михайлович Патоличев был командиром 2-й бригады 11-й дивизии Первой Конной армии.

Сын крестьянина из села Золина Нижегородской губернии, он отличился в первой мировой войне. За храбрость в боях с австро-немецкими войсками получил четыре Георгиевских креста...

На Восточный фронт уехал по рекомендации М. В. Фрунзе, под командованием которого в июле 1918 г. участвовал в подавлении левоэсеровского мятежа в Ярославле. Чтобы легче жилось оставшейся семье, он взял с собой двух старших сыновей — Михаила и Павла. Сначала был инструктором в 3-й Туркестанской кавалерийской дивизии, позднее вошел в командный состав Особой группы В. И. Чапаева. Участвовал в освобождении Казани, Симбирска, Самары, Уфы, Актюбинска.

Затем его кавалерийскую часть перебросили на Южный фронт. Она сражается в боях под Касторной, Егорлыцкой.

За эти бои С. М. Патоличев был награжден орденом Красного Знамени. Награду вручал ему М. И. Калинин, объезжавший тогда войска Южного фронта.

О тех днях С. М. Буденный писал впоследствии:

«Я высоко ценил своего тезку — так мы в шутку называли друг друга. Это был храбрый человек, грамотный командир, всегда отлично разрабатывавший операции, и потому его бригада была ударной силой дивизии... Однажды мы с М. И. Калининым объезжали части Первой Конной армии. Рядом с командиром бригады... мы увидели верхом на лошади в полной военной форме мальчугана лет пятнадцати. Михаил Иванович спросил:

— Чей это мальчик? Неужели и он воюет?

Патоличев ответил: «У меня их семеро, жена прибаливает, да и в наших местах голодно: вот и приходится старшего возить с собой».

Калинин участливо посмотрел на мальчика и сказал, чтобы поберегли его.

— Мы за их будущее сражаемся, терпим лишения.— И, посмотрев на Патоличева, добавил: — И себя берегите, вам детей растить.

Комбриг ответил: «Мне нет еще и сорока лет, я хочу жить, но я хочу жить в новом обществе, которое провозгласили большевики, Ленин. За это будущее надо биться с врагом, и я своей совестью не поступлюсь» [1].

Вскоре разгорелись бои за освобождение Ровно. А 19 июля, в восемь часов вечера, находясь в первых рядах атакующих бойцов, Семен Михайлович был сражен вражеской пулей. В боевом рапорте в Реввоенсовет Первой Конной армии сообщалось: «В боях под гор. Дубно пал смертью доблестного революционера командир 2-й бригады вверенной мне дивизии тов. Патоличев...»

Героя с почестями похоронили у села Мирогоща, в земле Ровенщины. Здесь возвышается памятник С. М. Патоличеву, его именем названы улица и школа.

О С. М. Патоличеве написаны очерки и статьи (см. статьи А. Р. Юсупова (Юрьева) в журналах «Огонек», № 32, 1968; «Наука и жизнь», 1969, № 4, с. 10—15, и др.). Документальные свидетельства о нем сохранились в фондах ЦГАСА СССР, приведены в книге Н. С. Патоличева «Испытание на зрелость» (М., 1977).

[1] *Буденный С. М.* Встречи с Ильичем. М., 1972, с. 17—18.

Степан Карапетович Алавердян

1888—14 августа 1920

Баграт Беглярович Гарибджанян

1890—14 августа 1920

Саркис Григорьевич Мусаелян

1881—14 августа 1920

Обращение к товарищам-коммунистам перед расстрелом дашнаками

14 августа 1920 г.

Мы чувствуем, что нас ведут на расстрел. Будьте уверены, что мы смело и бесстрашно глядим в лицо смерти.

Мы считаем себя счастливыми, что умираем за коммунистическую революцию. Пусть наша смерть утроит ваши силы, не проявляйте малодушия. Мы убеждены, и этим счастливы, что после нас голос коммунистической революции не только не заглохнет, но и еще более усилится.

Стало быть, дорогие товарищи, прощайте. Продолжайте ваш штурм капиталистического мира.

Эти трое коммунистов — С. К. Алавердян, Б. Б. Гарибджанян и С. Г. Мусаелян вместе с другими руководителями и участниками революционного движения попали в руки дашнакских

палачей после поражения вооруженного восстания, которое подняли большевики в мае 1920 г. в Армении.

Степан Алавердян, коммунист с 1904 г., был одним из руководителей Армянского комитета Коммунистической партии, возглавлял Военно-революционный комитет по подготовке и проведению вооруженного восстания.

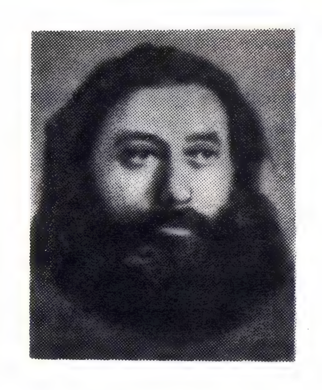
Член РСДРП(б) с 1917 г., Баграт Гарибджанян был одним из руководителей майского восстания в Александрополе.

Саркис Мусаелян — активный участник Бакинской коммуны, командовал вооруженными силами восставших.

К 10-летию Советской власти в Армении был издан сборник документов и воспоминаний «Майское восстание в Армении», на страницах которого рассказывалось о героях.

Нестор Александрович Каландаришвили[1]

1876—6 марта 1921

Заявление в Иркутский губернский комитет РКП(б) о приеме в ряды коммунистов

Не позднее 6 января 1921 г.

ИРКУТСКОМУ ГУБЕРНСКОМУ КОМИТЕТУ РКП(б)

Открытое письмо

Дорогие товарищи!

Настоящим письмом я официально заявляю о вступлении в ряды Российской Коммунистической партии большевиков и прошу считать меня членом Иркутской организации РКП(б).

Мое решение быть членом РКП(б) есть результат трехлетней, слишком тесной совместной работы в рядах партии, практически указавшей мне, что нет других приемов, кроме ее, нет других методов борьбы для реализации в жизни условий диктатуры пролетариата и разоренного крестьянства и торжества идеалов социализма.

До сих пор я не имел возможности заявить об этом публично и официально вступить в партию.

Сегодня я заявляю, что больше не анархист-коммунист, а коммунист-большевик, член РКП(б). Приобретенный

[1] Написание фамилии дается по подлинным автобиографическим материалам — анкетам, заявлениям, в отличие от различных ее написаний в имеющейся литературе.

опыт старого революционера и партизана дает мне возможность, быть может, не один еще раз доказать свою преданность делу социальной революции теперь уже в рядах партии и, если потребуется, с честью умереть в борьбе с врагами Советской Республики.

Н. Каландаришвили.

Обращение к боевым соратникам по Северному отряду, уходящему в Якутию для разгрома белогвардейцев-колчаковцев

19 декабря 1921 г.[1]

Не ради истребления несчастной горсточки русских белогвардейских офицеров должны мы ехать, а ради угнетенного народа, которого борьба наций еще в давние времена загнала на Крайний Север из великой Чингизхании, оторвав от Джунгарского государства.

Уход на север не дал ему национальной независимости, и на протяжении сотен лет он был угнетен русскими.

Октябрьская революция, давшая малым народностям возможность национального раскрепощения, докатилась до якутского народа в уродливых формах, и местные деятели оттолкнули якутский народ, бросили его в объятия белогвардейцев Толстоухова и других.

Якутский народ еще не видел революции, там была революция только в городах; в тайгу же, в массы она шла сверху, надуманно, по рецепту. Якутский народ еще не видел красных.

Наша задача — сделать его красным. У нас нет и не может быть рецепта, как это сделать, но я глубоко чувствую, что мы это сделаем.

[1] Датируется по времени формирования отряда, проведенного его командиром Н. А. Каландаришвили в соответствии с приказом по 5-й армии от 19 декабря 1921 г.

Нестор Александрович Каландаришвили — легендарный герой первых лет Советской власти.

Он родился в старинной грузинской аристократической семье, окончил классическую гимназию и, как сам писал в автобиографии в 1921 г., «четыре класса учительского института», стал преподавателем литературы и истории.

Работая в тифлисских школах и давая частные уроки, он имел возможность увидеть и понять жизнь простого народа. И не случайно, когда вспыхнула революция 1905 г., охватившая и Грузию, Каландаришвили, носивший партийную кличку Нестор, возглавил мятежных крестьян горийских уездов. Он был схвачен царской полицией, осужден на каторжные работы в Александровский централ под Иркутском. Но и здесь участвовал в антиправительственных выступлениях, в подготовке побегов. Только Февральская революция дала свободу Нестору.

В декабре 1917 г. он бесстрашно сражался в рядах рабочих-красногвардейцев и революционных солдат Иркутска, выступивших под руководством большевиков против антисоветского мятежа юнкеров и местной буржуазии. Тогда же познакомился и подружился с Сергеем Лазо [1] — командиром революционного отряда, присланного омскими большевиками на помощь иркутянам. Вскоре товарищ Нестор по специальному заданию создает первый кавалерийский красный эскадрон, командует 2-й советской дивизией.

Во время белочешского мятежа Н. А. Каландаришвили выполняет оперативное задание советского штаба обороны Иркутска и Забайкалья, участвует в боевых действиях на Даурском фронте. В боевой характеристике тех лет говорится: «В тяжелые годы борьбы за существование Советской власти на территории Сибири тов. Каландаришвили занял одно из первых мест среди ее достойных защитников. Начав свои действия с самого момента возникновения Рабоче-Крестьянской власти, он последовательно борется против Семенова, а потом против Колчака, скрываясь в течение двух лет среди глухой тайги, сильными и неожиданными налетами притягивает на себя значительные силы армии последнего.

С конца 1919 года тов. Каландаришвили постоянно преследовал отступающие остатки белогвардейской армии; в марте 1920 го-

[1] См. с. 292—296.

да на Верхоленском тракте разбил отряд генерала Сукина, захватив богатую добычу...»

На всю жизнь самому Нестору запомнилась поездка в Москву, чтобы подлечиться после ранения и осуществить давнюю мечту — встретиться с вождем революции В. И. Лениным. Ему особенно запомнилось, что Владимир Ильич, узнав, что «дедушка» (так называли Каландаришвили товарищи) еще не член партии, откровенно сказал:

— Я думаю, что коммунисты вашей ячейки достаточно хорошо знают Вас как человека, преданного нашей революции, который не словами, кровью своей — я слышал, что вы были ранены — доказал эту преданность, и примут вас в партию коммунистов [1].

Вернувшись в Иркутск, Нестор обратился к товарищам за рекомендациями. Первыми его рекомендовали в ряды РКП(б) С. Г. Лазо, А. А. Ширямов и другие видные сибирские большевики. Свое решение о вступлении в партию большевиков Н. А. Каландаришвили опубликовал в виде открытого заявления в местных газетах. В выданном вскоре партийном билете Каландаришвили в графе о времени вступления в ряды РКП(б) стояло «1917 год» — с учетом его фактической работы в большевистской партии.

В начале апреля 1920 г. Н. А. Каландаришвили выехал на японо-семеновский фронт. 12 мая во время боя был ранен, но, несмотря на сильную боль, продолжал руководить боевыми действиями. Японцы вынуждены были отойти. Энергичный отпор, встреченный ими со стороны отряда Каландаришвили, в значительной мере содействовал заключению перемирия и отводу японских войск на восток.

За большие заслуги перед революцией отважный командир был награжден орденом Красного Знамени.

В конце 1921 г. в Иркутск все чаще стали поступать донесения об активизации остатков белогвардейских банд, бежавших от Красной Армии на север — на территорию Якутии. Для борьбы с ними 19 декабря было принято решение о формировании специального экспедиционного Северного отряда имени «дедушки» Каландаришвили. Нестору Александровичу, как командиру

[1] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1978, т. 9, с. 255; *Церетели М. В.* Народный герой Нестор Каландаришвили. Воспоминания соратника. Тбилиси, 1965, с. 113—121.

отряда, выделили необходимое зимнее обмундирование на 300 человек, оружие, провизию и мандат от Иркутского губисполкома «всем уездным, аймачным и волостным исполкомам немедленно в порядке военной мобилизации предоставить отряду по мере продвижения необходимое количество крестьянских подвод».

Высоким сознанием интернационального долга и важности новой задачи проникнуто публикуемое в книге напутственное обращение Каландаришвили к бойцам отряда.

Тяжел и опасен был многокилометровый рейд вверх по Лене. По пути приходилось с боями опрокидывать засады колчаковцев. Ныне известно письмо Верхоленского, Жигловского и Мачуровского ревкомов в Сибревком о панике в стане врагов Советской власти в результате активных действий на Верхоленском направлении частей «популярного среди местного населения и партизан» Каландаришвили.

Но врагу все же удалось в 30 километрах южнее Якутска в узком месте русла Лены напасть на авангард отряда во главе с командиром. В этом поединке погиб Н. А. Каландаришвили.

Документы бесстрашного героя революции Нестора Александровича Каландаришвили бережно хранятся в Государственном архиве Якутской АССР, впервые они были напечатаны в сборнике «Памятник борцам революции в Якутии», выпущенном в 1923 г. в Якутске.

Федор Степанович Чумбаров-Лучинский

1897—8 марта 1921

Открытое письмо защитникам Советской республики

Не позднее 10 июня 1920 г.

Военные люди говорят: победит тот, у кого нервы крепче. Мы за два года гражданской войны это ясно доказали. Будучи слабыми, мы выступили против вооруженных до зубов буржуазных наемников. В хозяйственном отношении мы были тоже много слабее.

Питерским заводам нужен был металл. Металл находился на Урале, а Урал под властью Колчака. Московским фабрикам нужно иметь хлопок. Хлопок находился в Туркестане, а Туркестан под властью Дутова. Для питерских и московских заводов и фабрик нужен был уголь и хлеб, а хлеб и уголь находились в Донецком угольном бассейне и южных губерниях, занятых Деникиным.

Рабочим ничего другого не оставалось делать, как бросить остановившиеся заводы и пойти с винтовкой в руках отвоевывать металл, хлеб, хлопок, уголь. Рабочие и трудовики-крестьяне так и сделали. Нужно удивляться твердости и спокойствию русских рабочих и русских крестьян. Поистине нервы-канаты. Железные нервы.

Советская республика, окруженная со всех сторон наемными бандами, перенося невероятные трудности и лишения, полуголодная, полухолодная, полураздетая, к удивлению всей мировой буржуазии, не только еще способна бороться,

но быстрыми ударами разбивает контрреволюционные сборища.

Пролетарий снова берется за винтовку, и по всей Советской республике слышится одно и то же: мы не хотели войны, но если она началась не по нашей воле, то, добровольцы, вперед! Пролетарий, на коня! Женщины, за изготовление патронов и снарядов! Все на защиту рабочего Отечества!

Снова от края и до края нашего социалистического Отечества движутся отряды добровольцев, снова мы перейдем в конечном счете к победам.

Мы еще не победили. Может быть, мы еще потерпим не одно поражение, но главное, нужно, чтобы наши нервы были крепкими...

Чумбаров-Лучинский

Федор Степанович Чумбаров (Лучинский) — член большевистской партии с 1914 г., кадровый рабочий Петрограда, в годы мировой войны связал свою судьбу с партией большевиков и стал агитатором среди питерских рабочих. Активную большевистскую агитацию вел он и в армии, куда был вскоре призван.

В октябре 1917 г. Чумбаров в первых рядах штурмующих Зимний, боролся с саботажниками и открытыми белогвардейскими выступлениями против молодой Советской республики.

В конце 1918 г. добровольно идет в армию. Талантливый пропагандист и агитатор, он побывал на многих фронтах. Всюду его встречали как человека, умеющего в любой вопрос внести ясность, убедить, поднять боевой дух бойцов.

На Южном фронте в марте 1921 г. его избирают делегатом на X съезд партии. Отсюда он вместе с другими делегатами отправляется на подавление кронштадтского мятежа. Здесь и погибает политрук роты Федор Степанович Чумбаров (Лучинский)...

Письмо Ф. С. Чумбарова было опубликовано в «Известиях» Архангельского губревкома и Архангельского губкома РКП(б) 10 июня 1921 г.

Герасим Григорьевич Фейгин

21 декабря 1901—17 марта 1921

Письмо товарищам в Иваново-Вознесенск

14 марта 1921 г.

...Дорогие ребята, направляюсь под Кронштадт... Сегодня ночью или завтра буду в бою...

Если вернусь живым, обещаю приехать в Иваново. Кронштадт будем брать на днях, так что вполне возможно, что я гордо водружу красное знамя на крепостных стенах Кронштадта...

Сейчас подают поезд.

Питер, Балтийский вокзал.

Герасим.

Герасим Фейгин родился в небольшом городишке Покров Владимирской губернии.

Победу Великого Октября встретил уже членом большевистской партии, председателем местной ячейки союза молодежи «III Интернационала».

Герасим писал тогда:

Мы собьем запоры,
Мы сметем преграды,
Все мы вдохновились
Красною борьбой...
Жизнь — на баррикады!
Смерть — на баррикады!
Все на баррикады!
Все в последний бой!

На втором съезде РКСМ Герасима Фейгина избирают членом ЦК комсомола. Он делегат третьего съезда РКСМ, слушает историческую речь В. И. Ленина «Задачи союзов молодежи».

Герасим добивается отправки на Южный фронт. Он — заместитель комиссара полка. Все время среди бойцов.

Потом — польский фронт. В одной из боевых операций его ранят. Госпиталь, медленное выздоровление. С радостью возвращается в Иваново-Вознесенск.

День и ночь работает в губкоме комсомола, выполняет поручения члена губкома РКП(б). Его избирают делегатом на X съезд партии.

Вместе с делегатами съезда он одним из первых отправляется на подавление кронштадтского мятежа.

В решающей атаке в ночь на 17 марта Герасим находился в первых рядах и упал, сраженный пулей мятежников.

В некрологе о нем говорилось: «Проявил невероятное геройство, храбрость и мужество. Он пренебрегал смертью и был впереди, увлекая за собой наступающую массу, энергично и умело руководил группами, не теряясь под градом пуль...»

Стихи и письма Г. Фейгина печатались в книгах Е. Ланской «Даешь Кронштадт» (М., 1930), М. Колосова «Герасим Фейгин» (Иваново, 1941), В. Томсена «Так жить» (Ярославль, 1968).

Кто не знает слов известной песни:

Орленок, Орленок, взлети выше солнца...

Но мало кто знает, что посвящена она Герасиму Фейгину. Поэт Яков Шведов рассказывал: «Когда Виктор Белый предложил мне написать слова «Орленка», я вспомнил друга моей юности — комсомольца Герасима Фейгина. В памяти возник мужественный образ погибшего друга...»

Аггеев С. И., Протасов Н. А.

Телеграмма В. И. Ленину

Не ранее 25 марта 1921 г.

Секретно. Шифрограмма.

Москва. Кремль. Ленину.

Коммунисты Тобольского севера, истекая кровью, шлют пламенный прощальный привет непобедимой РКП, дорогим товарищам и нашему вождю Ленину.

Погибая здесь, мы выполняем свой долг перед партией и Республикой, с твердой верой в конечное наше торжество.

Секретарь райкома РКП — Протасов
Секретарь Тюменского губкома РКП — Аггеев

В 1920—1921 гг. в ряде мест страны вспыхнули антисоветские мятежи. Они были вызваны подрывной деятельностью оставшихся контрреволюционных сил, голодом, разрухой, недовольством продразверсткой.

Один из мятежей начался в Ишимском уезде, затем перекинулся в районы Обской губы, захватив к марту город Тобольск и небольшой поселок Обдорск.

Боевые отряды, возглавляемые Н. А. Протасовым, М. В. Хорохориным и другими коммунистами, вынуждены были отойти к Обдорску (ныне Салехард — центр Ямало-Ненецкого округа). Сюда же отступали с боями и отряды, которые организовал секретарь Тюменского губкома партии С. И. Аггеев. В неравных схватках погибли почти все защитники Обдорска.

Телеграмма обдорских большевиков В. И. Ленину была передана по радио в Тюмень. В Тюмени текст расшифровали и без за-

держки передали в Москву. Об этом доложили Владимиру Ильичу. На тексте телеграммы В. И. Ленин написал: «Нельзя ли что сделать, чем помочь через Военное ведомство?» [1]

Из Тюмени к Обдорску двинулся Особый коммунистический полк, следом — части Красной Армии...

К концу марта главные силы мятежников были изолированы и ликвидированы.

В ходе мятежа от рук классовых врагов погибло около 2 тыс. борцов, в основном коммунистов, комсомольцев и советских активистов [2].

Публикуемое письмо сохранилось в фондах Центрального государственного архива Советской Армии, в делах с директивами командования Красной Армии за 1920—1921 гг. (д. 6, л. 422).

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1979, т. 10, с. 246.

[2] См.: Очерки истории партийной организации Тюменской области. Свердловск, 1965, с. 85, 92, 94 и др.

Георгий Александрович Копецкий

1892—11 марта 1922

Письмо матери

10 марта 1922 г.

Родная мама, Прасковья Григорьевна!

Давно не писал, простите. Сегодня снова собираемся в бой. Кидают нас туда-сюда, потому что еще бесчинствуют белогвардейские банды. Зачем им новые наши жертвы? Ведь Советская власть твердо и навсегда восторжествовала. Знать, мало им крови...

Мама, ты не беспокойся. Вот схожу в последний бой — и вернусь. Передай дорогой Клавдюше, чтоб ждала. Поцелуй ее, успокой.

До скорой встречи. Крепко всех вас обнимаю. Очень, очень спешу домой.

Г.

После этого письма Прасковья Григорьевна ничего от сына не получала. Но она продолжала ждать его. Писала знакомым, обращалась в архивы, разыскивала фронтовиков. И все это время бережно сохраняла письма Георгия, особенно это — последнее, присланное из-под Оренбурга...

Накануне 50-летия Великого Октября Прасковья Григорьевна вновь обратилась в Центральный архив Советской Армии, прислав заявление и копию последнего письма сына. Научным сотрудникам архива удалось, наконец, отыскать неизвестный ранее приказ по 18-й Оренбургской пехотной школе командного состава РККА за № 183 от 19 мая 1922 г. Вот что в нем говорилось:

«11 марта с. г. курсант вверенной мне школы тов. Копецкий Георгий был захвачен бандитами Серова в плен. По рассказам жителей бандиты избивали курсанта нагайками, кололи штыками и шашками, допытывались нужных им сведений об отряде, но курсант, несмотря на пытки и зверские издевательства, категорически отказался отвечать.

Бандиты, убедившись, что от курсанта узнать ничего нельзя, раздели его догола и в одном из аулов казнили.

Принимая во внимание вышеизложенное, считаю своим долгом сохранить навсегда имя погибшего курсанта Копецкого. Занести его на красную доску «Погибших за дело трудящихся»...

Приказываю:

С сего числа ежедневно при утренних поверках в ротах производящему перекличку вызывать погибшего курсанта первым,— на это отделенный командир должен отвечать: «Погиб героем на фронте, сознательно и беззаветно отдавшись делу защиты светлого будущего трудящихся масс».

О волнующей находке известили Прасковью Григорьевну. Материал об этом был напечатан в «Красной звезде» 22 ноября 1967 г.

Виктор Эдуардович Кингисепп

12 марта 1888 — 4 мая 1922

Письмо жене из таллинской тюрьмы

1 марта 1919 г.

Здравствуй, дорогая!

...Все мы здесь с «продленным сроком», всех нас ожидают песчаные холмы на берегу Юлемисте [1].

Нет ничего отвратительнее, чем умереть убитым белыми, как крыса. Когда переступаю порог какой-нибудь квартиры, никак не могу избавиться от чувства, что вступаю в мышеловку, откуда уведут на смерть. Можно, конечно, заставить заговорить револьвер, такая мысль была у меня месяц назад, но после я ее отбросил. Политическим надо до конца испить свою чашу. Белогвардейцы умыли бы руки, если бы я встретил их огнем. Им было бы удобнее убить меня при оказании сопротивления. Пусть же они пустят в ход всю свою гильотину для моего уничтожения. Пусть они обоснуют это политическое убийство...

Крепко тебя целую.

Твой Виктор.

[1] Юлемисте — озеро под Таллином, возле которого белогвардейцы расстреливали сторонников Советской власти.

Последнее письмо жене из подполья

Март 1922 г. [1]

...Нас с тобой разделяют товарищи, которых скосил белый террор. Их число растет с каждым месяцем, с каждой ночью... Я похоронил все надежды на счастье, у меня нет другой страсти, кроме страсти возмездия классовым врагам. Я исполнен личной ненависти к буржуазии. К этому меня привели последние три года... И я живу этой ненавистью, живу для того, чтобы приблизить минуту расплаты. Когда она наступит, я, возможно, уеду отсюда...

Будь счастлива.

Твой Виктор.

На острове Сааремаа — родине В. Э. Кингисеппа в историко-революционном музее представлены уникальные исторические документы о его героической жизни и деятельности: партийный билет, выданный в 1906 г., когда Виктору было всего 17 лет, постановление с грифом «секретно» об установлении в 1914 г. гласного надзора за студентом Петербургского университета Виктором Кингисеппом, «изобличенном в принадлежности к Ревельской организации Российской социал-демократической организации и в агитации среди фабричных рабочих».

В музейной экспозиции билет В. Кингисеппа, удостоверяющий, что он является членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, его пропуск № 1333 на право входа в здание ВЧК, где работал Виктор Эдуардович; мандат, подписанный Кингисеппом, о делегировании на III конгресс Коммунистического Интернационала представителей Компартии Эстонии — Ханса Пегельмана, Яана Анвельта и Пауля Крюгера (Леппа); многие другие свидетельства революционной деятельности В. Э. Кингисеппа в Петрограде и Таллине.

...Когда в 1920 г. в Таллине нелегально собрался первый съезд эстонских коммунистов, в партии было около 700 человек, из них пятая часть находилась в тюрьмах. Авторитет коммунистов быстро

[1] Датируется по времени последнего ареста В. Э. Кингисеппа эстонской политической полицией.

рос, и уже через год на территории буржуазной Эстонии действовало 73 партийные организации, а число членов партии превысило тысячу человек. Все это было непосредственным делом Виктора Кингисеппа, с ноября 1918 г. руководившего Компартией Эстонии. Он смело действовал под носом у агентов политической полиции, создавал подпольные типографии, издавал газету «Коммунист», талантливо руководил нелегальной работой коммунистов.

После восстановления в 1940 г. Советской власти в Прибалтике в архивах буржуазной Эстонии был обнаружен последний снимок славного революционера с тюремным номером 837; он сделан в камере за несколько часов до расправы с непобедимым и несломленным борцом за народное счастье. Виктора Кингисеппа расстреляли в ночь на 4 мая 1922 г. в лесу около Таллина.

Ветераны революции, красные следопыты — пионеры и школьники эстонских школ — вели длительный и сложный поиск, который выявил новые уникальные документы о жизни и деятельности верного коммуниста-ленинца. В канун 90-летия со дня его рождения на Сааремаа, где он жил в 1888—1906 гг., открылся Дом-музей В. Э. Кингисеппа. Ценными материалами пополнилась экспозиция сааремааского музея: протоколами II съезда РСДРП, финансовыми отчетами о работе эстонских коммунистов, документами, подтверждающими факты биографии В. Э. Кингисеппа. Все это было найдено в тайнике дома, где с весны 1921 г. по март 1922 г. располагалась главная конспиративная квартира ЦК Компартии Эстонии.

Именем славного сына эстонского народа названы города и районы в ЭССР и Ленинградской области, его имя носят Государственный академический театр драмы Эстонии, крупнейший в республике целлюлозно-бумажный комбинат и хлебозавод, многие школы, учреждения и организации. Письма революционера воспроизводятся по музейным материалам и текстам из книги «Вечная слава» (М., 1967).

Виталий Борисович Баневур

2 июня 1902—17 сентября 1922

Письмо М. В. Сибирцевой

10 сентября 1922 г.

Дорогая Мария Владимировна!

Захотелось написать Вам, поделиться мыслями.

Мне сейчас тяжело и вместе с тем легко. Тяжело от того, что все еще идет война, гибнут люди, наши товарищи — самые прекрасные человеки на земле. Легко от сознания, что скоро, совсем скоро кровавая полоса в истории закончится и наступит желанный и светлый мир, о котором истосковались все честные силы человечества, особенно все матери, начиная с Вас, а также моей мамы и кончая всеми остальными.

Часто вспоминаю Ваш дом, вернее, пристройку к нему, где Вы учили нас уму-разуму, где прошли шумные диспуты с Всеволодом и Игорем, душевные разговоры с Вами о главном смысле жизни. Вы во всем правы, и я все больше завидую Вашим замечательным сыновьям. Я понимаю, что, говоря о них, я будоражу Вашу боль. Но иначе я не могу. Ведь это все случилось... И случится еще со многими, вполне возможно, что и со мной. Да, дорогая Мария Владимировна, мне уже приходилось бывать на волосок от смерти. В каждый критический момент я старался походить именно на Всеволода и Игоря.

Фу, что это я о смерти. Вы уж простите. Долой мрачные мысли.

Жду Вашего письма. Где сейчас Луцкие, близкие Сергея Георгиевича? Передавайте им при случае мой боевой коммунистический привет. Я сейчас недалеко от Уссурийска, при партизанском штабе, все время на ногах. Приходится довольно часто бывать в разных переделках. Вооружен винтовкой, револьвером, гранатами. А главное оружие — в «патронтаже», что зарядили Вы своей учебой и напутствием. Сыновье спасибо Вам за все. Будьте здоровы и спокойны.

Крепко любящий Вас
Виталий.

Последние слова белогвардейским палачам

17 сентября 1922 г.

Я — коммунист, а военную и государственную тайну коммунист выдать не может...

Виталий Баневур родился на Дальнем Востоке, в семье политических ссыльных. Его родители посвятили жизнь революционной борьбе [1]. На этот же путь рано встали и их дети.

В годы гражданской войны семья Баневур оказалась во Владивостоке. Виталий быстро установил связи с комсомольской молодежью. Здесь, во Владивостоке, судьба свела его с семьей Сибирцевых. Мария Владимировна, которой адресовано письмо, учительница, участница революции, оказала большое влияние на Виталия, ее дети были его друзьями. У Сибирцевых Виталий встречался с Сергеем Лазо, А. Н. Луцким, К. А. Сухановым и другими большевиками.

Виталия избрали секретарем комсомольской ячейки.

Во время оккупации Владивостока японскими войсками на Виталия, хорошо знавшего молодежь, возложили задачу подбора молодых патриотов на подпольную работу и в партизанские отряды. Это было очень ответственное поручение.

[1] Отец Виталия — Б. З. Баневур за принадлежность к социал-демократической организации был арестован в Вильно в мае 1898 г., сидел в тюрьме в Москве, затем был сослан в Восточную Сибирь, куда следом за ним приехала жена — Анна Наумовна (ЦГАОР СССР, ф. 102, ДП, 7-е дел-во, 1898 г., д. 310).

«Тов. Баневур — старый работник организации и незаменимый организатор. В 1921 году т. Баневур съездом комсомольцев был избран кандидатом в обком РКСМ Приморья... тогда же был руководителем Владивостокской городской организации и являлся делегатом IV Всероссийского съезда РКСМ от Приморья... В 1922 году облбюро Приморья направило т. Баневура в Никольск-Уссурийский район, где он и вел как член райбюро РКСМ Никольска союзную работу...» [1]

«Виталий развил в районе кипучую деятельность,— читаем в воспоминаниях о нем.— В легкой тужурке, с кожаной сумкой с литературой через плечо он ходил по селам, собирая сельскую молодежь. Рассказывал о Советской власти, о партии, о задачах молодежи, о комсомоле, о борьбе за новую, счастливую жизнь... Молодежь объединялась под знаменем комсомола, шла в партизанские отряды, вела борьбу с кулаками в деревне... От Виталия мы, партизаны, узнавали, что творилось за линией фронта, какое положение на фронте, что нового в соседних партизанских отрядах...» [2]

В сентябре 1922 г. на штаб никольско-уссурийских партизан, расположенный в селе Кондратенково, напали белогвардейцы.

Виталий уходил последним, прикрывая остальных, но спастись не удалось. Его схватили, увели в тайгу, на левый берег небольшой речушки Супутинки, привязали к высокому кедру. Пытали...

Виталия обнаружили партизаны-разведчики. Изверги вырвали у юноши сердце...

Теперь на этом месте высится монумент, на котором написано:

ВИТАЛИЙ БАНЕВУР
герой-комсомолец
патриот родины
борец революции

Публикуемое письмо Виталия сохранилось в копии в семье Луцких как часть переписки с М. В. Сибирцевой, последние его слова приводятся во многих произведениях, посвященных борьбе за Советскую власть на Дальнем Востоке, в том числе и в воспоминаниях участников той борьбы.

[1] См.: Путь (Хабаровск), 1922, 14 октября; На рубеже (Хабаровск), 1937, № 5, с. 38.

[2] Гражданская война на Дальнем Востоке (1918—1922). Воспоминания ветеранов. М., 1973, с. 289, 292.

От составителя

Вот уже около тридцати лет я собираю письма и другие документы о жизни и деятельности борцов за социалистическую революцию. Интерес к такому поиску пробудили во мне еще преподаватели Московского государственного историко-архивного института. Было это давно — 35 лет назад. Позже, в период работы в Главном архивном управлении, в журнале «Советские архивы» интерес этот оформился окончательно и стал более конкретным: я занялся розыском эпистолярного наследия революционеров, павших в борьбе с классовыми врагами.

Результатом розыска стала книга «Письма славы и бессмертия», впервые изданная Политиздатом еще в 1964 г. Тогда в нее вошло около 50 писем. «Это всего лишь небольшая частица того, что писалось борцами революции,— говорил в предисловии к первому изданию старейший большевик страны, член партии с 1896 г. Ф. Н. Петров.— История немного сохранила таких глубоко волнующих документов. Объясняется это не только давностью событий, но главным образом тем, что массовые расправы с борцами происходили без суда и следствия, прямо на улицах восставших городов, в селах и деревнях, на кораблях и в гарнизонах. У бойцов революции для прощальных писем не оставалось порой самой последней, драгоценной минуты...» [1]

К этому можно добавить, что царские каратели, а позже — белогвардейцы и интервенты делали все, чтобы утаить от родных и близких, а тем более от общественности письма революционеров. Многие были просто уничтожены, другие — «похоронены» в архивах палачей и только после победы Октября стали достоянием общественности: они публиковались в газетах и сборниках с первых лет Советской власти. Именно такова судьба писем казненных руководителей Кронштадтского восстания в период первой российской революции.

[1] Письма славы и бессмертия. М., 1964, с. 3.

Написанные в исключительных, а предсмертные — в экстремальных условиях, письма революционеров несут в себе не только отпечаток авторской индивидуальности: они передают дыхание своего времени, политическую обстановку в стране. «Письма — больше воспоминаний, на них запеклась кровь событий, это само прошедшее — как оно было, задержанное, нетленное» [1]. И потому письма пролетарских борцов заняли первейшее место в эпистолярном наследии XX в.; еще до Октября они вошли в дневники, воспоминания, листовки, прокламации, в целый ряд нелегальных и легальных изданий, каждый вид которых для дела революции, по выражению В. И. Ленина, «незаменим и всегда будет безусловно нужен» [2].

Поисковая работа дала составителю немало фактов, свидетельствующих о постоянном внимании к письмам революционеров со стороны Владимира Ильича Ленина. В редактируемых им газетах регулярно печатались письма пролетарских борцов, составленные ими воззвания и прокламации.

Например, одна из документальных подборок о восстании матросов и рабочих в Севастополе была напечатана в номере «Новой жизни» от 30 ноября 1905 г. Здесь воспроизводились тексты подлинных документов за подписью командующего восставшим Черноморским флотом лейтенанта П. П. Шмидта. Давались необходимые пояснения, типа: «Подлинник отправлен Шмидтом с матросом с «Очакова». Материалы сопровождались принципиальным редакционным комментарием: «Печатаемые выше документы... показывают, сколько выдержки, дисциплины и благородства обнаружили «бунтовщики». Поддерживая в городе образцовый порядок, не допуская никаких бесчинств и насилий над мирными гражданами, они и по отношению к врагам своим держались тактики открытых действий без всякой жестокости. Они вступили в переговоры, только отвечая на насилие со стороны властей. Насколько эта тактика была выгодна для восстания, показали события — власти захватывали и нападали врасплох на восставших. Но что в ней много гуманности и благородства по отношению к врагу — бесспорно. Но заслуживал ли он такого отношения?» [3] Ответ читателю был ясен. К поучительным документам, связанным с событиями Севастопольского восстания, В. И. Ленин еще вернется в своем итоговом

[1] *Герцен А. И.* Соч. В 30-ти т. М., 1956, т. 8, с. 290.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 271.
[3] Новая жизнь, 1905, 30 ноября.

«Докладе о революции 1905 года», с которым будет выступать перед зарубежными социал-демократами в январе 1917 г. [1]

Примеру ленинской «Новой жизни» следовали другие большевистские издания 1905—1907 гг. Так, в печатном органе большевистских военных организаций «Казарма» в сентябре 1906 г. были напечатаны предсмертные письма участников флотских восстаний в Свеаборге и Кронштадте. Тогда же групповое письмо матросов и солдат, осужденных на казнь, было обнародовано в виде листовки.

Известны публикации в виде листовки и в газете читинских большевиков «Забайкальский рабочий» предсмертного письма видного сибирского большевика, соратника И. В. Бабушкина А. И. Попова, расстрелянного на станции Борзя, под Иркутском. Письмо было напечатано спустя месяц после его казни и читалось на подпольных собраниях и во время массовок в феврале — мае 1906 г.

Ленинские традиции публикации писем и документов революционеров получили дальнейшее развитие на страницах центральных большевистских газет «Социал-демократ», «Пролетарий» и др. Подготовка их к печати осуществлялась при непосредственном участии и редактировании В. И. Ленина, его ближайших соратников — А. В. Луначарского, В. В. Воровского, В. Д. Бонч-Бруевича и др.

Розыск писем пролетарских революционеров значительно расширился после того, как довольно быстро разошелся 200-тысячный тираж первого издания «Писем славы и бессмертия». В Политиздат, к составителю книги стали поступать многочисленные отклики читателей. Появились в печати отзывы-рецензии. Они содержали и критические замечания, и советы по подготовке нового издания.

На активизации поиска новых писем революционеров сказалась публикация центральными и местными издательствами богатейшей мемуарной литературы, очерков истории республиканских, краевых, областных и городских организаций КПСС: эти публикации подсказали новые имена героев, адреса розыска, вооружили исследователей конкретным фактическим материалом.

Результатом поиска послужило значительное расширение фактуры последующих изданий книги. Так, в третье издание (Политиздат, 1983) было включено 125 писем. Существенные уточнения были внесены в ранее публиковавшиеся тексты писем и комментариев.

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 306—328.

Большинство писем, включенных в настоящее, четвертое, издание книги выявлены в фондах Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР СССР), Центрального государственного архива Советской Армии (ЦГАСА), Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), Центрального государственного архива Военно-Морского Флота СССР (ЦГАВМФ СССР).

Среди новых документов, включенных в настоящее издание книги,— письма, записки, записи из дневников, телеграммы виднейшего большевика-ленинца, злодейски убитого 18 октября 1905 г., Н. Э. Баумана; активнейшего участника Декабрьского вооруженного восстания в Москве фабриканта, ставшего убежденным большевиком, Н. П. Шмита; матроса-потемкинца А. Н. Заулошнова; знаменитого латвийского поэта-революционера Юлюса Янониса; чекиста Августа Берзина; одного из руководителей антиденикинского подполья в Харькове — Михаила Черного; пламенного борца за власть Советов на Северном Кавказе Асланбека Шерипова; героя эстонского народа Виктора Кингисеппа; легендарного героя грузинского и якутского народов Нестора Каландаришвили; бесстрашных большевиков Владимира Чепалова, Никифора Левачева, Георгия Микеладзе.

В предыдущих изданиях были опубликованы письма героев Кронштадтского восстания 1905 г. Н. В. Комарницкого, Т. Л. Глебко и А. М. Кузнецова. Благодаря отзывам читателей, дополнительным поискам в ЦГАВМФ СССР, в изданиях большевистских военных организаций 1906—1907 гг., в других периодических изданиях удалось выявить письма И. И. Аникеева и П. И. Новожилова — матросов-большевиков, участников Кронштадтского восстания, казненных 21 сентября 1906 г. Теперь эти письма включены в настоящее издание. Удалось выявить продолжение опубликованного ранее письма Н. В. Комарницкого и уточнить разночтения в ранее публиковавшемся тексте. В книге публикуется и радиограмма бакинских комиссаров с парохода «Туркмен» членам «Диктатуры Центрокаспия».

В новое издание книги вошли также исторически значимые письма Петра Шмидта и Сергея Лазо. Полнее и точнее стали письма Люсик Лисиновой, Михаила Кривошлыкова, Самуила Цвиллинга. В комментарий к письму Ольги Дилевской включены воспоминания академика Н. М. Дружинина, полнее раскрывающие

замечательный облик этой бесстрашной женщины, отдавшей жизнь за идеалы революции.

Издатели и составитель сочли возможным включить в книгу не только предсмертные письма и записки, но и те, что писались раньше. Они позволяют глубже раскрыть характер героя, его идейно-политическую позицию, образ мыслей и, следовательно, создать у читателя более цельное представление о человеке, его нравственном облике.

Нетрудно понять, что не каждому революционеру позволялось и удавалось написать последнюю весточку товарищам по борьбе, близким. Легче бывало высказать в лицо палачам свое последнее слово. В тех случаях, когда последнее слово революционера документально зафиксировано (содержится в материалах суда, отчетах официальных лиц, бывших на месте казни, в частности, представителей общественности, журналистов), мы сочли правомерным включить его в нашу книгу.

Текст писем, включенных в настоящее издание, воспроизведен с учетом особенностей их написания самими авторами — героями революции, с максимальной точностью оригинала. Все пояснения, расшифровки и дополнения текстов писем даются в примечаниях или комментарии.

Комментарий к публикуемым письмам задуман и выполнен так, чтобы на базе множества архивных материалов и публикаций сообщить читателю основные историко-биографические сведения об авторе письма, его роли и месте в освещаемых революционных событиях, об истории самого письма и месте хранения.

Документы, написанные до 1 февраля 1918 г. и включенные в книгу, датируются по старому стилю, после 1 февраля 1918 г.— по новому стилю. Публикуемые письма систематизируются строго по хронологическому принципу.

Письма героев борьбы за народное дело, письма сложнейшей судьбы продолжают волновать читателей, вызывать самые теплые чувства к павшим в классовой схватке трех российских революций. И потому поиск таких писем должен быть продолжен, должен быть расширен. К участию в нем мы приглашаем каждого, кому дорога наша революционная история.

Владимир Кондратьев

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Содержание

ПИСЬМА СЛАВЫ И БЕССМЕРТИЯ

Письма революционеров, павших в борьбе за пролетарскую революцию и победу Советской власти в России,

1905—1922 гг.

Издание четвертое, дополненное

На 4-й странице обложки гравюра П. Н. Староносова «На московских баррикадах. Декабрь 1905 года».

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Л. С. Макарова*
Младший редактор *В. В. Шабалкин*
Художник *В. Г. Фескин*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 5919

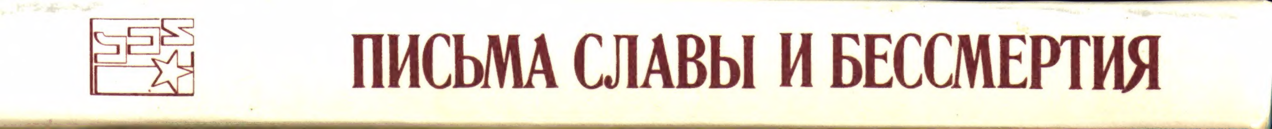
Сдано в набор 17.09.86. Подписано в печать 14.01.87. А00006. Формат $70 \times 108^1/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,70. Усл. кр.-отт. 15,40. Уч.-изд. л. 15,97. Тираж 200 000 экз. Заказ № 2210. Цена 70 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

70 коп.

ПИСЬМА СЛАВЫ И БЕССМЕРТИЯ